

А. С. БЛАНК

ИЗ ИСТОРИИ раннего фашизма в Германии

Не только история ● Марксистская литература о фашизме ● Детище генералов рейхсвера ● Реорганизация и перегруппировка сил ● Духовные предтечи фашизма ● С чем они апеллировали к массам ● Вербовка политической пехоты ● Алиби-ретроспективно? ● Фашизм не приходит в одну ночь ●

Мауер

Из истории
раннего
фашизма
в Германии

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО ФАШИЗМА

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1978

А. С. БЛАНК

В ГЕРМАНИИ

Организация

Идеология

Методы

9(М)71

Б 68

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бланк А. С.

Б 68 Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., «Мысль», 1978.
208 с.

В книге доктора исторических наук А. С. Бланка освещается история зарождения и развития фашизма в Германии. Автор вскрывает истоки и социальные корни фашизма, сущность его человеконенавистнической идеологии, причины ее распространения и влияния на массы. В книге разоблачаются многочисленные вымыслы и легенды буржуазной историографии о раннем фашизме в Германии, попытки его реабилитации реакционными историками. Приводя факты усиливающейся активности неофашизма в ФРГ и ряде других западноевропейских стран, автор подчеркивает черты его зловещего сходства с ранним фашизмом.

Б 10605-112 — БЗ-66-8-77
004(01)-78

9(М)71

1

НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЯ

Фашизм как политическое течение возник и развился в период общего кризиса капитализма, начало которому положили первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция, в обстановке резкого обострения классовых противоречий и неустойчивости буржуазных режимов.

Анализируя тенденции политического развития капиталистических стран в период империализма, В. И. Ленин еще в годы первой мировой войны подчеркивал, что они характеризуются усилением реакции по всей линии. Это нашло свое наиболее последовательное выражение в фашизме, в котором империалистическая буржуазия увидела одно из самых эффективных средств удержания власти. Фашизм стал опаснейшим инструментом наиболее реакционных кругов монополистического капитала в борьбе против демократии и социализма, против исторических завоеваний Великого Октября, против свободы и независимости народов.

Свою первую пробу сил фашизм осуществил в ожесточенной борьбе начала 20-х годов против революционного пролетариата в Италии, Болгарии, Венгрии, Германии и в других странах. В 1922 г. фашисты установили свою диктатуру в одной из крупных европейских держав — Италии.

На политическом горизонте Германии фашизм появился сразу же после окончания первой мировой войны в качестве одной из многих разновидностей реакционных националистических течений. Спустя немногим более десяти лет гитлеровская партия, пользуясь поддержкой реваншистских монополистических кругов, сумела оттеснить своих соперников из числа других реакционных партий и организаций и создать своему движению до-

вольно широкую массовую базу. Захватив в 1933 г. власть, гитлеровцы за короткий срок уничтожили все демократические институты, существовавшие в стране, и развернули бешеный террор против революционного рабочего движения, прежде всего против коммунистов. Они создали мощный террористическо-бюрократический аппарат подавления, агрессивную армию и начали лихорадочную подготовку к новой мировой войне, острие которой было направлено против Советского Союза — единственного тогда в мире социалистического государства. В годы своей диктатуры германский фашизм возвел применявшиеся им в период борьбы за власть методы — бандитизм, терроризм, провокации, подлог и шантаж — на уровень государственной политики. Установление фашистской диктатуры в Германии означало возникновение опаснейшего очага новой мировой войны, смертельную угрозу прогрессу человечества, демократии и социализму.

В годы второй мировой войны, главным виновником которой был германский фашизм, гитлеровцы установили на территории оккупированных ими стран так называемый «новый порядок», который по своим зверствам превзошел самые мрачные времена в многовековой истории человечества. Под вопрос было поставлено само существование независимых народов Европы. Оккупированные территории были превращены гитлеровцами в гигантский концентрационный лагерь, в одну грандиозную каторжную тюрьму народов.

Вероломно напав в 1941 г. на Советский Союз, германский фашизм приступил к реализации главного пункта своей разбойничьей программы — уничтожению социализма. Смертельная опасность грозила советскому народу, свободе и независимости нашей Родины. Если бы гитлеровцам удалось осуществить свои планы в отношении СССР, это означало бы потерю нашей страной своей независимости, физическое уничтожение значительной части ее населения, переход оставшихся в живых и их потомков в состояние униженного и страшного рабства. В международном масштабе реализация целей фашизма означала бы превращение большей части планеты в колониальную периферию германских монополий. Такой исторический зигзаг в поступательном развитии человечества отбросил бы мировую цивилизацию на сотни лет назад.

Разгром германского фашизма — ударной силы мирового империализма, осуществленный при решающей роли Советского Союза, представлял собой подвиг, равного которому не было в истории человечества. Будущие поколения будут с благодарностью хранить память о миллионах советских людей, отдавших свою жизнь за спасение человечества от смертельной угрозы. Коммунистическая партия Советского Союза, коммунисты всех стран, возглавившие борьбу против германского фашизма, снискали непреходящее уважение и благодарность народов.

Осуществленное в итоге разгрома германского фашизма и поддерживавших его реакционных режимов уничтожение власти монополий в ряде государств Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в восточной части Германии создало основу для социалистического развития народов этих стран, которое успешно осуществляется на протяжении уже более четверти века. Разгром наиболее реакционных сил империализма, рост могущества и влияния Советского Союза, возникновение социалистической системы определили новую расстановку сил на международной арене. Позиции империализма оказались существенно подорванными. Широкий простор для развития и перехода на новый, качественно более высокий уровень открылся перед революционной борьбой рабочего класса в капиталистических странах и национально-освободительным движением. Развитие человечества по пути прогресса получило новый мощный импульс.

Уже давно мертв гитлеровский фашизм, сокрушенный усилиями свободолюбивых народов, и прежде всего великого советского народа. Однако существует империализм, породивший фашизм. Как обвинительный акт империализму звучат слова Итогового документа международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г.: «Империализм — виновник двух мировых войн, унесших десятки миллионов жизней. Он создал небывалую военную машину, которая поглощает колоссальные людские и материальные ресурсы; наращивая гонку вооружений, на десятилетия вперед планирует производство нового оружия; несет угрозу мировой термоядерной войны, в огне которой были бы уничтожены сотни миллионов людей, опустошены целые страны.

Империализм породил фашизм — режим политического террора и лагерей смерти»¹.

К сожалению, фашизм — это не только история. Сейчас, когда ведущей тенденцией политической жизни стали разрядка и сотрудничество, вызывает тревогу тот факт, что в некоторых странах возрастает неонацистская активность. Кое-где в Западной Европе в последнее время поднимают голову силы крайне правой реакции. Несмотря на различие политических этикеток, под которыми они выступают, все организации крайне правого толка объединяют ненависть к демократии и прогрессу, стремление во что бы то ни стало помешать установлению на нашем континенте системы прочной безопасности и сотрудничества. Ультраправые силы отказываются признавать послевоенные изменения в Европе, в том числе и сложившиеся границы, зафиксированные в ряде международных документов.

И в наши дни коричневые тучи появляются на политическом горизонте Федеративной Республики Германии. Звучат воинственные призывы на многочисленных реваншистских сборищах, организуемых «Союзом изгнанных» и различными «землячествами»; молодчики из так называемой «службы порядка» неонацистской национал-демократической партии (НДП) организуют провокации и террористические акты против демократов и антифашистов, совершают налеты на помещения Германской коммунистической партии.

В современных условиях неонацисты придают первостепенное значение пропагандистской деятельности. Ими полностью учитывается тот факт, что нынешнее поколение западных немцев не имеет опыта жизни в условиях фашистской диктатуры и войны, о прошлом знает мало или в искаженном виде. При этом для значительного числа молодых людей характерен своеобразный политический и идеологический абсентеизм. Заполнить духовный вакуум в сознании молодежи, этой наиболее активной части населения ФРГ, и стремятся неонацисты. Неонацистские силы — как те, которые оформлены в качестве различных «партий», «союзов», «акций», реваншистских «землячеств» и других группировок, так и те, которые интегрированы в составе ХДС и ХСС, — ставят своей основной задачей воздействие на массовое сознание, идеологическую обработку населения в духе неонацизма.

Председатель Германской коммунистической партии Г. Мис в июне 1977 г. отметил, что все демократические силы ФРГ «встревожены усиливающейся активностью неофашистских и реваншистских групп». Он призвал всех антифашистов независимо от их политической принадлежности к активным совместным действиям с тем, чтобы «воспрепятствовать возрождению нацистского образа мыслей, реабилитации и восхвалению господства нацистского насилия»².

Может показаться парадоксальным тот факт, что усиление активности западногерманских неофашистов и реваншистов всех мастей сопровождается уменьшением численного состава их организаций, особенно неофашистских партийно-политических групп. Известно, что во второй половине 60-х годов неонацистская НДП сумела проникнуть в состав большинства ландтагов и многих коммунальных представительств и готовилась штурмовать ворота бундестага. Вокруг НДП, которая выступала в авангарде крайней реакции, были сконцентрированы основные силы неонацистов. Сейчас положение иное. Основные лозунги НДП перехвачены лидером ХСС Штраусом и его политическими союзниками, а неофашисты «вкраплены» во многие политические объединения и организации. Планы завоевания бундестага пришлось отложить как нереальные, по крайней мере в ближайшем будущем. Попытка превратить НДП в массовую ультрареакционную партию, обладающую представительством в бундестаге, окончилась неудачей: от выборов к выборам за нее подавало голоса все меньшее и меньшее число избирателей. На выборах в бундестаг, состоявшихся в октябре 1976 г., НДП получила только 122 661 голос (0,3%) — почти вдвое меньше, чем в 1972 г.³ При этом 75% всех голосовавших за НДП приходится на две федеральные земли — Баварию и Баден-Вюртемберг⁴. НДП также потеряла депутатские места в ландтагах. Численность партии, которая в период ее наивысшего подъема превышала 42 тыс. человек, к 1975 г. снизилась до 11,5 тыс., а в 1977 г. составляла примерно 15 тыс. человек. Не смогли также стать сколько-нибудь массовыми ни отколовшаяся от НДП в 1972—1973 гг. «Акция новых правых», ни созданный в 1971 г. «Немецкий народный союз», возглавленный близким к Штраусу Г. Фреем, издателем «Дойче националь-цайтунг».

В общей сложности в 1977 г. в ФРГ насчитывалась 121 организация откровенно неонацистского направления⁵.

В то же время непрерывно возрастает число неонацистских вылазок: нападений на собрания и активистов демократических организаций, поджогов, разрушений антифашистских памятников и т. п. По данным ежегодных отчетов Федерального ведомства по охране конституции, таких фашистских провокационных акций в 1974 г. было зарегистрировано 136, в 1975 г. — 206, в 1976 г. — 320. Только в течение лета 1977 г. в стране состоялось более 50 тыс. фашистских сборищ, шествий, демонстраций.

Это несоответствие между сокращением численности неонацистских группировок, с одной стороны, и усилением их реакционной деятельности — с другой, выражает особенности современного неонацизма в ФРГ.

Углубление процесса разрядки международной напряженности, разочарование основной массы населения ФРГ в опасной и бесплодной политике «холодной войны», наконец, переход руководства страны на позиции более реалистической внешней политики — все эти обстоятельства закономерно обусловили неудачи западногерманских неонацистских группировок в 70-х годах.

Вместе с тем успехи в деле международной разрядки и утверждение реализма во внешней политике ФРГ вызывают усиление сопротивления реакции. Громадное влияние на всю политическую жизнь ФРГ оказывает военно-промышленный комплекс, мощь которого и в условиях экономического кризиса неуклонно увеличивается. Стоящая у руля правительственной власти в стране партийная коалиция отражает политические тенденции монополистического капитала как во внутренней политике, приобретающей все более антидемократический характер, так и во внешней, характеризующейся усилением гонки вооружений.

На Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы Г. Мис отметил факт «усиления правых тенденций во всех областях политической и общественной жизни» Западной Германии. Он подчеркнул, что, «несмотря на стратегию приспособления и более реалистическую политику господствующих сил... страны, агрессивная и реакционная сущность германского империализма не изменилась»⁶.

Одним из показателей усиления правых тенденций в ФРГ явилось то, что на проходивших в последние годы выборах в бундестаг и в ландтаги значительно уменьшилось количество избирателей, голосовавших за кандидатов СДПГ и СвДП, а некоторые земельные правительства перешли в руки «союзных партий» ХДС и ХСС, наиболее полно выражающих волю военно-промышленного комплекса, стремящихся покончить с политикой разрядки и еще больше урезать демократические права граждан ФРГ. Это свидетельство разочарования многих из тех, кто прежде поддерживал коалицию СДПГ и СвДП, в проводимой ею антинародной внутренней и половинчатой, часто непоследовательной внешней политике.

В обстановке кризисных явлений, безработицы, роста цен, массовых банкротств мелких и средних предпринимателей, роста преступности и разгула терроризма определенные слои легко поддаются шовинистическим лозунгам и демагогическим обещаниям «христианских» ультраконсерваторов. Они также становятся весьма восприимчивыми к неонацистской пропаганде, которая в унисон с ХДС/ХСС корнем всех бед немецкого народа объявляет разгром гитлеровского «рейха», а также «капитулянтскую» позицию коалиционного правительства социал-демократов и свободных демократов, выразившуюся в заключении так называемых «восточных договоров». Неонацисты добавляют к этому изрядную долю демагогической критики всей системы «общества потребления» современного Запада. Необходимо также учитывать, что многие из тех, кто раньше голосовал на выборах за НДП, а в последние годы отдавал голоса ХСС или ХДС, не отреклись от своих фашистских симпатий.

ХДС/ХСС все отчетливее проявляет себя как блок ультраправых сил, всех противников мира и разрядки напряженности. «Сильный человек» западногерманской реакции Ф.-И. Штраус вынашивает новые планы консолидации всех правых, в том числе и неонацистских, сил в стране. Власти земель, где правительства возглавляют представители буржуазных партий ХДС и ХСС, преследуя прогрессивно настроенных граждан ФРГ, в то же время не создают практически никаких препятствий для деятельности неонацистов.

Благоприятную для активизации неофашистских сил

обстановку создают такие факты, как недавний приход в бундестаг христианского демократа Виссенбаха, в прошлом добровольца эсэсовской дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер», а ныне функционера «объединения бывших военнослужащих войск СС» (ХИАГ) ⁷.

В Вюрцбурге шесть демократов предстали перед судом и были осуждены за выступление против участников собрания бывших эсэсовцев; мотивируя обвинение, прокурор заявил, что «принадлежавшие к числу эсэсовцев имеют право собираться» ⁸. В августе 1977 г. НДП, несмотря на официальное запрещение, при фактическом попустительстве полиции провела заседание своего президиума в Западном Берлине ⁹. Расширяется практика запретов на профессии для коммунистов и демократов, в то время как фашиствующие элементы беспрепятственно занимают должности в государственных учреждениях. Западногерманские власти используют все средства для того, чтобы оградить от справедливого возмездия виновных в чудовищных преступлениях нацизма и их пособников. Командование бундесвера чествует таких «высоких гостей», как нацистский ас, полковник «люфтваффе» Рудель, оставшийся гитлеровцем до мозга костей.

Активность неонацистских группировок в ФРГ поощряется денежной поддержкой со стороны реакционных монополий. Известно, что многие годы НДП получала крупные суммы в виде субсидий от западногерманских концернов, особенно военно-промышленных, и банков. Финансовая поддержка неонацистов крупными концернами осуществляется также путем помещения в неонацистской прессе огромного количества платных объявлений: так поступают, например, «Байер — Леверкузен», «АЭГ-Телефункен», «Бертельсман», «Квандт» и некоторые другие ¹⁰.

Такая политическая и моральная обстановка позволяет численно незначительным неофашистским группам беспрепятственно развертывать свою пропаганду и вести идеологическую обработку населения.

Стержнем неонацистской пропаганды является противодействие процессу разрядки, антикоммунизм и антисоветизм, проповедь реванша в сочетании с демагогическими нападками на социал-демократов, либералов и вообще «левых», объявляемых «предателями». «Левые готовы всю Германию выдать советскому империализ-

му»¹¹, — говорится в партийной программе НДП, принятой в 1973 г. на съезде в Дюссельдорфе. На митинге НДП во Франкфурте-на-Майне в августе 1977 г. неонацистский оратор призывал «ликвидировать» ГДР и «освободить» Росток, Лейпциг и Магдебург¹².

При полной общности позиций в том, что касается враждебности разрядке, реваншизма, антикоммунизма и антисоветизма, между неонацистскими организациями существуют определённые различия в формах маскировки их истинных целей и методах пропаганды.

НДП как партия, претендующая на парламентское представительство, с самого начала пыталась выглядеть «демократической», отрицая свое прямое родство с национал-социализмом. На Дюссельдорфском съезде НДП в 1973 г. заместитель председателя партии Ф. Бук, выступая с докладом по программному вопросу, уверял, что НДП признает себя «сторонницей демократии» и исповедует «плюрализм идей и мнений»¹³. Эти заявления полностью опровергаются всей практикой НДП, о чем откровенно сказал ее председатель М. Мусгнуг с трибуны того же съезда: «Наша задача — бороться против господствующего левого духа времени, который под лозунгом «демократизации» разрушает в Федеративной Республике всякий государственный авторитет»¹⁴.

Следует также отметить, что на последнем съезде НДП, состоявшемся в конце марта 1977 г. в Ганновере, задавали тон те функционеры партии, которые отстаивали использование гитлеровской идеологии и нацистских методов без каких-либо «поправок» на время. В руках этих элементов и сосредоточено сейчас руководство партией.

Всячески пытается натянуть на себя «демократическую» личину и «Немецкий народный союз». Это, однако, не помешало его лидеру Фрею организовать в ФРГ серию публичных выступлений бывшего адъютанта и личного референта Геббельса В. фон Овена, приглашенного с этой целью из Аргентины. В своей речи на митинге «Немецкого народного союза» в одной из мюнхенских пивных фон Овен под восторженные овации неонацистов призывал к войне против Советского Союза и к «истреблению всех евреев и марксистов». «Я бы не имел ничего против того, — заявил он, — чтобы партнеры по разрядке все были повешены. Но до этого, к сожалению, дело пока не дошло». Что касается отноше-

ния фон Овена к демократии, то оно было ясно выражено в следующих словах: «Для того чтобы покончить с марксизмом, надо временно отменить демократию. После этого ее ведь можно снова ввести»¹⁵.

Неонацистская «Акция новых правых» и близкие к ней «молодые националисты» делают ставку на привлечение экстремистски настроенной молодежи и держат курс на осуществление в широких масштабах уличных провокаций и террористических акций. Они отвергают «демократическую» маскировку, применяемую НДП и «Немецким народным союзом», называя лидеров НДП «трусливыми обывателями». Но и эти организации пытаются отмежеваться от гитлеровского фашизма, изображая его безнадежно устаревшим, принадлежащим исключительно прошлому и стараясь особенно подчеркивать то «новое» и «особенное», что якобы отличает их от нацистов. Однако фактически они идут по стопам гитлеровцев, применяя наряду с шовинистической пропагандой также псевдосоциалистическую демагогию, заявляя о необходимости «синтеза национализма и социализма», осуществления «национальной и социальной революции», направленной «против всех старых сил». Для этих группировок неофашизма характерны призывы «учиться у левых», под которыми подразумеваются анархисты, троцкисты, маоисты. Впрочем, и представители других неофашистских течений, особенно «Немецкого народного союза», усердно восхваляют антисоветскую внешнюю политику Пекина, усматривая в последнем своего потенциального союзника против СССР и других социалистических стран. «Новые правые» и «молодые националисты» идут еще дальше, объявляя идеи Мао Цзэ-дуна одним из источников своего политического мировоззрения наряду с идеями анархиста Бакунина, а также «столпов» германского юнкерско-буржуазного консерватизма во главе с Бисмарком.

В числе неофашистских групп, действующих в ФРГ, есть и такие, которые открыто объявляют себя преемниками гитлеровской партии. Названия некоторых из них говорят сами за себя: «Боевое сообщество немецкого национал-социализма», «Антикоммунистическая боевая группа имени Хорста Весселя» и т. п. Другие группки этого толка выступают под вывеской «стрелковых союзов» или «военно-спортивных обществ». На организуемых ими митингах часто можно видеть людей, оде-

тых в коричневую форму гитлеровских штурмовиков; они распевают нацистские гимны и песню «Скоро наступит день мести». На одном из таких митингов, проходившем на территории Рейнланд-Пфальца, некий Шёнборн в своем выступлении заявил: «Мы принадлежим к тому гордому времени, которое мы пережили с 1933 до 1945 года». Другой оратор, адвокат Рёдер, призывал к развязыванию «партизанской войны» в целях воссоздания нацистского «рейха», разгромленного в 1945 г. Он же на подобного рода сборище во Франкфурте-на-Майне в 1975 г. вел речь о «продолжающемся 30 лет изнасиловании немецкого народа» и провозгласил лозунг «долой демократию»¹⁶.

Большинство неонацистских организаций, однако, считает такую тактику несвоевременной и опасной. Их деятели и сторонники предпочитают более или менее тщательно скрывать свое подлинное лицо и громко негодуют против тех, кто называет их фашистами. Видя свою главную задачу в апологии и распространении идей гитлеризма, они вместе с тем уверяют, будто в ФРГ нет никаких наследников и продолжателей традиций гитлеровского фашизма.

Характеристика западногерманского неонацизма будет неполной, если не остановиться на его «втором эшелоне» — реваншистских «землячествах», также играющих значительную роль в деле культивирования в ФРГ реваншистских, а фактически неонацистских настроений.

Хотя по сравнению с периодом 60-х годов, когда неофашистское движение переживало некоторый подъем, численный состав «землячеств» также несколько сократился, однако они и сейчас продолжают оставаться немалой силой. Объясняется это в числе прочих причин и тем, что «землячества» не имеют бросающегося в глаза фашистского обличья. Формально они комплектуются не на основании политической ориентации, а по территориальному признаку. С неонацистскими партийно-политическими группировками «землячества» непосредственно не связаны, руководящие посты в них обычно занимают члены ХДС/ХСС, но среди этих «христианских» руководителей больше бывших гитлеровцев, чем даже среди руководителей НДП. Под видом заботы о сохранении культурных особенностей и традиций силезских, восточнопрусских, судетских немцев «землячества» про-

поведуют идеи реваншизма, раздувают ненависть к народам социалистических стран.

В ФРГ действуют 19 «землячеств». Они объединены в «Союз изгнанных», который вместе с «Союзом среднегерманцев» (направленным специально против ГДР) насчитывает около 1,1 млн. членов. «Землячества» издают почти 360 реваншистских газет, журналов и «отечественных листков» общим тиражом около 1,5 млн. экземпляров. Реваншистские организации открыто финансируются властями ФРГ: в 1976 г., например, они получили около 30 млн. марок из федерального бюджета земель и коммун¹⁷. Президент ФРГ В. Шеель не так давно вручил орден «Федеральный крест за заслуги» пяти деятелям «землячеств» и «Союза изгнанных»¹⁸.

Как «землячества», так и «традиционные» союзы бывших военнослужащих различных соединений гитлеровского вермахта и войск СС организуют в разных городах шумные сборища. Из года в год в этих слетах принимают участие один из лидеров ХДС, министр-президент земли Шлезвиг-Гольштейн Г. Штольтенберг, активный деятель штраусовского ХСС, министр-президент Баварии А. Гоппель и другие видные представители «союзных партий». В 1977 г. в шествии силезского «землячества» в Эссене участвовало около 100 тыс. человек; главарь «землячества» Хупка открыто заявил, что вопрос о германских границах не разрешен, его и дальше «надо держать открытым». В мае 1977 г. «судетские немцы» собрались за пределами ФРГ, в Вене. Председатель этого «землячества» В. Бехер, как-то назвавший его «ударным отрядом свободы» в борьбе за Германию и Европу под знаком антикоммунизма, на сей раз ратовал за новый аншлюс в столице независимой, нейтральной Австрии. В речи по австрийскому радио этот бывший фашист-гейнлейновец, а ныне член ХСС демонстративно назвал австрийцев «альпийскими немцами», а на вопрос, не иллюзорна ли его мечта о «великой Германии», включающей в себя и Австрию, ответил так: «Сегодняшние иллюзии могут завтра стать реальностью».

В мае 1977 г. в Нассау собрались эсэсовцы — «ветераны» дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Гитлерюгенда»; полиция охраняла их сборище от протестующих антифашистов. А в июне того же года в австрийском городе Браунау — на родине Гитлера — бы-

ла организована торжественная встреча «товариществ» австрийских эсэсовцев и солдат вермахта с участием бывших гитлеровцев из Баварии и других земель ФРГ¹⁹. Число объявленных в ФРГ на лето 1977 г. эсэсовских «встреч» подобного рода достигало 46, но часть их не смогла состояться благодаря настойчивости и сплоченности демократических сил страны²⁰.

НДП и другие неонацистские группы в ФРГ поддерживают тесные связи со своими единомышленниками в других странах. Издающийся с 1950 г. в Кобурге ежемесячный журнал «Национ Ойропа» претендует, как видно из его названия, на общеевропейское значение и проповедует «европейский национализм» фашистского типа. В нем сотрудничают члены различных западногерманских неонацистских групп и тяготеющие к неонацизму деятели, состоящие в рядах ХСС и ХДС. В журнале систематически печатаются статьи представителей зарубежных неофашистских и близких к ним ультрареакционных организаций.

В последние годы в ФРГ и ряде других западноевропейских стран участились различного масштаба международные сборища неофашистов. В середине июля 1976 г. в Барселоне проходила встреча фашистов из 15 стран, в том числе из ФРГ. 7 августа того же года в Гамбурге состоялся приуроченный к закрытию восьмого съезда НДП так называемый «конгресс национальных сил Европы» с участием 1800 делегатов из различных западноевропейских стран, потребовавший дать «отпор... марксистскому большевизму»²¹. Через несколько дней в том же Гамбурге была организована «европейская встреча» эсэсовцев из «национальных дивизий», на вербованных гитлеровцами в последний период войны в оккупированных странах Европы. В начале июля 1977 г. в бельгийском городке Альверингене состоялся очередной «европейский конгресс» неофашистов, торжественно чествовавший память военных преступников, осужденных в 1946 г. Международным трибуналом в Нюрнберге²².

Давние связи существуют у западногерманских неонацистов с неофашистами из «Итальянского социального движения—национальной правой» и нелегальных итальянских террористических групп. Есть основания полагать, что по крайней мере некоторые из бесчисленных террористических актов, осуществленных последышами

Муссолини, были подготовлены при участии неонацистских кругов ФРГ, как, например, организация в сентябре 1977 г. дерзкого побега из итальянской тюрьмы гитлеровского военного преступника Каплера, прозванного «палачом Рима».

Активнейшее содействие, особенно с 1977 г., оказывают западногерманские неонацисты своим единомышленникам в Австрии, выступающим против государственной независимости и суверенитета Австрийской Республики, за новый аншлюс. Западногерманские неонацисты поддерживают постоянные контакты с французскими «ультра», британским «Национальным фронтом», американской «Национал-социалистской партией белых», расистами из ЮАР и бывшей германской Юго-Западной Африки.

Различные неонацистские группировки связывает не только идейная и политическая общность. Собравшиеся в 1972 г. в Венеции представители ультраправых организаций Западной Европы создали свой единый центр. «Черным интернационалом» назвал его римский буржуазный еженедельник «Темпо». В западноевропейской прессе не раз появлялись сведения о том, что неонацисты располагают крупными финансовыми средствами. Их провокационную деятельность поддерживают и поощряют некоторые круги большого бизнеса, подталкивающие ультра на акты террора против коммунистических и других прогрессивных демократических организаций.

О масштабах фашистской опасности на современном этапе можно судить по таким фактам. В ряде государств фашизм находится у власти. Партии и группы фашистского толка действуют в 60 капиталистических странах. Они имеют влиятельных опекунов среди представителей крупных монополий, в некоторых звеньях государственного аппарата, в армии. Намечается тенденция к усилению реакционных элементов в партиях, представляющих правое крыло буржуазной демократии. Эти партии вбирают в себя осколки бывших откровенно профашистских организаций, в ряде случаев вступают в политическую коалицию с профашистским движением²³.

Нельзя также упускать из виду, что в современном капиталистическом мире действует целый ряд факторов, которые так или иначе способствуют оживлению фашизма. Под влиянием развития государственно-монопо-

листического капитализма и научно-технической революции происходят существенные сдвиги в социальной структуре буржуазного общества. Ослабляются позиции средней и мелкой буржуазии, не выдерживающей натиска крупных монополий; отдельные группы населения постоянно находятся под угрозой разорения, утраты своего социального статуса. Эти социальные слои при определенных условиях могут поддаваться влиянию неофашистской демагогии, использующей некоторые нужды и запросы масс.

Благоприятную почву для распространения неофашистской идеологии создают и многие болезненные вопросы социальной жизни современного капиталистического общества — кризис буржуазной морали, рост преступности, постоянное чувство неуверенности в завтрашнем дне, страх «маленького человека» перед политической и экономической нестабильностью. Неофашисты успешно спекулируют на национальных предрассудках, используют для своих целей политическую незрелость и неискренность определенной части населения, особенно молодежи.

Реакционная пропаганда, которая ведется со страниц сотен различных изданий на Западе, повседневно отравляет сознание миллионов людей, сея ядовитые семена антикоммунизма и антисоветизма, реваншизма и милитаризма.

Все это свидетельствует о том, что фашизм сегодня не только существует как реальность, но и представляет собой значительную потенциальную угрозу миру и демократии.

Правящая элита современного капитализма постоянно стремится иметь под рукой, в своем тактическом резерве такой ударный политический инструмент, который можно было бы использовать в критических ситуациях для защиты эксплуататорской системы. В этом качестве, как известно, фашизм уже зарекомендовал себя. Поэтому реакционная социально-политическая мысль стремится модернизировать обанкротившуюся идеологию гитлеровского фашизма и превратить ее в инструмент духовного воздействия на массы современного буржуазного общества. Империалистическая буржуазия стремится переосмыслить опыт и практику германского фашизма, с тем чтобы выявить в процессе исторической «инвентаризации», что именно из гитлеровского наслед-

ства, в том числе и нацистской идеологии, может быть использовано в настоящее время.

Наиболее дальновидные защитники капитализма отдают себе отчет в том, что обращение к открыто террористическим формам правления в наши дни может привести к созданию революционной ситуации. Они не могут не считаться с мощным противодействием проискам правых со стороны организованного рабочего класса, демократической интеллигенции, других слоев трудящихся, части мелкой и средней буржуазии. Учитывая современное соотношение сил в мире и обстановку в самих капиталистических странах, империалистическая буржуазия старается применять более замаскированные формы подавления, а в ряде случаев даже идет на частичные реформы. Однако, как указано в материалах XXV съезда КПСС, в арсенале современной контрреволюции по-прежнему присутствуют «клевета, одурманивание общественности... подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле...». «...Если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии»²⁴. Пока существует империализм, отнюдь нельзя исключить возможность острых политических кризисов, могущих создать условия для фашистского переворота. Об этом свидетельствуют события в Чили: захват власти в этой стране военно-фашистской хунтой — прямыми последышами нацизма.

Фашизм нельзя считать исключительно «феноменом прошлого». Не ушла в политическое небытие и его идеология, которая проявляет исключительную живучесть. Поэтому проблемы борьбы против фашизма в целом и против фашистской идеологии в частности не утратили своей актуальности и остроты в настоящее время. «Для демократии и социального прогресса, для сохранения мира и международных отношений, основывающихся на взаимном доверии и дружественном сотрудничестве, необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и нефашистских террористических организаций и групп, а также против расистской пропаганды и действий, преследующих цель расколоть рабочий класс и другие про-

грессивные силы»²⁵, — подчеркивается в документе Берлинской конференции 29 коммунистических и рабочих партий Европы.

Отсюда ясно, что марксистский анализ идеологии и практики фашизма, разоблачение его человеконенавистнической сущности являются одной из актуальнейших задач современной науки. «...Необходимо проанализировать его корни и истоки, формы проявления, каналы проникновения в массы, а также методы борьбы с ним»²⁶.

Борьба с современным фашизмом не может вестись успешно без учета опыта прошлого, поскольку политическая практика нефашистов так или иначе уходит своими корнями в фашистскую идеологию межвоенного периода. В частности, «программа» современного фашизма изобличает его идейное родство с фашизмом гитлеровского образца и совмещает в себе социально-политический консерватизм, антидемократизм и антикоммунизм правящего класса с мелкобуржуазными иллюзиями и реакционным анархизмом. Современный фашизм также использует социально-политические, националистические и бытовые предрассудки определенных слоев населения капиталистических стран, политическую незрелость, отсталость и неопытность масс. И сегодня актуально звучит предупреждение Г. Димитрова, который указывал, что ошибочно полагать, будто «идеология фашизма, доходящая в своей нелепости зачастую до сумасбродства», не способна приобрести широкого влияния на массы²⁷.

Изучение источников и составных частей нацистской идеологии, ее характерных черт и особенностей является необходимым и важным звеном в изучении истории фашизма в целом. Нельзя не отметить, однако, что в исследованиях, посвященных истории германского фашизма, анализу его идеологии уделено пока недостаточно внимания. Между тем социальная демагогия и идеологическая обработка масс в нацистском духе играли не меньшую роль, чем террор, в завоевании гитлеровцами власти, в укреплении фашистского режима, подготовке и осуществлении агрессии и других преступлений фашизма.

Нередко в литературе можно встретить утверждение, будто бы идеологии фашизма, как таковой, вообще не существовало. Сторонники такой точки зрения ссылаются на ненаучность, примитивность, априорность и эк-

лектический характер нацистской программы и пропаганды, на основании чего делают вывод об отсутствии у гитлеровцев определенной системы социально-политических взглядов, которую можно было бы характеризовать как идеологию. Подобная точка зрения представляется нам неверной. Конечно, все указанные черты — ненаучность, эклектизм и примитивность — были в полной мере присущи нацистским «теориям». Но они также свойственны и другим реакционным системам общественно-политических взглядов, порождаемым империализмом. Буржуазная социально-политическая мысль в условиях общего кризиса капитализма, имеющая своей целью обоснование господства монополистического капитала и «неправомерности» социалистического пути развития человечества, уже в силу того, что она игнорирует законы исторического развития, не может быть подлинно научной и доказательной. Правда, гитлеровцы в отличие от их современных адептов не очень заботились о том, чтобы придать своему мировоззрению достаточную стройность и респектабельность. Это не означает, однако, что нацизм не имел своей идеологии, т. е. определенной системы взглядов. Созданная целенаправленно, с учетом психологии определенных социальных групп, в расчете на самую беззастенчивую эксплуатацию низменных инстинктов и глубоко укоренившихся в сознании значительных масс предрассудков, эта духовная отравка должна быть разоблачена.

Политический климат в Европе и во всем мире не благоприятствует сейчас апологетам фашизма. События последних лет в Греции, Португалии и Испании привели к тому, что Европейский континент полностью очистился от фашистских режимов. Успешное проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписание ряда договоров и соглашений между ФРГ и социалистическими странами имеют важное значение для утверждения на Европейском континенте обстановки мира, безопасности и сотрудничества. Миллионы людей во всем мире, в том числе и большинство населения Федеративной Республики Германии, с негодованием отвергают попытки реабилитировать ненавистный германский фашизм и возродить его ядовитые идеи.

Однако силы реакции отнюдь не сложили оружия. Каждый новый шаг на пути разрядки международной напряженности вызывает с их стороны очередные при-

ступы клеветы и фальсификаций, новые, все более изощренные попытки призвать на помощь историю, размещается в искаженном виде. Необходима постоянная бдительность в отношении идеологических атак современного антикоммунизма, в особенности когда они сопровождаются неблагоприятными попытками оправдания фашизма.

В предлагаемой монографии автор ставил своей задачей впервые в советской и международной марксистской историографии осветить в комплексе весь процесс зарождения германского фашизма, формирования его преступной идеологии, исследовать социально-политический механизм нацистского движения, разоблачить нагромождения фальсификаций и вымыслов реакционной историографии по этим вопросам.

Актуальность марксистского исследования раннего периода германского фашизма усиливается тем, что современный неофашизм во многом обнаруживает черты сходства именно с германским фашизмом 20-х годов, когда происходило незаметное накопление его признаков.

* * *

При подготовке монографии учтены советы и замечания доктора исторических наук Л. И. Гинцберга, доктора исторических наук, профессора И. М. Кривогуза, доктора исторических наук, профессора Д. П. Прицкера, которым автор выражает глубокую признательность.

2

МАРКСИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ФАШИЗМЕ

Германский фашизм стал предметом изучения советской исторической науки уже в первые годы развития нацистского движения. В отличие от буржуазных ученых и публицистов, не придававших в то время нацизму серьезного значения, советские историки, опираясь на ленинский анализ империализма, порождающего реакцию во всех сферах политической, экономической и идеологической жизни, сумели правильно оценить национал-социализм уже на этой ранней стадии как контрреволюционную силу, злейшего врага рабочего класса.

Советская историография внесла большой вклад в подлинно научную разработку различных проблем, связанных с германским фашизмом. Краткий обзор советской литературы по этой проблематике позволяет не только учесть уже изученные и исследованные вопросы, но и отчетливо представить себе немалые задачи, стоящие перед советскими историками германского фашизма и их коллегами — учеными братских социалистических стран.

Более 50 лет назад Г. Б. Сандомирский в работе, посвященной истории фашизма в Италии, впервые сделал попытку рассмотреть некоторые особенности развития фашизма в Германии¹. Однако круг источников, которыми располагал автор, и случайный характер наблюдений не позволили ему вскрыть социальные корни нацистского движения. В книге Сандомирского содержится немало путаных положений.

Определенный шаг вперед в анализе социальных корней германского фашизма был сделан С. Шаховской², подчеркивавшей, что фашизм в Германии представляет собой инструмент классового господства буржуазии, применяемый ею для подавления пролетариата в условиях слабости существующего государственного строя. Антипролетарскую сущность германского фашиз-

ма отмечал и С. Д. Мстиславский, который, однако, допускал серьезную ошибку в вопросе о классовой природе национал-социализма, утверждая, будто он каким-то образом выражает борьбу средних классов «за само-сохранение»³. «Мелкобуржуазной революцией» называл фашизм и С. М. Бронский⁴.

Для правильной всесторонней оценки такого явления, как фашизм, важнейшее значение имел глубокий анализ положения в Германии, данный в документах Коминтерна и КПГ. На конференции фабрично-заводских комитетов земли Рейн-Вестфалия, состоявшейся 17—20 марта 1923 г. с участием представителей Коминтерна, Коммунистического Интернационала Молодежи, Профинтерна, компартий и революционных профсоюзов ряда европейских стран, был принят Манифест, призывавший к борьбе против фашизма, и избран Международный комитет действия против военной опасности и фашизма во главе с К. Цеткин, Ф. Геккертом и А. Барбюсом⁵. Исполком Коммунистического Интернационала отмечал, что фашистский режим, установившийся в Италии, угрожает народам и других капиталистических стран. «Наши первомайские демонстрации, — говорилось в письме Секретариата Исполкома Коминтерна в апреле 1923 г., — должны быть, по нашему мнению, направлены в первую очередь против фашизма»⁶. В июне 1923 г. на III расширенном пленуме ИККИ с докладом о задачах борьбы против фашизма выступила К. Цеткин, подчеркнувшая, что фашизм является чрезвычайно опасным и страшным врагом и борьба против него есть дело всего международного пролетариата. В докладе отмечалось, что фашизму независимо от его специфических черт, определяемых конкретными условиями каждой страны, присущи псевдореволюционная демагогия и грубейший террор. Революционные рабочие должны противопоставить демагогии фашистов серьезную и организованную массовую работу и препятствовать попыткам распространения фашизма у себя на родине⁷.

Исполком Коминтерна и Исполнительное бюро Профинтерна указывали на особую опасность укрепления фашизма в Германии. «В Германии фашизм поднимает голову, — говорилось в письме, направленном этими организациями Социалистическому рабочему и Амстердамскому интернационалам 25 августа 1923 г. — Международные организации пролетариата должны оказать

помощь немецким революционным рабочим против фашизма»⁸.

Оценки и выводы Коминтерна и КПГ легли в основу дальнейшей разработки советской исторической наукой вопросов, связанных с фашизмом, и в частности исследования германского фашизма. Более четко, чем в предыдущих работах, вопрос о социальной сущности фашизма был поставлен в специальном сборнике статей под редакцией Н. Мещерякова, вышедшем в 1923 г.⁹ Во введении к сборнику подчеркивалось, что фашизм представляет собой классовую организацию буржуазии, последнее средство, при помощи которого она пытается задержать надвигающуюся революцию. Автор предостерегал от недооценки фашистской опасности, находившей выражение в утверждениях, будто бы фашизм быстро изживет себя, «погибнет под бременем своих преступлений или потеряет доверие буржуазии».

Пониманию особенностей внутриполитического положения Германии в начале 20-х годов способствовала написанная на обширном статистическом материале книга Л. Г. Полонской¹⁰. Серьезным исследованием, в котором были проанализированы социальные корни и классовая природа германского фашизма как орудия крупного капитала, явилась монография С. Слободского¹¹. В ней значительно более четко, чем в других работах, была проведена грань между классовой природой национал-социализма и классовым составом его массовой базы.

Заметным явлением в советской историографии германского фашизма в период до установления гитлеровской диктатуры была статья А. С. Ерусалимского, посвященная итогам выборов в рейхстаг в 1930 г., справедливо охарактеризованных автором как свидетельство перегруппировки политических сил в Германии и наступления фашизма¹². Рассматривая события осени 1930 г. в Германии, автор приходил к выводу, что монополистический капитал взял иной политический курс — с конечной целью установления фашистской диктатуры. В статье подробно анализировался процесс формирования массовой базы гитлеровцев и ее состав — значительные круги мелкой буржуазии, батрачества, часть крестьянства, отсталая часть рабочих, а также большие кадры молодежи, главным образом из служащих, которые впервые пришли к избирательным урнам. «...Германский

капитализм, — отмечал А. С. Ерусалимский, — создавая новую политическую агентуру, пытается использовать нарастающий социальный протест в своих собственных классовых интересах, чтобы установить открытую фашистскую диктатуру против рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии»¹³. Автор разоблачал тактику крупного монополистического капитала по отношению к гитлеровцам, показывал и маневры самих нацистов, рассчитанные на то, чтобы, привлекая массы избирателей с помощью безудержной социальной демагогии, не потерять в то же время доверия и поддержки магнатов крупной индустрии и банков. В статье А. С. Ерусалимского впервые был показан процесс завоевания нацистами государственного аппарата и армии «изнутри» как важнейший этап на пути захвата власти. «Борьба за массы, — справедливо заключал автор, — становится самой актуальной, самой жизненной политической проблемой германского коммунистического движения. Фашизм — вот главный враг немецкого рабочего движения и всего немецкого народа»¹⁴.

Рассматривая советскую литературу по истории германского фашизма, вышедшую в 1922—1932 гг., нельзя не отметить, что, несмотря на узость источниковедческой базы и трудности, неизбежно вытекавшие из быстрой смены событий, неполной информации о них, советская историография выполнила важную роль. Она приковала внимание общественности к опасности фашизма для трудящихся, для дела прогресса и социализма, вскрыла ряд его социальных и политических особенностей и методы борьбы за власть. Однако вопросы о классовом характере фашизма, о его движущих силах и массовой базе, о взаимоотношениях нацистов и социал-демократов и, главное, о формах и методах антифашистской борьбы советской историографией конца 20-х — начала 30-х годов не были еще решены полностью. Это объяснялось как сложностью упомянутых вопросов, так и тем, что Компартия Германии и Коминтерн в то время еще только разрабатывали пути решения задач антифашистской борьбы. Борьба с нацизмом в Германии сковывалась в тот период влиянием сектантских и догматических представлений среди части членов КПГ и антикоммунистической политикой лидеров социал-демократии.

В сборнике материалов «Современное положение в Германии»¹⁵, в работах А. Л. Лурье¹⁶, Г. С. Минского¹⁷,

Н. Арбузова¹⁸, очерках И. М. Файнгара¹⁹ и статье Г. Смолянского²⁰ содержалась ценная информация о положении в Германии, однако попытки анализа происходящих событий, и в особенности прогнозирования их развития, были, как правило, неудачными. Переоценка реальных возможностей и успехов антифашистских сил характерна для сборника «Завтра будут баррикады» (1931 г.)²¹ и статьи Е. И. Рубинштейн «К характеристике германского фашизма» (1932 г.)²².

Установление фашистской диктатуры в Германии вызвало появление большой литературы о фашизме, в которой также рассматривались история раннего фашизма, некоторые черты его идеологии. В работе И. Н. Дворкина «Экономическая программа национал-социализма»²³ вскрывались агрессивные цели хозяйственной политики гитлеровцев. В статьях А. М. Панкратовой²⁴ анализировались политическая роль фашистской диктатуры и ее взаимоотношения с рабочим классом. Ряд публикаций был посвящен антифашистской борьбе германского рабочего класса в первые годы гитлеровской диктатуры, положению на фабриках и заводах, превращенных в военно-каторжные тюрьмы для трудящихся²⁵. Основные этапы борьбы гитлеровцев за власть и роль правого руководства социал-демократии, которое своей антикоммунистической политикой объективно способствовало укреплению гитлеровцев, освещались в книге Н. Корнева «От Носке до Гитлера». Ему же принадлежала серия политических памфлетов²⁶.

В трудах советских историков, опубликованных в 1933—1934 гг., анализировалась политическая обстановка в Германии, разоблачался человеконенавистнический характер фашизма — смертельного врага трудящихся, агентуры крупного капитала. Чувством интернациональной пролетарской солидарности с антифашистами Германии были проникнуты книги и статьи советских авторов, посвященные героической борьбе немецких коммунистов против гитлеровских палачей. Советская политическая публицистика беспощадно вскрывала провокации нацистов, боролась за освобождение Г. Димитрова, Э. Тельмана и других выдающихся борцов-антифашистов.

Вместе с тем в работах о германском фашизме в те годы можно было встретить и неоправданно оптимистические утверждения о том, что гитлеровцы — это «кали-

фы на час», что уже в ближайшем будущем они «само-разоблачатся», их диктатура будет недолговечна и приведет к разложению капитализма в Германии и победе там пролетарской революции.

Для правильной оценки социально-политических аспектов германского фашизма большое значение имели решения XIII пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося в декабре 1933 г. Пленум дал четкое определение фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала и нацелил коммунистов на борьбу с фашизмом как главной опасностью для мира и демократии. Были вскрыты некоторые особенности и методы массовой политики нацистов и подчеркнуто, что фашистское правительство в Германии держит курс на разжигание войны в Европе²⁷.

На основе коллективного опыта компартий, совместно принятых решений постепенно углублялись и уточнялись анализ и оценка германского фашизма. Важнейшее значение имели решения VII конгресса Коминтерна и доклад Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма». Марксистско-ленинский анализ фашизма как политического и социального явления, порожденного обострением общего кризиса капитализма, характеристика классовой сущности фашизма и его места в системе господства империалистической буржуазии, разоблачение нацистской идеологии, методов борьбы фашистов за власть и за влияние в массах — всё это оказало неоценимую помощь советским историкам и стало основой подлинно научной разработки проблем истории фашизма на основе марксистско-ленинской методологии.

Закономерно, что особенно пристальное внимание советской исторической науки привлекала в те годы внешняя политика гитлеровцев, подготовка фашистской Германии к войне. Антисоветские агрессивные планы нацистской диктатуры, колониалистские устремления гитлеровцев, их идеологическую подготовку к войне убедительно разоблачал в своих статьях А. С. Ерусалимский²⁸. В книгах советского публициста Э. Генри²⁹ была сделана в целом удачная попытка определить развитие внешнеполитического курса «третьего рейха», вскрыва-

лись его антисоветская направленность и опасность гитлеровских планов завоевания мирового господства. Правда, в этих интересных работах проявилась и известная недооценка военных возможностей фашизма. Лихорадочная подготовка к войне, которую вела фашистская Германия, освещалась в книгах И. М. Лемина³⁰ и Я. Е. Сегала³¹.

Появившиеся в середине и в конце 30-х годов работы сыграли важную роль в деле разоблачения антидемократического человеконенавистнического характера фашистской идеологии³². Против попыток фальсификации фашистами исторического процесса и отдельных исторических событий выступили авторы специального сборника статей «Против фашистской фальсификации истории»³³.

Решения VII конгресса Коминтерна способствовали также появлению ряда работ исследовательского характера, посвященных анализу внутривнутриполитических проблем фашистской диктатуры. К ним в первую очередь следует отнести две монографии А. Сидорова, раскрывавшие сложную систему взаимоотношений фашистского режима и мелкобуржуазных слоев в Германии³⁴. На большом экономико-статистическом материале автор показал, что уже в первые годы господства гитлеровцев в Германии произошла громадная концентрация капитала и власти в руках крупных монополий; это привело к значительному ослаблению экономических позиций городских средних слоев и ремесленников. В книгах разоблачалась система социальной демагогии, с помощью которой фашистская диктатура максимально широко использовала мелкую буржуазию в своих целях. Вместе с тем автор, правильно констатируя наличие объективных противоречий между монополиями и мелкобуржуазными слоями, несколько преувеличивал их значение в деле ослабления фашистской диктатуры. Проблемы аграрной политики фашизма подвергались рассмотрению в книге Н. М. Сегалю³⁵, а взаимоотношения гитлеровской диктатуры и церкви — в работе И. Д. Эльвина³⁶. Подробный анализ политики крупных монополий, вскормивших германский фашизм, содержался в книге Г. Леви³⁷.

Во второй половине 30-х годов был опубликован ряд работ, освещавших милитаризацию экономики Германии после прихода нацистов к власти и гонку вооружений, форсируемую фашистами³⁸. Специфика финансовой

системы гитлеровской Германии, подчиненной основной цели — подготовке агрессии, была вскрыта в монографии Н. Н. Любимова³⁹.

Советская историография германского фашизма в довоенные годы испытывала серьезные трудности главным образом ввиду недоступности для изучения архивных документальных материалов, а также многих германских печатных источников. Несмотря на это, труды советских историков, руководствовавшихся марксистско-ленинской методологией, теоретическими положениями и выводами Коммунистической партии и Коминтерна, серьезно способствовали тому, что к началу Великой Отечественной войны советские люди имели четкое представление о социальной сущности германского фашизма, его внутренней и внешней политике, его кончененавистнической идеологии, а также о той смертельной опасности, которая грозила Советскому государству, делу социализма. Это сыграло немаловажную роль в борьбе советского народа против гитлеровской агрессии.

В годы Великой Отечественной войны главным направлением деятельности советских ученых-историков была борьба вместе со всем советским народом за разгром немецко-фашистских захватчиков, за свободу и независимость своей социалистической Родины. Многие из них, сменив перо и университетские аудитории на штык и автомат, сражались с фашизмом в рядах Советских Вооруженных Сил и в партизанских отрядах, другие вели политическую работу на фронте, работали в военной печати. Большая группа ученых-обществоведов — специалистов по германским проблемам вместе с немецкими коммунистами вела устную и печатную антифашистскую пропаганду и агитацию на фронтах, в лагерях для военнопленных, во вражеском тылу. Жесткая борьба с германским фашизмом требовала от советских историков создания острых публицистических работ, рассчитанных на широкого читателя и разъяснявших прежде всего смертельную опасность, которую нес фашизм советскому народу. Необходимо было разоблачить захватнические планы германского фашизма, подоплеку расистских лжетеорий, вскрыть сущность гитлеровского «нового порядка», военные преступления гитлеровцев и их чудовищные злодеяния на советской земле. Важно было показать агрессивную сущность германского разбойничьего империализма вообще и гитле-

ровского фашизма в частности — смертельного врага социализма и демократии, палача народов Европы, поработителя самого германского народа.

Советские ученые Е. В. Тарле, А. М. Деборин, В. М. Хвостов, В. П. Потемкин, А. С. Ерусалимский, Е. Н. Городецкий, Н. Трусова, А. И. Гуковский, Ф. И. Нотович, И. П. Трайнин и многие другие успешно решали эти задачи⁴⁰. Труды советских историков военных лет независимо от того, была ли это популярная статья, брошюра или монография исследовательского характера, убедительно доказывали, что отстаивать свободу и независимость Советского социалистического государства, освободить поработанные народы Европы, спасти мир от варварства коричневой чумы можно только путем полного и окончательного разгрома германского фашизма.

Наконец, и это также имело большое значение, труды советских историков о германском фашизме — как те, которые были написаны в довоенные годы, так и созданные в период войны — служили теоретической и фактической основой для боевой антифашистской пропаганды, для листовок и военной печати, для устных передач с переднего края и по радио.

С разгромом фашизма появилась возможность создания завершенных, обобщающих работ по истории германского фашизма, расширилась источниковедческая база, пополненная многочисленными новыми документами.

В первые послевоенные годы был опубликован ряд работ, в которых особое внимание уделялось анализу особенностей германского империализма, породившего фашизм⁴¹, аграрных отношений в гитлеровской Германии⁴², а также внешней политики германского фашизма. Среди последних следует особо отметить 3-й том «Истории дипломатии»⁴³. Этот труд был основан на широком использовании многочисленных архивных материалов и иностранных документальных публикаций. Многие из источников впервые вводились в научный оборот.

В учебной литературе по новейшей истории также нашли некоторое освещение проблемы германского фашизма, в том числе и фашизма раннего периода⁴⁴.

Следует отметить, что большинство работ, появившихся в первое послевоенное десятилетие, было посвящено частным вопросам; крупных обобщающих монографий по истории фашизма еще не было. Книги и статьи базировались в основном на ранее опубликованных

материалах. Существовали определенные объективные трудности в использовании архивных материалов, публикация документов еще не наладилась. Мало использовались исследователями иностранные источники.

После XX съезда Коммунистической партии Советского Союза диапазон исследований советских историков, в том числе и занимающихся проблемами фашизма, значительно расширился. КПСС уделяла большое внимание научному уровню исследовательских работ. Началась подготовка к изданию многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», в ходе которой было выявлено и введено в научный оборот много нового документального материала по истории фашизма. В первой половине 60-х годов вышли в свет VIII—X тома «Всемирной истории», охватывающие период с 1917 г. до конца второй мировой войны.

Заметным успехам советской историографии германского фашизма во второй половине 50-х — начале 60-х годов способствовало опубликование трудов Э. Тельмана, В. Пика, В. Ульбрихта, О. Гротевоя и других деятелей германского коммунистического и рабочего движения, документов КПГ, а также значительное расширение источниковедческой базы, полученная советскими историками возможность значительно более полного, чем раньше, использования архивных фондов, в том числе и архивов братской Германской Демократической Республики, которые к этому времени были в достаточной степени систематизированы. Подготовленные историками ГДР документальные издания, публикация мемуаров, персоналий и других ценных материалов также значительно расширили базу исследования проблем истории фашизма и антифашистской борьбы. Большое значение имела публикация ряда ценнейших советских документальных материалов, позволивших поставить исследование истории фашизма на солидную основу. Наконец, все более расширяющиеся научные контакты между историками СССР и ГДР, и в частности многогранная деятельность комиссии историков СССР и ГДР, в большой мере способствовали координации работы ученых, исследующих проблемы истории фашизма.

В 60—70-х годах советскими историками был создан ряд крупных работ по истории германского фашизма, отличающихся глубиной анализа вопросов и широкой

источниковедческой базой, содержащих серьезную аргументированную критику буржуазной историографии фашизма. И хотя среди этих публикаций нет специального исследования, посвященного периоду зарождения и развития фашизма в 20-х годах, они внесли серьезный вклад в понимание социальной природы фашизма, причин и условий его возникновения и укрепления в Германии.

Истории Германии в годы фашистской диктатуры посвящены две монографии Г. Л. Розанова⁴⁵. В первой из них, «Германия под властью фашизма», анализируется экономическая, идеологическая и военно-дипломатическая подготовка гитлеровской Германии к войне, рассматриваются основные направления борьбы прогрессивных сил немецкого народа против фашизма и содержится критика некоторых концепций западногерманской и англо-американской буржуазной историографии по этим вопросам. Во второй своей книге, «Крушение фашистской Германии», автор показал процесс военно-политического и морального краха фашистской диктатуры, решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма и освобождении немецкого народа из-под гитлеровского ига. Обе монографии написаны на основе широкого круга источников, в том числе документов архивов ГДР и ФРГ, и являются первыми в советской историографии фашизма работами обобщающего характера.

История германского фашизма, а также вопросы, связанные с развитием неонацизма, реваншизма и милитаризма в ФРГ, продолжали привлекать пристальное внимание советских историков. Ряд коренных проблем истории германского фашизма нашел глубокое освещение в исследованиях А. А. Галкина⁴⁶. Впервые в советской литературе столь подробно и глубоко были проанализированы связи фашизма с монополистической буржуазией и милитаристскими кругами, формирование и состав массовой базы гитлеровцев, структура фашистской диктатуры и основы идеологии фашизма, его место в политической системе капиталистического общества, дан глубокий марксистский анализ историко-социологических проблем фашизма.

Узловые вопросы истории германского фашизма были освещены и систематизированы в книге В. Д. Кульбакина «Очерки новейшей истории Германии»⁴⁷, а также во 2-м томе двухтомника «Германская история в

новое и новейшее время»⁴⁸. Внутриполитическое положение фашистского «рейха» накануне войны рассматривалось в статье В. Т. Фомина⁴⁹. В изданном в 1971—1973 гг. в Вологде спецкурсе по истории германского фашизма и западногерманского неонацизма (в двух частях) была сделана попытка кратко изложить историю германского фашизма начиная с 1919 г.⁵⁰

В 60-х годах в советской историографии появился также ряд серьезных исследований, посвященных отдельным малоизученным проблемам истории германского фашизма. Так, весьма важный вопрос о связях военщины и нацистов в период зарождения фашизма в Германии был исследован в монографии Л. А. Безыменского⁵¹. Агрессивная политика фашизма в Европе в годы, предшествовавшие второй мировой войне, освещена в монографии В. Т. Фомина⁵².

Большое научное и политическое значение имеет исследование предыстории фашистской диктатуры в Германии, анализ причин, сделавших возможным приход нацистов к власти. Советская литература по этому периоду представлена значительно меньшим количеством работ, чем по истории «третьего рейха». Отдельные проблемы рассматриваются в работах М. Я. Домнич⁵³, И. Я. Биска⁵⁴, А. С. Бланка⁵⁵, В. С. Дякина⁵⁶, А. Р. Корсунского⁵⁷, в книге В. И. Кривули о Карле Осецком⁵⁸, в статьях Н. И. Кудрявцевой⁵⁹, Б. Г. Тартаковского⁶⁰, в работе В. Д. Кульбакина⁶¹.

Наиболее широко и подробно путь германского фашизма к власти освещен в трудах Л. И. Гинцберга⁶². Монография «На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти»⁶³, подводящая итог многолетним изысканиям автора, является первым фундаментальным исследованием додиктаторского периода истории германского фашизма, основанным на весьма широкой и разнообразной источниковедческой базе.

Исключительно большое внимание советская историография уделяет критике западногерманской буржуазной литературы по истории фашизма, и в особенности по вопросам, связанным с второй мировой войной⁶⁴. Советская историческая наука последовательно разоблачает попытки реакционной историографии реабилитировать германский фашизм. В этом направлении за последние годы советскими историками сделано очень многое. Особо следует выделить фундаментальное ис-

следование В. И. Салова⁶⁵, содержащее глубокий анализ западногерманской буржуазной историографии, в том числе по вопросам истории фашизма.

Разоблачению вымыслов буржуазных историков о второй мировой войне и ее подготовке посвящены работы А. И. Мерцалова⁶⁶, И. Д. Овсяного⁶⁷ и Г. Н. Реутова⁶⁸. Критический анализ отдельных концепций буржуазной историографии фашизма и антифашистской борьбы дан в работах А. С. Бланка⁶⁹, в статьях В. Т. Фомина и П. Ю. Рахшмира⁷⁰. Последним написана также обзорная критическая статья о современных тенденциях буржуазной историографии фашизма⁷¹.

Ряд советских ученых выступили в последние годы со статьями, посвященными важным методологическим и историографическим вопросам изучения истории германского фашизма⁷². Большое значение для решения некоторых ключевых проблем истории германского фашизма имели выступления на Международном научном симпозиуме на тему «Новые формы фашистской опасности, усиления реакции и пути борьбы с ними», состоявшемся в 1973 г. в Эссене (ФРГ)⁷³.

Значительное внимание исследователи-марксисты уделяют также разоблачению идеологии германского фашизма. В ряде работ советских авторов вопросы идеологии нацизма подвергнуты серьезному и глубокому анализу. Среди них следует назвать труды К. И. Зародова, А. Бернадинера, Я. Е. Сегала, В. Ф. Асмуса, Б. А. Шабада, А. С. Богомолова, И. С. Кона и в особенности исследования С. Ф. Одуева, А. А. Галкина, С. Н. Фрумкина и В. И. Салова⁷⁴. Из зарубежных марксистов проблемами идеологии фашизма занимались Г. Гейден и В. Хайзе (ГДР) и в некоторой степени швейцарский автор Т. Шварц, а также прогрессивные западногерманские историки Р. Кюнль, К. Зонгеймер, философ Д. Лукач⁷⁵. В их работах освещены важные стороны идеологии германского фашизма, анализируются ее идейные истоки, спекулятивные методы использования германским фашизмом немецкой классической философии, некоторые черты нацистского мировоззрения.

Из года в год растут уровень и глубина исследования советскими учеными коренных проблем истории фашизма. Это убедительно демонстрируют публикации последних лет. В статье Г. С. Филатова⁷⁶, например, тщательно исследуется связь между проблемами истории

фашизма, в том числе и германского, и коренными вопросами современной идеологической борьбы, четко поставлен и решен вопрос о мощных группировках правящего класса, расчистивших путь к власти гитлеровцам. Автор справедливо подчеркивает необходимость детального изучения социально-политического механизма фашистских систем и движений, глубокого проникновения во внутреннюю структуру фашизма, исследования арсенала его средств.

Глубокий марксистский анализ происхождения и классовой сущности фашизма дан в статье В. Д. Ежова⁷⁷. Автор рассматривает особенности фашизма в отдельных странах, условия его возникновения и факторы, способствовавшие захвату фашистами государственной власти, опровергая утверждения буржуазных авторов о фашизме как неизбежном этапе развития капиталистического общества.

В последние годы появился ряд исследований, посвященных наименее изученному раннему периоду истории германского фашизма. В статье Д. С. Давидовича, например, рассмотрены вопросы возникновения германского фашизма и его «становления» в 1919—1923 гг.⁷⁸ Автор использовал ранее неизвестные документы, которые дополняют и уточняют картину борьбы передовых сил германского народа во главе с коммунистами против нацизма в начале 20-х годов. Тем самым убедительно опровергается вымысел буржуазной историографии об игнорировании коммунистами фашистской опасности.

Проблеме взаимоотношений германских фашистов и монополистического капитала после «пивного путча», истории подготовки гитлеровцев к захвату власти посвящена обстоятельная статья Л. И. Гинцберга⁷⁹. Автор аргументированно доказывает, что превращение нацизма в серьезную политическую силу было бы невозможно без помощи крупного монополистического капитала.

Большую работу по исследованию различных аспектов истории германского фашизма ведут ученые Германской Демократической Республики, Польши, Венгрии и других социалистических стран. Неоценимым по важности и значению пособием для изучения истории Германии 1918—1945 гг. являются 4-й и 5-й тома восьмитомной «Истории германского рабочего движения»⁸⁰, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. В трудах историков ГДР Ю. Кучинского,

В. Руге, Г. Лоцека, Е. Леверенц и других⁸¹, польских историков Ю. Банашкевича, Ф. Рышки⁸² исследованы малоизученные вопросы предистории фашистской диктатуры в Германии. В последней работе Ф. Рышки, в частности, подробно рассматриваются социально-психологические аспекты нацизма. В обширной статье историка ГДР М. Вайсбекера на основе новых документов уточнены некоторые факты по истории германского фашизма 20-х годов⁸³. Этим же автором проведен ряд оригинальных исследований по отдельным вопросам истории фашистского движения в начале 20-х годов.

В результате многолетних изысканий историков-марксистов вскрыта социальная сущность фашизма как порождения общего кризиса капитализма, как одной из форм власти монополистической буржуазии. Марксистская историография дала научный анализ фашизма на всех этапах его развития.

Однако масштабы разнообразных исследований марксистских историков и философов по различным проблемам, связанным с германским фашизмом, не могут заслонить тот факт, что сравнительно мало до настоящего времени изучен его ранний период. Лишь в последние годы появились публикации А. С. Бланка⁸⁴, Г. Н. Горошковой⁸⁵, Д. С. Давидовича⁸⁶ и Л. И. Гинцберга⁸⁷, в которых рассматриваются вопросы зарождения и организационного укрепления фашизма в Германии, формирования его массовой базы, идеологии и т. п. Между тем научная и политическая актуальность глубокого анализа первых лет существования и развития нацизма не вызывает сомнений. Ведь именно в 20-х годах сложились структура и организационные формы фашистского движения в Германии, были выработаны методы нацистской пропаганды, приемы вербовки «политической пехоты». Именно в эти годы разнузданная нацистская демагогия, беззастенчиво манипулируя общественным сознанием, создала социально-психологические предпосылки, которые сделали его восприимчивым к бредовым фашистским идеям, с быстротой эпидемии чумы охватившим значительную часть населения Германии в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 г. Наконец, именно в 20-х годах сформировалась идеология германского фашизма — главный инструмент одурачивания масс и борьбы за власть в стране. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении и анализе.

3

ДЕТИЩЕ ГЕНЕРАЛОВ РЕЙХСВЕРА

...Уже несколько часов распалившиеся от духоты и пива люди, перебывая друг друга, хриплыми голосами выкрикивают злобные ругательства. Они проклинаят коммунистов, революционных рабочих, вопят о реванше, призывают создать «великий рейх», истребить или превратить в рабов народы соседних стран, двинуться на большевистский Восток «крестовым походом».

Это не сборище подвыпивших хулиганов. В одном из мюнхенских пивных залов (а в Германии это своеобразные клубы) идет очередное собрание недавно созданной национал-социалистской партии, только что обретшей и своего «фюрера» в лице Адольфа Гитлера. На политическом горизонте страны группа крикливых демагогов, объединившая вокруг себя немногочисленных сторонников, завербованных на социальном дне Веймарской республики, пока еще мало заметна. Но к ней уже приглядываются воротилы крупного капитала, и на анонимные счета нацистов начинают поступать первые субсидии из фондов монополий. Яростный антикоммунизм и антисоветизм нацистов привлекает к ним сочувственное внимание реакционных кругов Германии. А сбитые с толку обыватели, разорившиеся мелкие буржуа, оставшиеся без дела военные, отсталые элементы из числа трудящихся с надеждой вслушиваются в демагогические посулы ораторов...

Германский фашизм возник в обстановке небывалого в истории этой страны обострения социальных противоречий и крайне высокого напряжения классовой борьбы.

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии явилась самым крупным массовым революционным движением в Европе после Великой Октябрьской социалистической революции. Результатом ее было свержение кайзеровской монархии и установление республики в стране.

Слабость рабочего класса, не имевшего в то время своей боевой революционной партии, а также оппортунистическая политика руководства Социал-демократической партии и правых лидеров Независимой социал-демократической партии, под влиянием которых находилось тогда большинство немецких рабочих, не позволили довести революцию до конца. Ноябрьская революция осталась буржуазно-демократической, проводившейся в известной степени пролетарскими средствами и методами. Ее главная задача — свержение политического господства империализма — не была решена. Не были полностью осуществлены и задачи буржуазно-демократической революции; сохранились помещичье землевладение и позиции юнкерских элементов в государственном аппарате.

Вместе с тем Ноябрьская революция имела важное значение для самого немецкого рабочего класса: он приобрел большой политический опыт, добился законодательного закрепления ряда буржуазно-демократических прав и свобод и завоевал благоприятные позиции для дальнейшей борьбы против империализма и милитаризма. В конце декабря 1918 г. на основе «Союза Спартака», порвавшего с Независимой социал-демократической партией, была создана Коммунистическая партия Германии.

Несмотря на разгром выступления берлинского пролетариата в январе 1919 г., весной по стране снова прокатились крупные стачки и вооруженные бои. Они носили оборонительный характер и были направлены на защиту позиций, завоеванных рабочим классом в Ноябрьской революции, против усиливающейся власти финансового капитала и милитаристов, за право участия в управлении капиталистическими предприятиями. Революционные рабочие и солдаты, неся большие потери, оказывали сопротивление озверелым контрреволюционным бандам. В Бремене (с 10 января по 4 февраля) и Мюнхене (с 13 апреля до начала мая) в ходе революционной борьбы были созданы советские республики. Советы возникли и в ряде других городов. Однако в этих выступлениях участвовали не широкие массы немецкого народа, а лишь передовые отряды пролетариата в крупных промышленных центрах страны. Они не имели общего руководства. Недавно созданная Компартия была уже ослаблена репрессиями, а объединившие-

ся с буржуазно-помещичьей контрреволюцией правые лидеры социал-демократии и профсоюзов подорвали единство рабочего класса.

После подавления выступлений рабочего класса в первой половине 1919 г. монополистические и милитаристские силы смогли укрепить свою власть путем учреждения Веймарской республики. Веймарская конституция, утвержденная в июле 1919 г., закрепляла классовое господство промышленных и финансовых магнатов и юнкеров, осуществляемое средствами буржуазно-парламентской демократии. Участие социал-демократов в правящей коалиции, их демагогические лозунги и обещания в адрес трудящихся позволяли господствующим классам вводить в заблуждение широкие массы относительно классового характера Веймарской республики, сеять среди них демократические иллюзии. В то же время в Веймарской конституции правящие круги вынуждены были зафиксировать некоторые демократические права и свободы, хотя и в ограниченном виде. В этом смысле Веймарская республика представляла значительный шаг вперед по сравнению с полуабсолютизмом кайзеровской Германии.

В июле 1919 г. Национальным собранием был утвержден и мирный договор между Германией и странами Антанты. «...Версальский договор это есть договор хищников и разбойников», — говорил В. И. Ленин и подчеркивал, что «международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане...»¹.

Версальский договор принес немецкому рабочему классу и всем трудящимся дополнительные тяготы. Навязанные империалистами США, Англии и Франции условия были рассчитаны на ослабление Германии как соперницы на мировом рынке и на политической арене. Одновременно договор должен был выполнить и другую задачу — сохранить германский милитаризм как орудие подавления революционных сил в стране и агрессии против Советской России.

Коммунистическая партия Германии разоблачала мирный договор как сговор германских империалистов с империалистами Антанты в интересах контрреволюции. Вместе с тем германские правящие круги использовали грабительские и унижительные условия Версальского договора для развертывания шовинистической и

реваншистской пропаганды, отвлекавшей народные массы от революционной борьбы.

Внешнеполитический курс Веймарской республики имел отчетливо выраженную антисоветскую направленность. Империалистическая буржуазия, а также правые лидеры социал-демократии изолировали Германию от единственного в мире государства, которое последовательно выступало против грабительского аннексионистского характера Версальского договора и стремилось установить равноправные отношения с Германией. Одновременно с походом против революционного пролетариата собственной страны реакционные правящие круги Германии участвовали в интервенции против Советской России, в кровавом подавлении революции в Литве, Латвии, Эстонии. Коммунистическая партия Германии была единственной партией в стране, призывавшей рабочих и всех трудящихся к борьбе против антинациональной политики империалистов, к братской солидарности с Советской Республикой — первым в мире государством рабочих и крестьян.

В марте 1920 г. верхушка генералитета, поддерживаемая частью буржуазии и юнкерством, опираясь на полуфашистские «добровольческие» корпуса и часть войск рейхсвера, организовала так называемый капповский путч (по имени помещика Каппа, которого заговорщики намечали сделать главой государства). Целью путчистов было уничтожение завоеваний Ноябрьской революции, окончательное подавление рабочего класса, ликвидация Веймарской республики и установление открытой военной диктатуры под флагом антикоммунизма и реваншизма. Пользуясь попустительством правительства, заговорщики смогли подтянуть свои силы к Берлину. Президент и члены правительства бежали в Штутгарт. 13 марта Капп был объявлен рейхсканцлером.

Немецкий рабочий класс единодушно поднялся на борьбу против грозившей нации опасности. Мощная всеобщая стачка, в которой участвовало около 12 млн. трудящихся, на несколько дней приостановила работу промышленности, транспорта и средств связи почти по всей Германии. Во многих местах рабочие вооружались и вступали в бои с силами заговорщиков. Всеобщая забастовка и вооруженное восстание трудящихся сорвали планы реакции и обусловили крах путча.

Однако правительство, получившее возможность вернуться в Берлин, вместо того, чтобы организовать ликвидацию вооруженных сил заговорщиков, все свое внимание направило на подавление выступления революционных рабочих. Обманывая их обещаниями наказать участников мятежа, разрешить создание отрядов рабочей обороны, а также осуществить некоторые мероприятия социального характера, правительство втайне готовило удар по основным силам восставших рабочих. Подавление главных центров вооруженной борьбы ослабило рабочий класс и позволило империалистической буржуазии еще более усилить наступление на жизненный уровень и права трудящихся.

Обстановка в Германии в первые послевоенные годы, небывалый накал классовой борьбы, приобщение к политической жизни миллионов неискушенных в политике людей вытолкнули на поверхность общественной жизни множество политических групп и партий, нередко очень малочисленных и не представлявших никого, кроме своих учредителей. Возникнув без какой-либо определенной программы, они, как правило, существовали недолго и исчезали, не оставив заметного следа.

Уже с конца 1918 г. в Германии стали возникать многочисленные милитаристские союзы и «добровольческие» объединения, главной целью которых была борьба с революционным пролетариатом. В их состав входили оказавшиеся не у дел бывшие офицеры и унтер-офицеры разгромленной кайзеровской армии, выбитые из привычной колеи или просто авантюристические элементы, преимущественно из мелкобуржуазных и крестьянских слоев. Организованные по типу армейских подразделений, они служили массовым резервом рейхсвера и возглавлялись кадровыми офицерами. В Баварии, например, весной 1919 г. была создана массовая военизированная организация «Гражданская самооборона» во главе с Эшерихом и Ремом, которая стремилась распространить свое влияние по всей Германии. Перед ее участниками ставилась задача беспощадной борьбы против революционного движения, за реставрацию монархии.

При поддержке рейхсвера и реакционных монополий возникали различные националистические союзы, например «Оберланд», «Младогерманский орден», «Викинг», «Вервольф», «Антибольшевистская лига» и др.

Они выдвигали лозунги борьбы против «большевистской опасности», марксизма, «еврейства и плутократии». В Мюнхене под вывеской организации «Консул» продолжала существовать распущенная в Северной Германии после провала капповского путча «морская бригада» Эрхардта. Кроме того, в Баварии действовало несколько десятков «фёлькише» («народных») — крайне националистических расистских организаций. Все эти организации и группы не имели отчетливо выраженной политической платформы, и единственным, что их объединяло, была ненависть к «ноябрьским преступникам» — революционным рабочим и прогрессивной демократической интеллигенции².

В 1919—1920 гг. основным центром реакционных сил в стране стал Мюнхен. В отличие от таких промышленных городов, как Берлин, Гамбург, Дюссельдорф, в столице Баварии не было крупных и хорошо организованных отрядов рабочего класса, преобладало мелкобуржуазное население, чиновничество, а в примыкающих к Мюнхену сельских районах — зажиточное крестьянство с прочными консервативными традициями.

Контрреволюционные милитаристские и националистические организации, действовавшие в баварской столице, пользовались поддержкой командования рейхсвера и местных промышленников. Своеобразным «мозговым центром» их было так называемое «Общество Туле» — полуконспиративная организация, построенная по образцу «масонских лож» и включавшая представителей местной элиты³. Название этой организации (от названия мифической земли Туле, которая, по представлениям древних римлян, являлась северной оконечностью мира) призвано было подчеркнуть нордическую избранность ее членов. «Общество Туле» объединяло 1500 человек — расистов и крайне правых националистов. Собираясь время от времени в фешенебельном мюнхенском отеле «Времена года», члены общества разрабатывали планы удушения революции в Германии и мести «ноябрьским преступникам», разглагольствовали о превосходстве германской расы и ее исторических предназначениях, «обосновывая» право германцев на руководство миром. Главой общества был Рудольф фон Зеботендорф; заметную роль в нем играли журналисты Д. Эккарт и К. Харрер, лица без определенных занятий Р. Гесс и Г. Франк, граф Арко-Валли (убийца К. Эйсне-

ра — главы баварского социал-демократического правительства, образовавшегося в ноябре 1918 г.). Бывали на собраниях «Общества Туле» белоэмигранты из России. Здесь на первых порах нашел пристанище прибалтийский немец, сын купца из Риги Альфред Розенберг.

«Общество Туле» с его социальным составом и малочисленностью не имело реальных политических перспектив. Поэтому его руководители решили связаться с «представителями народа». Осуществить эту идею было поручено Харреру. 7 марта 1918 г. Харрер вместе со слесарем мюнхенских железнодорожных мастерских Дрекслером основал «Политический рабочий кружок», переименованный вскоре в «Свободный рабочий комитет борьбы за хороший мир»⁴. В кружке Харрера — Дрекслера насчитывалось несколько десятков членов — ремесленников и рабочих, главным образом железнодорожников из числа сослуживцев Дрекслера, людей политически малограмотных, настроенных контрреволюционно и крайне националистически. Своей целью кружок с самого начала провозгласил борьбу против марксизма, за «немецкий социализм», против «унижения Германии». 5 января 1919 г. кружок был преобразован в Немецкую рабочую партию (ДАП). Председателем «имперской организации» партии (существовавшей тогда только в воображении ее членов) был избран Харрер, а председателем мюнхенской организации — Дрекслер. В состав новоиспеченной партии входило всего 25 человек. Во главе ее стоял «комитет учредителей», состоявший из шести человек⁵. Цель деятельности партии, как ее формулировал Дрекслер, заключалась в том, чтобы обеспечить всем «хорошую работу, всегда полный кухонный горшок и многодетную семью». ДАП объявила себя бесклассовой организацией и выдвинула требование ограничить ежегодный доход каждого немца 10 тыс. марок.

Политические цели Немецкой рабочей партии были сформулированы весьма расплывчато и неопределенно: образование массового объединения рабочих на националистической основе, борьба против «несправедливого мира», «искоренение марксизма». Свои политические взгляды Дрекслер пытался изложить в написанной при помощи Харрера брошюре, претенциозно названной «Мое политическое пробуждение» и пронизанной громкими антисемитскими лозунгами, призывами к «возрождению германского духа» и «единению нации»⁶.

Командование частей рейхсвера в Мюнхене внимательно следило за развитием политических событий в баварской столице. Специальный отдел штаба Мюнхенского военного округа, ведавший «просвещением и пропагандой», ежедневно рассылал своих сотрудников в места, где собирались массы людей, — в университетские аудитории, на биржи труда, вокзалы, в пивные. Их задача состояла в том, чтобы изучать настроения населения, информировать командование рейхсвера, устанавливать контакты с единомышленниками — реваншистски настроенными людьми⁷. Так, например, летом 1919 г. сотрудники отдела работали в аудиториях Мюнхенского университета, где после лекций вели дискуссии со студентами и преподавателями. Осенью того же года они занимались обработкой возвращавшихся из плена немецких солдат, временно помещенных в лагере Лехфельд⁸. В поле зрения начальника отдела «просвещения и пропаганды» капитана Майра попала в это время и Немецкая рабочая партия⁹. Демагогические речи партийных ораторов и слово «рабочая» в названии партии привлекли его внимание. Сотруднику этого отдела Адольфу Гитлеру, выполнявшему функции шпика-осведомителя, в сентябре 1919 г. было поручено посетить несколько собраний ДАП и информировать свое начальство о ее составе и целях.

12 сентября 1919 г. Гитлер проник на собрание группы в пивной «Штернекерброй» в Мюнхене. Через два дня он присутствовал на другом собрании, в «Альтен Розенбау» на Херренштрассе. Услышанные Гитлером националистические откровения партийных ораторов, демагогические призывы к борьбе против «процентного рабства» и засилья «еврейского капитала» заинтересовали его. После недолгих колебаний Гитлер принял предложение Дрекслера и вступил в его партию, получив членский билет за номером 555. (Чтобы создать впечатление массовости, список членов партии начинали с цифры 500¹⁰.) Он даже вошел в «комитет учредителей» в качестве его седьмого члена¹¹.

Гитлер быстро понял, что антикапиталистическая демагогия Немецкой рабочей партии обеспечит ей в послевоенной Германии немалое количество приверженцев и со временем эта организация может превратиться во влиятельную силу. Правда, пока она не имела более или менее определенной программы, ее члены не могли

даже относительно четко сформулировать свои цели. Но некоторые основные политические тенденции членов — учредителей ДАП — крайний национализм, реваншизм, неукротимая ненависть к марксизму и революционному рабочему движению, ярый антисемитизм — вырисовывались уже достаточно отчетливо. Эти тенденции полностью соответствовали настроениям самого Гитлера.

Родившийся в 1889 г. в австрийском городке Браунау в семье мелкого таможенного чиновника, Адольф Гитлер с детства впитал шовинистические и антисемитские взгляды, очень характерные для среды, в которой он рос и воспитывался¹².

Отец Адольфа, Алоиз Шикльгрубер, незадолго до рождения сына сменил фамилию на Гитлер. Будущему фюреру явно повезло: ведь талантливый австрийский писатель-юморист Нестрой снабжал фамилией Шикльгрубер своих сугубо комических героев. Родители Гитлера жили в достатке. Однако после смерти отца, а затем и матери хозяйство быстро пришло в упадок, и Адольф остался без средств к существованию.

Гитлер с детства был обуреваем огромным честолюбием, но учился весьма посредственно. Он был ябедником, чуждался товарищей. В реальной школе в г. Линце большое влияние на формирование его взглядов оказал учитель истории Леопольд Пётш, ярый националист, живший прежде в Югославии и фанатично ненавидевший славян и евреев. Пётш излагал всемирную историю как героический эпос германской расы. Он был первым, кто привил молодому Гитлеру убеждение, что весь мир должен быть спасен «германским естеством»¹³. Небезынтересно отметить, что Пётш был единственным из учителей, которого впоследствии Гитлер вспоминал с похвалой. «Любимым героем австрийца Гитлера, — писал немецкий буржуазный историк К. Гейден, — стал пруссак Фридрих Великий... Молодой человек начал свою самостоятельную жизнь как зазнавшийся и бьющий баклуши недоросль, а вовсе не как необузданный гений»¹⁴.

Окончив реальное училище, Гитлер пытался сделать карьеру в области живописи. Но на вступительном экзамене в Венскую академию изобразительных искусств он получил неудовлетворительную оценку за пробный рисунок. За пять лет, проведенных в Вене, Гитлер перепробовал множество профессий — был чертежником,

чернорабочим на стройке, маляром, но нигде не мог за-
крепиться. В ночлежных домах многоязычной Вены, где
Гитлер проводил целые месяцы, зрела его озлобленность
неудачника, крепили зоологические расистские инстинкты.
«Я ненавижу Австро-Венгрию за смесь чехов, поляков,
венгров, сербов и хорватов и в первую очередь евре-
ев», — писал он позже в «Mein Kampf» («Моя борьба»).

Здесь же в Вене окончательно сформировалось отно-
шение Гитлера к передовым революционным рабочим.
Гитлер вынужден был уйти со стройки, когда товарищи
по труду потребовали, чтобы он вступил в профсоюз.
Будущий фюрер чуждался организованных пролетари-
ев, ненавижу и боялся их.

Человек без профессии, без друзей и семьи, Гитлер
проводил свои дни в злобном одиночестве, бессистемно
читая все, что попадалось под руку. Обладая цепкой
памятью, он впоследствии поражал своих слушателей из
среды немецкого мещанства упоминанием имен различ-
ных писателей и философов и даже цитированием их
(пусть в искаженном виде). При этом Гитлер так и ос-
тался полужнайкой, с презрением относясь к системати-
ческому упорному труду над книгами, к глубокому изу-
чению наук. Его привлекали лишь те писания, в кото-
рых проводились шовинистические, расистские идеи,
созвучные его собственным.

Первая мировая война застала Гитлера в Баварии.
Он вступил добровольцем в кайзеровскую армию, в ба-
варский пехотный полк, где получил чин ефрейтора и
стал ординарцем командира роты. Из воспоминаний со-
служивцев и признаний самого Гитлера известно, что в
годы войны его шовинистические и националистические
великогерманские убеждения окрепли. Он патологиче-
ски яростно ненавижу социалистов, демократов и ев-
реев¹⁵.

В 1919 г., когда в Баварии образовалась Советская
республика, Гитлер едва спасся от справедливой кары
революционных рабочих. 2 мая он как реакционер и до-
носчик уже стоял у стенки в ожидании расстрела и
лишь по случайному стечению обстоятельств избежал
казни. Через некоторое время Гитлер уже сам охотился
за участниками революционного движения, действуя по
поручению следственной комиссии, и составлял обвини-
тельные заключения для обоснования казней. Обнару-
женных революционеров расстреливали немедленно.

«Предавать палачу лежащего врага стало для этого человека... настоящим наслаждением. Будущий «трибунал мести», «летающие с плеч головы» — во всем этом Гитлер упражняется уже во втором пехотном полку»¹⁶, — отмечал К. Гейден.

На учебных курсах штаба Мюнхенского военного округа, куда он вскоре был зачислен, Гитлер однажды произнес яростную антисемитскую речь. Он был замечен и повышен в должности. Назначенный «офицером по просвещению» в один из мюнхенских полков, он фактически выполнял функции осведомителя, поставляя информацию политическим советникам контрразведки Мюнхенского военного округа майору Гирлю, капитану Майру и капитану Рему. Последний возглавлял также контрреволюционную террористическую организацию молодых офицеров, которая выразительно называлась «Железный кулак».

Одна из основных задач политических советников состояла в том, чтобы осведомлять генералитет о настроениях различных слоев населения и о деятельности множества политических партий и групп, существовавших тогда в Баварии¹⁷. Для этой цели вербовали агентов, в числе которых был и Гитлер. Путь осведомителя и привел его в группу Дрекслера, именовавшую себя Немецкой рабочей партией.

Войдя в состав «комитета учредителей», Гитлер сразу же начал добиваться руководящего положения в группе, постепенно оттесняя Дрекслера от практического руководства. В ряды ДАП почти одновременно с Гитлером вступили Э. Рем, Д. Эккарт, бывший однополчанин Гитлера Р. Гесс, А. Розенберг, мелкий репортер Г. Эссер, бывший летчик Г. Геринг и другие, составившие его ближайшее окружение.

Первой пробой сил Гитлера на ораторском поприще явились его выступления осенью 1919 г. на собраниях в пивных залах «Гофбройхауз» и «Штадткеллер». Темы этих выступлений — «Аншлюс Австрии», «Брест-Литовск и Версаль» — были выбраны по указанию отдела «просвещения и пропаганды» штаба военного округа. В речах Гитлера содержались не только нападки на «международное еврейство» и «процентное рабство», на Версальский договор, но и яростные призывы к вооруженной интервенции против Советской России. Иго Версаля, утверждал Гитлер, может быть сброшено только после

осуществления нового Бреста, т. е. агрессии против «большевистской России»¹⁸.

24 февраля 1920 г. Гитлер и его группа созвали в Мюнхене в пивном зале «Гофбройхауз» свой первый массовый митинг, на котором присутствовало около 2 тыс. человек. Здесь были объявлены так называемые «25 пунктов», ставшие вскоре официальной партийной программой.

Зачитанные Гитлером тезисы представляли собой смесь национализма и реваншизма, примитивной социальной демагогии, злобного антидемократизма и антисемитизма¹⁹. В первых трех пунктах программы содержались требования отмены Версальского договора и полного «самоопределения» для всех немцев, под которым подразумевалось создание «великой Германии» за счет земель, принадлежащих другим странам: Польше, Чехословакии, Франции, Литве и др. Настойчиво подчеркивалась необходимость расширения германской территории. «Мы требуем территории и земли (колоний) для пропитания нашего народа и для поселения нашего избыточного населения», — говорилось в пункте 3.

Наряду с этим выдвигались требования полной конфискации военных прибылей (п. 12), проведения аграрной реформы (п. 17), «огосударствления трестов» (п. 13), «участия в прибылях крупных предприятий» (п. 14) и т. п. Некоторые пункты нацистской программы, звучавшие слишком антикапиталистически, позже были «уточнены» гитлеровцами. Так, в августе 1920 г. Гитлер заявил, например, что пункт 13 следует понимать как призыв к борьбе не против «созидающего ценности» промышленного капитала, а только против «еврейско-международного процентного капитала». Это был реверанс в сторону крупных немецких промышленников, с которыми у нацистов в то время начинали налаживаться контакты.

Ряд пунктов тезисов касался вопросов образования, этики, морали. Пункт 19, например, требовал «замены материалистического римского права немецким народным правом». «Школа, — говорилось в пункте 20, — должна внушать детям идею государства уже в самом начале их сознательной жизни». «Партия... — демагогически резюмировал пункт 24, — ведет борьбу против еврейско-материалистического духа внутри нас и вне нас и убеждена, что длительное оздоровление нашего

народа может последовать только изнутри на основе: общее благо выше личной выгоды».

В большинстве пунктов программы содержались антисемитские выпады, требования исключения евреев из гражданской и экономической жизни страны. Подчеркивалось «превосходство» германской расы, как «носительницы высоких моральных чувств» по сравнению с другими народами. «Гражданином государства может быть только тот, кто принадлежит к немецкому народу. Принадлежать к немецкому народу может только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь... — говорилось в пункте 4. — Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу». Эта мысль развивалась и далее: «Необходимо воспрепятствовать всякой дальнейшей иммиграции лиц не немецкого происхождения. Мы требуем, чтобы всех лиц не немецкого происхождения, поселившихся в Германии с 2 августа 1914 г., немедленно заставили покинуть страну»²⁰.

Уже краткий перечень лозунгов этой программы позволяет сделать вывод, что фашисты с самого начала ориентировались на создание массовой базы своего движения. При этом содержащиеся в «25 пунктах» требования были рассчитаны прежде всего на привлечение трудящихся в ряды сторонников гитлеровской партии. Фашисты спекулировали на послевоенных экономических трудностях и национальных чувствах немцев, ущемленных Версальским договором. Они обещали рабочим участие в прибылях предприятий, крестьянам — аграрную реформу, мелкой буржуазии — ликвидацию монополий и еврейских конкурентов, молодежи — работу и возможность выдвижения. И все это было густо замешено на национализме, идеях безусловного единства немецкой нации, превосходства германской расы перед всеми другими народами, требованиях реванша для восстановления «справедливости», попранной Версалем.

«25 пунктов» сыграли важную роль в процессе дальнейшего развития фашистского движения в Германии и формирования его массовой базы. Антикапиталистические лозунги и использование некоторой социалистической терминологии вводили в заблуждение неискушенных людей относительно подлинных целей гитлеровцев. Они принимали демагогию гитлеровской программы на веру, как некое откровение и готовы были поддерживать ее требования. Особый успех имела пропаганда тех

пунктов, которые были направлены против Версальского договора.

24 февраля «25 пунктов» были объявлены официальной программой партии, которая тогда же была переименована в Национал-социалистскую немецкую рабочую партию (НСДАП).

Введение в название партии слова «социалистская» преследовало ту же цель, что и антикапиталистические пункты программы. В действительности нацистские идеологи видели в научном социализме своего самого лютого врага. Борьбу против революционного движения они провозгласили своей центральной задачей. Небезынтересно в связи с этим, что они изо всех сил старались представить социализм как явление, ничего общего не имеющее с марксизмом. Марксизм, заявлял, например, Розенберг, совмещает «идеи интернационализма, классовой борьбы, пацифизма с не имеющим с ними ничего общего принципом социализма». Слово «рабочая» в названии партии также не отражало ни ее социального состава, ни политики, которая острием своим была направлена против коренных политических и экономических интересов рабочего класса.

Завершив организационное оформление своего движения, гитлеровцы стали быстро обзаводиться соответствующим реквизитом. Был утвержден партийный флаг — на красном поле, что должно было символизировать социализм, белый круг (национальные идеалы) с черной свастикой — изображением креста с загнутыми под прямым углом концами. Этот древний религиозный знак, который встречается на памятниках рабовладельческих государств — Египта, Индии и Китая, стал эмблемой фашизма, предназначенной символизировать борьбу за торжество «арийской расы»²¹.

Национал-социалисты развернули широкую пропаганду своих идей. Гитлер в апреле 1920 г. уволился из рейхсвера, чтобы целиком посвятить себя партийной деятельности²². Еженедельно он выступал на массовых собраниях своих приверженцев в мюнхенских пивных. Пивные залы, в которых по вечерам собиралось до нескольких сот человек — лавочники и бывшие солдаты, отставные чиновники и владельцы ремесленных мастерских, представители дна богемы и недоучившиеся студенты, рабочие и мелкие служащие, пенсионеры, живущие на жалкую пенсию, и офицеры, уволенные из армии

без пособия, — на первых порах предоставляли необходимую аудиторию нацистским ораторам.

Выступления нацистов обычно длились долго. Хозяева заведений этому не препятствовали, так как внешне эффектные речи гитлеровских агитаторов выполняли одновременно роль бесплатного аттракциона и позволяли экономить на развлекательной программе для клиентов. Посетители, за долгий вечер уже достаточно налившиеся пивом, не предъявляли особых требований к содержанию речи, не подвергали ее критическому анализу, им не нужны были логика и доказательность. Зато они быстро воспламенялись, легко поддаваясь воздействию эффектных лозунгов и театральных приемов.

С учетом характера этой аудитории постепенно выработались ораторский стиль и внешние формы устной нацистской пропаганды. Эталоном при этом служили речи Гитлера, который требовал, чтобы другие ораторы нацистской партии ему подражали. Сам же он фиглярствовал на трибуне, закатывал глаза, подвывал, резко и много жестикулировал. Он производил модуляции голосом в очень широком диапазоне: громогласные истерические выкрики неожиданно сменялись почти трагически-слезливым шепотом. Речи Гитлера электризующе действовали на слушателей, привыкших к спокойной, благопристойной манере ораторов традиционных буржуазных партий и социал-демократов. Фашистские митинги сопровождались выкриками из зала, пением националистических, милитаристских песен, оглушительным ревом толпы.

Гитлер хвастливо называл себя «национальным барабанщиком». Как оратор он апеллировал не к разуму, а к эмоциям слушателей. Он постоянно и рассчитанно играл перед своей аудиторией роль проповедника-фанатика²³. «Масса, — говорил Гитлер, — подобна животному, которое следует своему инстинкту. Она не считается с логикой и рассудком... Массы только тогда поддаются влиянию, когда они фанатичны... Я экзальтирую массы для того, чтобы сделать их инструментом своей политики...»

При всем этом Гитлер учитывал социальную психологию основной массы своих слушателей — людей, почему-либо выбитых из привычной колеи, раздраженных неустроенностью и бесперспективностью своего существования, запуганных призраком революции и готовых

безоговорочно следовать за «вождем» в обещанный им «национал-социалистский рай». У организованных, сознательных рабочих и демократической интеллигенции ораторские фокусы Гитлера вызывали лишь чувство брезгливости.

Расширение нацистской пропаганды ставило руководителей НСДАП перед необходимостью создания своего печатного органа. Они начали с расистского сатирического журнала «Auf gut Deutsch» («Чисто по-немецки»), который редактировал один из первых фашистских идеологов антикоммунизма — Эккарт. На страницах этого журнальчика А. Розенберг впервые провозгласил лозунг: «Иметь влияние может лишь тот, в чьих жилах течет чисто германская кровь». В декабре 1920 г. Гитлер купил газету «Völkischer Beobachter», бывшую прежде (под названием «Münchener Beobachter») органом «Германского ордена» и «Общества Туле» и влачившую жалкое существование²⁴. Примечательно, что деньги на эту покупку, 120 тыс. бумажных марок, Гитлер получил от генерала фон Эппа из секретных фондов рейхсвера. Первоначально газета выходила два раза в неделю. Гитлеровский орган кроме регулярных субсидий от рейхсвера пользовался щедрой финансовой поддержкой ряда крупных фабрикантов.

В дни капповского путча в марте 1920 г. Гитлер и Эккарт по поручению мюнхенских военных кругов отправились в Берлин в качестве «наблюдателей». Вспышка активности реакционных сил внушила им определенные надежды. Помешал случай: самолет, на котором летели Гитлер и Эккарт, совершил вынужденную посадку в Ютеборге, где был задержан революционными рабочими. Нацистские главари прибыли в Берлин, когда путч уже был подавлен. Небезынтересно отметить, что среди бумаг Каппа, с которым баварские националисты поддерживали отношения, была найдена программа нацистов — пресловутые «25 пунктов»²⁵.

В 1920—1921 гг. гитлеровцы укрепляют свой партийный аппарат. Растут расходы партии, при этом источники доходов тщательнейшим образом скрываются.

В составе партийного руководства были произведены некоторые перестановки. 21 января 1921 г. первым председателем НСДАП был избран Дрекслер, вторым — Кёрнер, шефом пропаганды стал Гитлер. Последний потребовал укрепить организационную сторону деятельно-

сти партии, которая пока представляла собой не более чем «чайный клуб». В мюнхенском пивном зале «Штернекерброй» было снято постоянное помещение для главной резиденции нацистов. Некий Шюсслер был назначен управляющим делами, появились печать, сейф, мимеограф, пишущая машинка. Деньги на все эти мероприятия Гитлер получил через Рема в отделе «просвещения и пропаганды» штаба Мюнхенского военного округа рейхсвера²⁶.

Гитлер потребовал полной независимости руководящего комитета от рядовых членов партии.

Разногласия по вопросу о методах деятельности НСДАП обострились. Гитлер, поддерживаемый командованием рейхсвера, требовал энергичного «выхода в массы» — организации многолюдных собраний, применения новых методов агитации и пропаганды. Он был также сторонником установления твердой, полужакарменной дисциплины в партии. «70 или 70 тыс. членов?» — этот вопрос усиленно дебатировался среди руководства НСДАП. Харрер, который отстаивал метод дискуссий в сравнительно небольшом кругу единомышленников и не разделял линии на «массовость», вынужден был по требованию Гитлера отойти от руководства²⁷. Фактически руководство организацией сосредоточилось в руках Гитлера.

Нацисты быстро нашли общий язык с рейхсвером и монополиями. Точкой соприкосновения послужили, в частности, злободневные вопросы внешней политики. Германский империализм в то время всячески стремился уклониться от уплаты репараций по мирному договору. При этом в порядке возмещения делались попытки предложить странам Антанты услуги по организации вооруженной интервенции против Советской России. Эта мысль по поручению генерала Людендорфа была высказана в докладной записке крупного промышленника Арнольда Рехберга, направленной руководителям США, Англии и Франции.

Аналогичную позицию занимали и нацисты. 1 января 1921 г. в «Völkischer Beobachter» появилась статья Розенберга с призывом организовать поход против Советской России и разгромить Красную Армию. «...Это и будет, — писал он, — собственно, началом нашего возрождения»²⁸.

Руководители рейхсвера, а также некоторые крупные

промышленники начали оказывать поддержку национал-социалистскому движению еще в то время, когда оно не представляло собой сколько-нибудь значительной политической силы. Уже первые акции новой партии привлекли их внимание. Существовавшие до тех пор милитаристские и националистические союзы страдали кастовой обособленностью, ярко выраженная классовая направленность ограничивала число их приверженцев. Программа же нацистской партии и ее социальный камуфляж, рассчитанные именно на создание широкой массовой базы, позволяли надеяться, что ей удастся со временем распространить свое влияние на трудовые слои населения.

В феврале 1921 г., вскоре после переговоров о репарациях, которые вело германское правительство с представителями Великобритании и Франции, нацисты созвали массовый митинг в огромном зале мюнхенского цирка «Кроне». В день митинга по улицам разъезжали грузовики с фашистскими флагами, повсюду были расклеены яркие плакаты, призывавшие посетить митинг. Перед 6,5 тыс. собравшихся выступили Эккарт и Гитлер. Речь последнего, провокационно названная «Будущность или гибель», сводилась к одному требованию: «Войну надо переиграть»²⁹.

Этот митинг явился важным тактическим мероприятием фашистской партии. Выражая цели монополистических и милитаристских кругов, нацисты вместе с тем использовали такие лозунги, которые получали отклик в многочисленных мелкобуржуазных слоях. Стержнем этих лозунгов было требование отмены Версальского договора и всех других «несправедливостей», являвшихся результатом поражения Германии в первой мировой войне. При этом настойчиво проводилась мысль о необходимости подготовки к новой войне как единственному средству взять реванш за поражение. И хотя в начале 20-х годов подобные идеи казались нереальными, воинствующие круги монополий и генералитет рейхсвера именно в это время начали проявлять живейший интерес к крикунам из мюнхенских пивных.

Митинг в цирке «Кроне» обеспечил НСДАП немалые преимущества перед другими реакционными буржуазными партиями Веймарской республики. Развернутая нацистами кампания протеста против репарационных платежей дала им возможность заявить о себе как

о «выразителях интересов нации». Однако главными противниками фашистов, у которых они стремились отвоевать влияние на широкие массы трудящихся, оставались социал-демократы и коммунисты.

В 1921 г. гитлеровцы начали практиковать как систему бесчинства по отношению к своим политическим противникам, в первую очередь коммунистам и социал-демократам, — избиения, погромы, хулиганские выходки на митингах и собраниях. Сам Гитлер активно участвовал в этих акциях. Баварская юстиция была снисходительна к нацистам. Например, за хулиганство на собрании буржуазного федералистского «Союза баварцев» и избиение его лидера Баллерштедта Гитлер был приговорен всего к трем месяцам тюремного заключения, из них к двум условно³⁰. Но даже и месяца в тюрьме Гитлер не отбыл. Бандитские налеты на рабочие собрания вообще сходили нацистам с рук.

Влияние национал-социалистов росло. Если на 1 января 1920 г. их партия насчитывала всего 64 человека, то через год в ее составе было уже 3 тыс. человек³¹. НСДАП продолжала осуществлять тактику «выхода в массы». За год — с 24 февраля 1920 г. по 21 февраля 1921 г. — только в Мюнхене нацисты провели 46 публичных собраний, в том числе 10 массовых, с общим числом участников 62 371. Они посылали своих представителей и на собрания других политических партий. На некоторых из них нацисты выступали. Вот основные темы речей нацистских ораторов: «Международный биржевой капитал и маленький рантье», «Брест-Литовск и Версаль», «Еврей как рабочий руководитель», «Спа, Москва и мы», «Почему мы являемся антисемитами», «Крах процентного рабства», «Поражение и возрождение Германии», «Право и власть», «Германское право», «Версаль. Уничтожение Германии», «Политика партии и еврейский вопрос», «Еврейское и германское народное просвещение?» и т. п.³²

Значительно расширились масштабы фашистской пропаганды. Сборища нацистов из пивных переносятся в залы театров и даже на площади немецких городов. В ряде городов (Кобурге, Ганновере, Мюнхене) организуются так называемые германские дни — массовые реваншистские сборища с выступлениями фашистских руководителей.

Основатели нацистской партии — Дрекслер, Кёрнер

и другие — играли в ней все меньшую роль. Власть постепенно концентрировалась в руках Гитлера.

Летом 1921 г. НСДАП пережила свой первый серьезный кризис. В руководстве партии вновь вспыхнули споры о тактике. В то время как Дрекслер допускал возможность прихода нацистов к власти путем «мирного развития» с использованием буржуазной демократии, т. е. борьбы за парламентские места, Гитлер и его окружение с одобрения военных кругов выступали за резко антидемократический курс, против буржуазно-демократических свобод и институтов, существовавших в Германии. Ближайшими задачами нацистской партии они считали завоевание новых сторонников, расширение численности своих рядов, а также форсированную подготовку к вооруженному захвату власти.

Группа Дрекслера не пользовалась поддержкой влиятельных политических сил в Баварии. Кроме того, она сильно насторожила руководство рейхсвера тем, что на одном из собраний, проходившем в отсутствие Гитлера, приглашенный в качестве возможного союзника некий Дикель — представитель так называемой «германской социалистической партии» — позволил себе сравнить опасность «еврейства» с опасностью, исходящей от крупных помещиков³³. Гитлер использовал это для укрепления своей власти в НСДАП. 11 июля он заявил, что выходит из партии. В дело вмешались покровители НСДАП из штаба Мюнхенского округа рейхсвера. Гитлер выдвинул шесть условий своего возвращения в партию, среди них назначение его председателем НСДАП и наделение диктаторскими полномочиями, отмена принципа принятия партийных решений большинством голосов. Под нажимом рейхсвера ультиматум был принят. Тактическая линия Гитлера обещала успех в деле завоевания влияния на массы и потому получила поддержку в кругах генералитета. 14 июля Гитлер «вернулся» в партию, а 29 июля на чрезвычайном собрании ее активистов 553 голосами при одном воздержавшемся было одобрено предоставление ему чрезвычайных диктаторских полномочий. Группа Дрекслера капитулировала. Первым председателем партии был избран Гитлер³⁴, вторым — Кёрнер. В тот же день на массовом собрании в цирке «Кроне» Эссер назвал Гитлера «наш фюрер».

Гитлер быстро покончил с наивными заблуждениями

некоторых членов НСДАП, считавших, что ее политика должна определяться численным большинством в руководстве, и стал настойчиво проводить в жизнь принцип «фюрерства» — единоличной и неограниченной власти «вождя». В декабре 1921 г. он был назван «фюрером» («вождем») уже в официальном органе НСДАП — газете «Völkischer Beobachter».

После утверждения своих диктаторских полномочий Гитлер произвел некоторые организационные изменения в руководстве партии. Управляющим делами НСДАП он назначил Амана — фельдфебеля, который служил с ним в одной роте в годы войны, шефом пропаганды — Эссера, главным казначеем — Шварца.

Еще в начале 1920 г. были созданы первые отряды вооруженных фашистских головорезов — «орднеров», руководство которыми осуществлял Эмиль Морис. Первоначально функции «орднеров» заключались в охране нацистских сборищ от «враждебных элементов» и поддержании порядка на массовых митингах (так называемая «служба порядка»). Но очень скоро они стали орудием контрреволюционного террора. «Орднеры» использовались для бандитских нападений на прогрессивные организации, устройства беспорядков на митингах, проводимых другими партиями, для избиения революционных рабочих. Уже в те времена гитлеровцы широко применяли методы провокаций. Так, для «оправдания» одного из нападений на рабочих они использовали вымысел, будто бы «марксисты хотели взорвать зал, где проводился фашистский митинг»³⁵. В ноябре 1921 г., после первого крупного побоища, которое учинили нацистские бандиты в Мюнхене в отношении революционных рабочих, «служба порядка» получила название «штурмовых отрядов» (Sturmabteilungen) — СА. Перед этой военизированной организацией ставились также задачи открыто реваншистского характера. Гитлер рассматривал штурмовиков как ядро будущей армии реванша. В 1927 г., вручая знамя штурмовикам Рейнской области, он заявил, например: «Вы принимаете это знамя как знак неразрывности нашего движения, пока не будут разорваны Версальский и Сен-Жерменский позорные договоры»³⁶. Оружие и инструкторов, обучавших штурмовиков навыкам уличных схваток, обеспечило командование рейхсвера через капитана Эрхардта и Рема.

Штурмовики подбирались по принципу крепких кулаков и мощных глоток. Служба в СА привлекала деклассированные элементы общества, уволенных из рейхсвера в ходе выполнения Версальского договора солдат и офицеров, разорившихся лавочников, крестьянских парней, отчаявшихся найти работу в городе. Вступив в штурмовой отряд, они получали, хотя и скудное первоначально, обеспечение, жилье в казарменных помещениях, униформу и приобретали некий «социальный престиж». «Служба» была необременительной: хождение строем, обучение стрельбе и приемам кулачного боя. Затем приобретенные «познания» реализовывались в акциях против демократических организаций и их активистов. Гитлер высокопарно называл СА «подготовительной школой для предстоящей борьбы за свободу». «В СА, — говорил он, — должны поступать лишь те, кто послушен своему фюреру и готов пойти за него на смерть». Начальником СА был назначен флотский лейтенант Клинч.

Первой «пробой сил» штурмовых отрядов была схватка с социал-демократическими рабочими в «Гофбройхаузе» 4 ноября 1921 г. Полусотне нацистских головорезов удалось сорвать собрание, на котором присутствовало более 800 социал-демократов. Несколько десятков рабочих были избиты до полусмерти. Задачу фашистов облегчила пассивная позиция организаторов этого собрания, не решившихся дать отпор бандитам. Гитлер с похвалой отозвался о действиях штурмовиков и призвал впредь не останавливаться ни перед чем, вплоть до убийства, чтобы сломить «марксистское упорство». Бесчинства молодчиков из СА проходили безнаказанно: полицей-президент Баварии Пённер и виднейший правительственный чиновник Фрик сочувствовали нацистам и оказывали им покровительство³⁷.

Развитию национал-социалистского движения в Германии способствовало наступление фашизма в некоторых других европейских странах. IV конгресс Коминтерна, проходивший в 1922 г., отмечал, что приход фашизма к власти в Италии способствовал активизации фашистских организаций в Германии, Польше и других странах. Борьба с фашистской опасностью приобретала для рабочего класса все большее значение. В тезисах конгресса подчеркивалось, что для буржуазии оказывается уже недостаточно «законных» методов подавления ре-

волюционной борьбы трудящихся, поэтому она переходит «к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение»³⁸.

Установление фашистской диктатуры в Италии вдохновляюще подействовало на германских фашистов. Гитлер сам признавал впоследствии, что движение коричневорубашечников не смогло бы возникнуть без движения чернорубашечников. «То, что их дело удалось, — говорил он, — сильно подтолкнуло нас. Я не уверен, удержались ли бы мы, если бы марксисты победили тогда Муссолини»³⁹.

В 1922—1923 гг. усилилась идеологическая обработка населения Германии в духе крайнего национализма и реваншизма. «Теоретической основой» пропагандистской деятельности нацистов стали книга Г. Федера «Германское господство на национальной и социальной основе. Новый путь в государстве, финансах и экономике», вышедшая в свет в 1923 г., и брошюрка Эккарта под названием «Большевизм от Моисея до Ленина. Мои беседы с Адольфом Гитлером»⁴⁰. Как одна, так и другая представляли собой свод антикоммунистических вымыслов, грязной клеветы и оголтелого антисемитизма. Малограмотная болтовня о «процентном рабстве», «заговоре мирового большевизма» и «еврейства» завершалась недвусмысленно звучащими призывами к «единению нации», «национальной дисциплине», «оздоровлению германского духа» и т. п. Промышленники и помещики характеризовались как носители «динамики нации». Гитлер высоко оценил писания Эккарта и Федера. Книгу последнего он назвал «катехизисом национал-социалистского движения».

Заметно расширяют гитлеровцы свои политические связи. Они устанавливают контакты с националистическими старопрусскими кругами в Берлине и распространяемым в Северной Германии реакционным движением «фёлькише», лидерами которого были граф Ревентлов, фон Грэфе, Вулле и Генниг. Еще в 1921 г. Гитлер сблизился с кумиром германских милитаристов генералом Эрихом Людендорфом. Книга Людендорфа «Военное руководство и политика», в которой вина за поражение Германии в первой мировой войне возлагалась на соци-

ал-демократов и революционных рабочих, а главной причиной поражения объявлялось отсутствие единства между политическим и военным руководством, была взята на вооружение пропагандистским аппаратом НСДАП⁴¹.

В гитлеровской партии все более важные позиции занимают бывшие военные. В конце 1922 г. среди ближайшего окружения фюрера выдвинулся отставной капитан авиации Герман Геринг. Темные дела морфиниста Геринга были известны лишь немногим, в то же время он пользовался популярностью как летчик-истребитель знаменитой в Германии эскадрильи Рихтгофена. Гитлер поручил Герингу вместо Клинча руководство вооруженными бандами коричневорубашечников-штурмовиков.

Особенно большое значение для НСДАП имели связи Гитлера с монополиями, которые начали устанавливаться уже в первые годы существования фашистской партии. Некоторые «старые» нацисты даже упрекали Гитлера в чрезмерном сближении с крупными промышленниками, что явно не соответствовало провозглашенному партией «антикапиталистическому» курсу. Об этом, в частности, писал Гитлеру «теоретик» нацистов, один из авторов партийной «программы», Федер. Однако Гитлер игнорировал подобные упреки⁴².

В первые годы существования фашистской партии основную финансовую поддержку нацистам оказывало командование рейхсвера. Через Эрхардта и Рема в НСДАП регулярно поступали значительные суммы. Но уже тогда ряд баварских промышленников открыли свои сейфы для нацистов, справедливо видя в них орудие борьбы против революционного рабочего движения.

Благосклонность крупных капиталистов к Гитлеру еще более возросла после его доклада, прочитанного в Национальном клубе Берлина в декабре 1921 г. в присутствии ведущих представителей монополистического капитала⁴³. В мае 1922 г. Гитлер снова выступил с докладом в Национальном клубе. Идея организации этих выступлений принадлежала банкиру Гансеру, оказывавшему финансовую поддержку нацистам. Он же связал Гитлера с руководством концерна «Сименс-верке»⁴⁴.

Следующая встреча Гитлера с германскими промышленниками состоялась в июне. Как вспоминал впоследствии один из ее участников, речь Гитлера произвела

такое впечатление на присутствующих, что они решили всячески способствовать распространению нацистского движения на Берлин и Северную Германию. Субсидии щедро посыпались на нацистов.

В течение 1922—1923 гг. Гитлер получил значительные денежные суммы от директора «Союза баварских промышленников» Ауста и юрисконсульта этого союза Куло, от вдовы фабриканта роялей Бехштейна, крупного мюнхенского промышленника Маффеля, фабрикантов Горншу и Гранделя из Аугсбурга, от фирмы «Даймлер-верке» в Штутгарте и др. Щедрое субсидии на нужды фашистской печати получал шеф-редактор «Völkischer Beobachter» Розенберг от крупного фабриканта Арнольда Рехберга, тесно связанного с магнатами Рура и генералитетом рейхсвера. Газета нацистов получала финансовую поддержку и от председателя Калийного треста Ростерга, который выступал в ней со своими статьями⁴⁵.

Особенно большую роль в финансировании нацистов сыграли берлинский монополист Борзиг, владелец Стального треста Фриц Тиссен, концерн Стиннеса и уполномоченный «ИГ Фарбениндустри» Питш. Осенью 1923 г. Тиссен, в частности, передал в распоряжение нацистской партии 100 тыс. золотых марок⁴⁶.

Крупные помещики также поддерживали гитлеровцев щедрыми субсидиями. Герцог фон Саксен-Кобург-Гота, К. Фреде и другие земельные магнаты финансировали нацистскую партию как непосредственно, так и через «Общество Туле», которое субсидировало нацистов. Последние не гнушались никакими источниками в погоне за средствами. В Берлине на Тауентциенштрассе они через подставных лиц содержали публичный дом с целью пополнения партийной кассы⁴⁷.

НСДАП получала деньги и из иностранных источников. Агент Гитлера в Швейцарии Гансер помог нацистам получить денежную помощь от швейцарских банкиров, а издатель Ганфштэнгель — от американского промышленника Генри Форда. Нацистам помогали также некоторые французские капиталисты, спекулировавшие на баварском сепаратизме, английский нефтяной магнат Генри Детердинг. Сведения о связях Гитлера с американскими и французскими монополиями проникли в начале 1923 г. в американскую печать. Владелица писчебумажной фабрики в Финляндии прибалтийская немка

Гертруда фон Зейдлиц организовала сбор средств в фонд НСДАП среди немцев — сторонников фашистов, проживавших в Финляндии, Швейцарии, Чехословакии, Швеции и Америке⁴⁸. Свою лепту в фонд НСДАП внесли русские эмигранты-белогвардейцы, а также украинские националистические антисоветские организации, группировавшиеся вокруг «гетмана» Скоропадского.

В 1923 г. Гитлер направил в Будапешт и Рим К. Людеке с целью прозондировать почву в отношении финансовой поддержки. Сам Гитлер осенью 1923 г. побывал в Цюрихе, откуда привез большой чемодан банкнот — швейцарских франков и американских долларов.

Реакционная буржуазия Германии напрягала в эти годы все свои силы, чтобы решительно сломить революционную активность рабочего класса. Под руководством КПГ с весны 1923 г. в стране развернулось широкое массовое движение против антинациональной, реакционной политики правительства Куно. В этих условиях нацисты стремились перехватить из-под влияния коммунистов быстро революционизирующиеся массы и направить их активность на осуществление своих целей. Руководство НСДАП по-прежнему ставило главной задачей борьбу за массовость. Особые надежды возлагались при этом на среднее сословие. В директиве руководства НСДАП, изданной в начале 1922 г., от всех организаций партии требовалось, чтобы ее состав точно отражал социальный состав населения страны (имелась в виду Бавария с преобладающим мелкобуржуазным населением). Число интеллигентов в партии ни в коем случае не должно было превышать 30%. В директиве указывалось, что «для классово сознательных пролетариев, так же как для сословно ограниченных буржуа», не должно вообще быть места в НСДАП. Под «сословно ограниченными буржуа» подразумевались те представители имущих слоев, которые не поддерживали гитлеровской демагогии о надклассовом «национальном социализме»⁴⁹.

К лету 1922 г. НСДАП насчитывала 50 местных организаций с 6 тыс. членов. Задача «завоевания масс» была еще далека от своего осуществления. Масштабы влияния гитлеровцев свидетельствовали о том, что население в большинстве своем остается невосприимчивым к нацистской пропаганде и агитации. Взяв курс на привлечение в свои ряды молодежи, гитлеровцы основали

в марте 1922 г. «Молодежный союз НСДАП» во главе с неким Ленком. В 1923 г. союз начал издавать свою газету «Nationaler Jungsturm». Возросла численность фашистских штурмовых отрядов. Члены СА были объединены в двух полках (штандартах), полки состояли из сотен, в которых происходило обучение⁵⁰.

После убийства фашистами в июне 1922 г. министра иностранных дел Ратенау, подписавшего в Рапалло советско-германский договор, германское правительство временно запретило деятельность правоэкстремистских организаций, но в Баварии нацисты при попустительстве местных властей продолжали свои бесчинства, сочетавшиеся с разнузданной демагогией. 14—15 октября 1922 г. во время проведения так называемого «германского дня» в Кобурге гитлеровцы предприняли попытку путча. Более двух суток они бесчинствовали в городе при полном бездействии полиции. Сотни участников антифашистской рабочей демонстрации были избиты. Лишь на третий день отряды полиции усмирили нацистов⁵¹.

Влияние нацистов заметно росло. 16 августа 1922 г. в массовом митинге в Мюнхене, созванном нацистами совместно с другими милитаристскими, реваншистскими союзами, участвовало около 70 тыс. человек. Нацисты шельмовали президента Эберта и канцлера Вирта как «покровителей измены и предательства». Гитлер выступил с резкими нападками на правительство Вирта за принятые им меры по ограничению деятельности террористических организаций.

Гитлеровцы стремились объединить вокруг своей партии другие националистические и милитаристские группы. С этой целью в конце 1922 г. был создан «Национальный единый фронт», в который вошли организации «Имперский флаг», «Союз Оберланд», «Отечественный союз Мюнхена», «Боевой союз Нижней Баварии» и некоторые другие. Нацисты заключили также союз с реакционной организацией «Бавария и империя». В феврале 1923 г. на базе «Национального единого фронта» было создано так называемое «Рабочее содружество отечественных боевых союзов» под руководством Рема и полковника Крибеля.

27—29 января 1923 г. НСДАП созвала в Мюнхене свой первый «имперский съезд». На нем присутствовали не только баварские фашисты, но и сторонники Гитлера из других районов страны. Несмотря на нерешительные

попытки баварских властей помешать проведению съезда и запрет массовых митингов «под открытым небом», представители рейхсвера генерал фон Эпп и Рем обеспечили беспрепятственное проведение нацистского собрания. Главной темой съезда была подготовка к свержению центрального германского правительства. Гитлеровцы не скрывали, что речь идет о государственном перевороте путем путча. Вслед за съездом состоялся грандиозный шабаш 5 тыс. штурмовиков, стянутых сюда со всей Баварии. Затем была проведена церемония «освящения знамен». На площадях баварской столицы состоялось шесть массовых митингов нацистов⁵². В течение осени 1922 г. и в начале 1923 г. нацисты провели в Мюнхене целую серию массовых митингов под лозунгами борьбы против «ноябрьских преступников» и «международного еврейства».

В пропагандистских выступлениях гитлеровцев все сильнее звучали антикоммунистические мотивы. Особенно характерным в этом плане был митинг в мюнхенском цирке «Кроне» 11 января 1923 г., проходивший под стандартным лозунгом «Долой ноябрьских преступников». Яростную антикоммунистическую пропаганду вела на своих страницах «Völkischer Beobachter», которая с февраля 1923 г. стала выходить ежедневно.

Накануне 1 мая 1923 г. Гитлер потребовал от баварского правительства запретить первомайскую демонстрацию рабочих, а в случае если она все же состоится, поручить фашистским штурмовикам разогнать ее. Пользуясь этим предлогом, Гитлер одновременно обратился к рейхсверу с требованием соответствующего вооружения для своих штурмовых отрядов. Однако командующий баварской группой войск Лоссов отказался дать оружие. Это нарушило планы нацистов, намеревавшихся использовать оружие для организации путча в Мюнхене, а затем вооруженного похода на Берлин. Обманным путем гитлеровцам удалось захватить два грузовика оружия, но Лоссов приказал вернуть его, угрожая в противном случае двинуть против нацистов регулярную армию. Гитлер вынужден был уступить и возвратить оружие на склады рейхсвера.

Авантюристические планы нацистов не получили в то время поддержки рейхсвера, который в союзе с баварской правящей верхушкой преследовал другую цель: отколоть Баварию от остальной Германии, рассчитывая

после этого выторговать у союзников уступки в выплате репараций. За подготовку путча и похищение оружия Гитлер был предан суду. Он был приговорен к трем месяцам тюремного заключения, кроме того, как иностранец (австриец) подлежал высылке за пределы Германии. Но уже через месяц Гитлер был освобожден и из страны выслан не был.

1923 год характеризовался новым подъемом революционной активности рабочего класса Германии, нарастанием в стране революционного кризиса.

11 января 1923 г. франко-бельгийские войска оккупировали Рур, крупнейший промышленный район Германии, под предлогом невыполнения ею репарационных обязательств. С первого же дня коммунисты поднялись на борьбу против оккупантов. По всей стране проходили забастовки и демонстрации рабочих, требовавших отставки правительства Куно, виновного в создавшейся ситуации. Политика «пассивного сопротивления» оккупантам, провозглашенная правительством, была фактически политикой бездействия. Все бремя оккупации ложилось на плечи трудящихся. Прибыли монополий не пострадали. Одновременно оккупация способствовала оживлению сепаратистских настроений в Рейнской области, Руре и Баварии. Милитаристы и крупная буржуазия рассчитывали использовать обстановку для раскола Германии.

Возмущение народных масс нарастало. Рабочие вооружались, организовывали боевые дружины. В ряде мест в борьбу включались сельскохозяйственные рабочие. Росло влияние Компартии. В Саксонии и Тюрингии революционная борьба завершилась созданием в октябре рабочих правительств.

В августе всеобщая забастовка берлинского пролетариата привела к падению кабинета Куно, ему на смену пришло правительство Штреземана. Однако коммунисты вследствие предательской позиции группы Брандлера в ЦК КПГ не смогли использовать благоприятную ситуацию для развертывания массовой революционной борьбы в масштабе всей страны за свержение господства империалистической буржуазии. Линия Э. Тельмана на завоевание пролетариатом политической власти не была поддержана. В результате силы рабочего класса оказались разобщенными. Сказывалась также примиренческая позиция по отношению к буржуазии руковод-

ства социал-демократии, хотя рядовые социал-демократы почти повсеместно участвовали в борьбе плечом к плечу с коммунистами.

23 октября началось вооруженное восстание в Гамбурге. Его возглавила местная организация коммунистов, руководимая Тельманом. Однако по вине группы Брандлера восстание оказалось изолированным. Против революционных рабочих были брошены полиция и части рейхсвера, вооруженные отряды буржуазии. 25 октября по решению гамбургской организации коммунистов восстание было прекращено. Поражение гамбургского пролетариата явилось началом наступления реакции по всей стране. На коммунистов обрушились репрессии.

Наступление контрреволюции опьянило германских фашистов. Еще в сентябре 1923 г. руководство нацистской партии возобновило свои попытки организовать единый фронт реакционных сил. В начале месяца был образован германский «Союз борьбы» («Кампфбунд»), в который вошли НСДАП и некоторые примыкавшие к нацистам организации — «Имперский флаг», «Союз Оберланд». Во главе «Кампфбунда» был поставлен гитлеровец Шойбнер-Рихтер. Политическое руководство осуществлял Гитлер, а военное — Крибель.

Шла усиленная подготовка к государственному перевороту. 30 сентября во время проведения так называемого «германского дня» в Байрёйте Гитлер принял парад 4 тыс. вооруженных штурмовиков, маршировавших под лозунгами «Долой правительство», «Да здравствует национальная революция».

Милитаристские союзы, различные реакционные группировки «фёлькише» представляли собой боевой резерв рейхсвера и монополистов, который последние рассчитывали использовать против революционного рабочего класса и всей демократии. В одном только Мюнхене насчитывалось более 50 таких организаций⁵³. Политическая обстановка и расстановка социальных сил в Баварии благоприятствовали их деятельности. Здесь было сравнительно мало пролетарского населения, в деревне основной фигурой был крепкий середняк; в мелкобуржуазной, чиновничье-консервативной массе «средних слоев» преобладали монархические, антидемократические, а также сепаратистские тенденции. Щедрая финансовая поддержка, которую оказывали Гитлеру и его партии представители монополий, военщины и реак-

ционных политических организаций, а также политическая и экономическая обстановка в стране разжигали у фашистских главарей честолюбивые мечты о захвате власти в Германии и осуществлении «национал-социалистской революции», как они именовали намеченный ими реакционный государственный переворот.

Остроту обстановки осенью 1923 г., возможность нацистского мятежа отчетливо понимали немецкие коммунисты. В письме Северобаварского комитета КПГ партийным организациям отмечалось, что реакционные силы — нацисты и баварские сепаратисты перешли в наступление по всему фронту и взрыв может произойти в любой момент. Компартия призывала трудящихся к вооруженной защите республики. Баварские железнодорожники, откликнувшись на призыв КПГ, отказались отправлять несколько поездов с вооруженными гитлеровцами в Саксонию, Тюрингию и Берлин. В докладе Южнобаварской организации КПГ Центральному Комитету партии от 2 октября 1923 г. сообщалось, что Гитлер готовит поход на Берлин⁵⁴. Советский историк Д. С. Давидович опубликовал недавно документ, свидетельствующий о том, что в ЦК КПГ не только понимали опасность фашистского путча, но и принимали меры, с тем чтобы предотвратить его.

4 ноября 1923 г. ЦК КПГ принял следующую директиву: «К сведению всех обкомов. ...Фашистские банды... собираются в поход на Берлин... Победа Гитлера будет означать полный разгром рабочего класса. Начните агитацию за объявление всеобщей забастовки. В случае похода фашистов на Берлин начать забастовку... Необходимо немедленно, по боевой тревоге, поднять людей из «красных сотен». Однако начать вооруженную борьбу лишь там, где дело дойдет до открытых боев между оставшимися верными имперскому правительству частями рейхсвера и полиции, с одной стороны, и фашистами, с другой. Вести огонь только по фашистам. Оружие доставать везде, где только возможно... Всеми средствами воспрепятствовать перевозке фашистов»⁵⁵.

ЦК КПГ призвал всех трудящихся города и деревни к антифашистскому сопротивлению, созданию комитетов действия и пролетарских сотен, к подготовке всеобщей забастовки против фашистского путча.

В ноябре 1923 г. Гитлер и его сообщники предприняли попытку захвата государственной власти, вошед-

шую в историю под названием «пивного путча». На ускоренную реализацию планов переворота нацистов подстегнул ряд факторов, важнейшим из которых явилось подавление революционного движения в Саксонии, Тюрингии и Гамбурге. Росту влияния фашистской партии, выступавшей под лозунгами борьбы против Версальского мирного договора, способствовала оккупация Рура. Она оживила планы создания «Рейнской республики», встречавшие сочувствие со стороны крупных промышленников Рейнско-Вестфальской области. На сближение с Францией рейнских промышленников толкали экономические интересы — оторванность Рура после оккупации от германского рынка и стремление приспособиться к новым условиям, а также страх перед революционным движением в Германии. Усилившееся в то же время в Баварии сепаратистское движение, которое развивалось под руководством католической Баварской народной партии, возглавляемой фон Каром, имело целью создание при содействии Франции так называемой «Дунайской конфедерации» совместно с Австрией и «Рейнской республикой». Баварские сепаратисты рассчитывали, что отделение Баварии от Германии освободит ее от уплаты репараций и даст возможность получить заем от Антанты. В середине октября 1923 г. Бавария фактически отделилась от Германии. Руководство баварской частью рейхсвера было передано генералу Лоссову, который отказался подчиниться Берлину. Имперский комиссар Баварии фон Кар вступил в непосредственные переговоры с французами.

Баварское правительство, с марта 1920 г. возглавлявшееся Каром и состоявшее из реакционеров-сепаратистов, стремилось ликвидировать парламентский строй и восстановить в Баварии монархию. Ненависть к демократии объединяла Кара с гитлеровцами. Вместе с тем Кар сам претендовал на роль диктатора Баварии и вовсе не собирался уступать ее Гитлеру. Кроме того, баварские консервативные круги, представленные двумя правительственными партиями — Баварской народной партией и Немецкой народной партией, недоверчиво относились к Гитлеру и его социальной демагогии. Им нужен был более респектабельный состав руководящей верхушки, чем тот, который могли выдвинуть нацисты. Командование рейхсвера, баварские помещики и крупные капиталисты в то время готовы были подкармли-

вать нацистов и покровительствовать им, но пока не собирались отдавать в их руки власть. Немаловажное значение имело и то, что Кар стоял за полную независимость Баварии от центрального германского правительства. Гитлер же призывал к походу на Берлин и завоеванию власти во всей стране. Однако эти разногласия не мешали гитлеровцам под крылом баварского правительства активно готовиться к путчу. Несмотря на формальный запрет властями 14 октября выхода нацистской газеты на 10 дней и отмену нескольких нацистских собраний, фашисты не снизили темпов своей деятельности.

В такой обстановке у гитлеровцев родился план организовать поход своих вооруженных банд под руководством генерала Людендорфа на Берлин и провозгласить фашистскую диктатуру в стране. Гитлер, окрыленный успехом своих речей на митингах и растущим числом единомышленников, пришел к выводу о необходимости немедленно совершить «государственный переворот»⁵⁶. В конце октября на одном из многолюдных митингов он заявил: «Для меня немецкий вопрос будет решен только тогда, когда знамя со свастикой будет веять над берлинским дворцом»⁵⁷.

Для осуществления своих целей нацисты стремились заручиться доверием баварских «верхов». В письме министру-президенту Баварии Кару один из приближенных Гитлера, Гесс, внушал главе баварского правительства, что, по убеждению Гитлера, «возрождение возможно только в том случае, если ему удастся повести за собой большую массу рабочих в качестве представителя нации...». Гесс заверял Кара, что нацистский «вождь» сам по себе «хороший католик, порядочный, сердечный и религиозный человек».

Несмотря на благосклонное отношение к нацистам, Кар избегал прямых личных контактов с Гитлером, считая его «парвеню» (выскочкой), да еще с неясным прошлым. Зато глава мюнхенской полиции Пённер с самого начала решительно поддерживал нацистов и был «их человеком» в баварской земельной администрации. Среди баварских полицейских было немало симпатизировавших гитлеровцам. (В их числе был Мюллер, ставший в годы гитлеровской диктатуры шефом гестапо. Видную роль в гитлеровской партии играл впоследствии и Фрик, служивший в начале 20-х годов старшим поли-

цейским советником в Мюнхене⁵⁸.) В ноябре 1923 г. фюрер решил, что час наступления пробил. Однако его союзники в баварском правительстве и рейхсвере медлили. Тогда Гитлер решил взять инициативу в свои руки и назначил «революцию» на 8 ноября.

Нельзя согласиться с утверждением некоторых историков, будто бы идея путча родилась у Гитлера буквально за час до событий в пивной «Бюргерброй». Ведь уже в первые дни ноября руководство нацистской партии намечало использовать свои банды, чтобы вызвать путч. Гитлеровцы рассчитывали на поддержку мюнхенской пехотной школы, где их сторонники подполковник Россбах и лейтенант Вагнер занимали командные должности. Отряду «Имперского флага», которым командовал Рем, поручалось занять здание военного министерства. (9 ноября предводительствуемый Гиммлером в качестве знаменосца отряд сделал такую попытку. В этот же день «ударный отряд Гитлера» — зародыш будущих эсэсовских банд — под командованием Берхтольда устроил погром в редакции социал-демократической газеты «Münchener Post»⁵⁹.)

Единого плана выступления у нацистов не было. Как авантюристы, «политики момента», они рассчитывали на импульс, сильно переоценивая свое влияние в массах даже мелкобуржуазного населения, а также свои акции в политической игре. Подлинные хозяева Баварии — рейхсвер, крупные аграрии и монополисты решили, что нацисты еще не «созрели» для власти⁶⁰.

8 ноября Кар выступал с программной речью в пивном зале «Бюргерброй» в Мюнхене, где собралось 3 тыс. человек — члены баварского правительства, представители промышленности и банков. В этот день Гитлер под предлогом необходимости немедленных мер против баварских сепаратистов, готовившихся через несколько дней провозгласить отделение Баварии от Германии, собрал руководителей СА, полный состав своего «ударного отряда», командование «Имперского флага» во главе с Ремом и «Союза Оберланд» во главе с Вебером и провозгласил начало «национальной революции» и программу «временного германского национального правительства», которое должно было занять место имперского и баварского правительств, объявленных Гитлером низложенными. Фюрер сообщил состав нового «правительства», в котором себе он отводил пост рейхсканц-

лера, генералу Людендорфу — командующего вооруженными силами, фон Лоссову — министра рейхсвера, фон Зейсеру — министра полиции, Федеру — министра финансов, Пённеру — министра-президента Баварии, фон Кару — имперского наместника, Фрику — полицей-президента Мюнхена. Гитлер заявил, что руководящие деятели центрального правительства в Берлине предстанут перед военно-полевым судом и будут повешены в течение трех часов. Он намеревался немедленно распустить рейхстаг, отменить свободу печати, запретить и распустить профсоюзы⁶¹.

Около 9 часов вечера 8 ноября Гитлер ворвался в «Бюргербройкеллер» с группой приверженцев, вскочил на стул и выстрелил в потолок. С помощью Гесса и Ульриха Графа он прорвался к президиуму и закричал: «Национальная революция вспыхнула! Зал осажден шестьюстами вооруженными людьми. Никто не смеет выходить из зала. Баварское и имперское правительства свергнуты. Образовано временное правительство. Заняты казармы рейхсвера и полиции». Все эти утверждения были обманом и имели цель произвести впечатление и посеять панику. Мюнхенская полиция, следуя указаниям старшего полицейского советника Фрика, не вмешивалась в происходящее.

«Некоторые думали, — пишет английский историк Р. Гансер, — что на сцену выскочил сумасшедший, другие — пьяный. Присутствовавший в зале адмирал фон Хиншзее вспоминал: «Когда я увидел, как он вскочил на стул в своем смешном костюме, я подумал: бедный маленький официант — он был жалок»»⁶².

Зал встретил выступление Гитлера возгласами негодования. Не найдя поддержки у собравшихся, гитлеровцы увлекли за собой в соседнюю комнату фон Кара, Лоссова и Зейсера. С целью привлечь их на свою сторону Гитлер тут же пообещал им министерские портфели в будущем правительстве⁶³. Затем он вернулся в зал и зачитал список новых руководителей Германии. Призвав к немедленному походу на Берлин, Гитлер закончил свою речь словами: «Либо утро застигнет Германию во власти национального правительства, либо мы все будем мертвы».

Мятежники объявили два декрета. Первый сообщал об учреждении национальных трибуналов, которые будут решать вопросы о виновности или невиновности.

Тех, кого трибунал объявлял виновными, должны были казнить не позже чем через три часа. Вторым декретом объявлял вне закона «негодяев» — «заправил» 9 ноября 1918 г. — Эберта, Шейдемана и некоторых других видных деятелей социал-демократической партии и правительства Веймарской республики. Был наскоро состряпан проект «конституции», состоявшей из 31 пункта. Из них каждый третий грозил за ее нарушение смертной казнью через расстрел, повешение, четвертование или сажание на кол... Отменялись все гарантии прав граждан.

Нацистские бандиты ворвались в ратушу и арестовали девять социал-демократических членов городской управы и первого бургомистра Шмидта. Их вывезли в лес и инсценировали расстрел, но тем временем штурмовики узнали, что в городе путч подавлен, и отпустили арестованных.

Ночью 9 ноября Лоссов получил телеграмму от главнокомандующего рейхсвера генерала фон Секта, который предостерегал его от авантюристической затеи. Лоссов, Зейсер и Кар подчинились центральному правительству. Они отправились в казармы 19-го пехотного полка, откуда возвестили по радио, что отвергают и осуждают планы Гитлера. Кар объявил недействительным данное им согласие на переворот, сказав, что он был принужден к этому с помощью оружия. В 3 часа утра 9 ноября Кар составил новое сообщение, в котором, в частности, говорилось, что «честолюбивые и нарушившие слово изменники» превратили манифестацию за возрождение Германии в сцену отвратительного насилия. НСДАП и реакционные милитаристские союзы объявлялись распущенными.

Несмотря на отступление своих союзников, гитлеровцы 9 ноября предприняли новую попытку произвести насильственный переворот. Они начали громить пролетарские организации. Одновременно гитлеровские отряды численностью в 3 тыс. человек двинулись по улицам Мюнхена. У здания «Фельдгернхалле» колонне, предводительствуемой Гитлером, Герингом, Розенбергом, Ремом, Шойбнер-Рихтером и Гессом, преградил дорогу полицейский отряд. В результате вооруженного столкновения фашисты потеряли 16 человек⁶⁴. Гитлер при первых же выстрелах упал на землю, затем незаметно покинул колонну и трусливо бежал из города. Через

несколько дней он был арестован на вилле своего друга издателя Ганфштэнгеля. Тяжело раненный Геринг получил первую помощь от владельцев близлежащего банка, а затем был доставлен в больницу. Гесс бежал в Австрию. 23 ноября главнокомандующий рейхсвера генерал фон Сект издал приказ, которым нацистская партия запрещалась по всей Германии. Реакционная военщина воспользовалась обстановкой, чтобы запретить также деятельность Компартии Германии.

Провал «пивного путча» показал, что фашистская партия еще не пользовалась достаточным влиянием даже среди реваншистски настроенных кругов мелкой буржуазии. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что германская буржуазия опасалась возможных внешнеполитических осложнений. Международное положение Германии в тот период не было достаточно устойчивым, фашистский переворот мог привести к новому сплочению союзников и помешать немецким реваншистам приступить к перевооружению страны с целью подготовки новой войны за передел мира. Против путча выступило и баварское правительство, считавшее фашистский поход на Берлин авантюрой. Не последнюю роль сыграл и сепаратизм баварской буржуазии и помещиков, рассчитывавших на помощь Франции, которая неодобрительно относилась к перевороту.

Но главной причиной неудачи гитлеровской авантюры явилась позиция крупнейших монополий — подлинных хозяев страны. В это время Стиннес и Крупп вели переговоры с французами о создании германо-французского концерна. «Пивной путч», организованный под лозунгами реванша, борьбы против репараций и Версальского договора, мог бы спутать им все карты и сорвать их планы. Отказались поддержать гитлеровские претензии на власть и другие крупные промышленники. Германская буржуазия на том этапе еще не решалась доверить власть нацистам. Она предпочла военную диктатуру генерала Секта, который под прикрытием республиканской конституции наводил твердый порядок в стране. Время нацистов еще не пришло.

Что касается гитлеровцев, которые переоценили свои возможности и потерпели серьезную неудачу, то они вынуждены были ненадолго выключиться из активной жизни, оставаясь в то же время важным политическим резервом реакционной буржуазии.

несколько дней он был арестован на вилле своего друга издателя Ганфштэнгеля. Тяжело раненный Геринг получил первую помощь от владельцев близлежащего банка, а затем был доставлен в больницу. Гесс бежал в Австрию. 23 ноября главнокомандующий рейхсвера генерал фон Сект издал приказ, которым нацистская партия запрещалась по всей Германии. Реакционная военщина воспользовалась обстановкой, чтобы запретить также деятельность Компартии Германии.

Провал «пивного путча» показал, что фашистская партия еще не пользовалась достаточным влиянием даже среди реваншистски настроенных кругов мелкой буржуазии. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что германская буржуазия опасалась возможных внешнеполитических осложнений. Международное положение Германии в тот период не было достаточно устойчивым, фашистский переворот мог привести к новому сплочению союзников и помешать немецким реваншистам приступить к перевооружению страны с целью подготовки новой войны за передел мира. Против путча выступило и баварское правительство, считавшее фашистский поход на Берлин авантюрой. Не последнюю роль сыграл и сепаратизм баварской буржуазии и помещиков, рассчитывавших на помощь Франции, которая неодобрительно относилась к перевороту.

Но главной причиной неудачи гитлеровской авантюры явилась позиция крупнейших монополий — подлинных хозяев страны. В это время Стиннес и Крупп вели переговоры с французами о создании германо-французского концерна. «Пивной путч», организованный под лозунгами реванша, борьбы против репараций и Версальского договора, мог бы спутать им все карты и сорвать их планы. Отказались поддержать гитлеровские претензии на власть и другие крупные промышленники. Германская буржуазия на том этапе еще не решалась доверить власть нацистам. Она предпочла военную диктатуру генерала Секта, который под прикрытием республиканской конституции наводил твердый порядок в стране. Время нацистов еще не пришло.

Что касается гитлеровцев, которые переоценили свои возможности и потерпели серьезную неудачу, то они вынуждены были ненадолго выключиться из активной жизни, оставаясь в то же время важным политическим резервом реакционной буржуазии.

4

РЕОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

С поражением в 1923 г. рабочего класса в Германии, а также в Болгарии и Польше завершился послевоенный революционный кризис в Европе. После острейших классовых боев 1917—1923 гг. наступила полоса затишья. Капитализму удалось отстоять свои позиции. Европейские капиталистические страны вступили в кратковременный период стабилизации.

В Германии временной и частичной стабилизации капитализма способствовало принятие в 1924 г. на Лондонской конференции держав-победительниц в первой мировой войне «плана Дауэса». Этот план, разработанный при ведущем участии американских монополий, имел целью укрепление позиций германской буржуазии. Под предлогом обеспечения репарационных платежей Германии были предоставлены крупные займы, позволившие ей быстро восстановить свою экономику и военный потенциал. Американские займы ускорили процесс концентрации капитала в Германии и способствовали образованию мощных монополий, прежде всего в тяжелой и химической промышленности. «План Дауэса» преследовал также цель подрыва экономики СССР и использования Германии в будущей войне против страны социализма.

Германский монополистический капитал воспользовался упрочением своего положения для ликвидации ряда демократических завоеваний Ноябрьской революции. Стабилизация германского капитализма достигалась за счет усиления эксплуатации трудящихся. Генерал Сект, стоявший во главе «республиканского» рейхсвера, достаточно метко определил характер политической обстановки в стране: «Форма меняется, дух остается!» И действительно, в Германии по-прежнему царил дух кайзеровского офицерского корпуса, дух убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Реакция

обрушила репрессии на участников революционных боев 1923 г. Только с начала июня до середины сентября 1924 г. 1750 рабочих были приговорены в общей сложности к 1100 годам каторжной тюрьмы, а 65 человек преданы имперскому суду, приговор которого гласил: 182 года каторги и 82 года тюрьмы¹.

Правые лидеры социал-демократии и профсоюзов, взявшие курс на коалицию с буржуазией, дезориентировали объединенных в реформистских организациях рабочих рассуждениями о наступлении новой эры «всеобщего мира» и «растущего благосостояния». Своими антикоммунистическими «теориями» они пытались преградить путь влиянию, которое оказывало социалистическое строительство в Советском Союзе на сознание германских трудящихся. Эта раскольническая политика, а также сектантские ошибки руководства КПГ являлись препятствием на пути к объединению рабочего класса в борьбе против монополистического капитала и милитаризма, за мир, демократию и социализм в Германии. Но и в условиях наступления реакции ленинское ядро КПГ (формально легализованной в марте 1924 г.) с помощью Коминтерна продолжало развертывать широкую работу в массах, нацеливая их на борьбу за свои демократические права, против политического и экономического гнета империализма.

С избранием в октябре 1925 г. председателем КПГ Эрнста Тельмана и реорганизацией на ленинской основе Центрального Комитета партии, в который вошли Вильгельм Пик, Фриц Геккерт, Вальтер Ульбрихт, Клара Цеткин, Вильгельм Флорин, Эрнст Шнеллер и другие, ленинизм одержал окончательную победу над различными проявлениями буржуазной идеологии в молодой Коммунистической партии Германии. Эта победа явилась важным этапом в развитии КПГ, в организации борьбы Компартии против реакции.

Коммунистическая партия последовательно боролась с происками реакции против трудящихся. Во главу угла коммунисты ставили задачу борьбы за единый рабочий фронт, против наступления германских и иностранных монополий.

В 1925—1926 гг. центральным лозунгом, вокруг которого КПГ стремилась объединить пролетариев всех политических направлений, стало требование референдума по вопросу о возвращении владетельным князьям

собственности, отобранной у них в ноябре 1918 г. Законопроект, который предоставлял князьям многомиллиардную «компенсацию» за потери, понесенные в результате Ноябрьской революции, вызвал огромное возмущение среди трудящихся. От имени ЦК КПГ Эрнст Тельман обратился к Социал-демократической партии, Всегерманскому объединению профсоюзов и некоторым другим демократическим организациям с предложением использовать всю силу организованного рабочего движения, чтобы не допустить ограбления немецкого народа Гогенцоллернами, Виттельсбахами, Кобургами и другими многочисленными свергнутыми германскими династиями. Лозунг «Ни пфеннига князьям!» нашел широкий отклик не только среди рабочих, но и среди крестьян и представителей средних слоев. 20 июля 1926 г., в день плебисцита по этому вопросу, за безвозмездную экспроприацию князей высказались 14,5 млн. человек (это было на 4 млн. голосов больше, чем КПГ и СДПГ собрали вместе на последних выборах в рейхстаг).

Относительная стабилизация капитализма сняла на время вопрос о завоевании нацистами власти. Упрочившая свое положение буржуазия вполне удовлетворялась парламентскими формами правления и не испытывала пока необходимости призывать на помощь фашистов. Вместе с тем она не собиралась использовать создавшееся положение для окончательной ликвидации фашистских организаций.

Потерпев неудачу в попытке захвата государственной власти в 1923 г., фашистское движение не ушло с политической арены, а лишь на время отодвинулось в тень. Задуманный «поход на Берлин» закончился намного ближе — на мюнхенской Одеонплац. 26 февраля 1924 г. в Мюнхене начался судебный процесс над участниками «пивного путча». На скамье подсудимых сидели Гитлер, Людендорф, Пённер, Фрик, Вебер, Рем, Брюкнер, Вагнер, Крибель, Пернет. Приговор был мягким: Гитлер, Вебер, Крибель и Пённер получили по 5 лет заключения в крепости, еще пятеро — по 1 году и 3 месяца. Людендорф был оправдан. На состоявшемся вскоре другом судебном процессе были приговорены к заключению в крепости Гесс, Генлейн, Штрейхер, Аман, Гейнес, Морис, Шнауб, Филер и несколько десятков членов «ударного отряда Гитлера». Баварская юстиция была снисходительна к фашистским заговорщикам. Боль-

шинство из них были приговорены условно либо вскоре освобождены от наказания.

Реакционная юстиция даже по форме оказалась весьма милостивой к преступникам. Заключение Гитлера в крепости Ландсберг скорее походило на хорошо организованный отдых в скромном, но достаточно комфортабельном отеле. Свое пребывание в тюрьме Гитлер цинично именовал «высшей школой за государственный счет». И тюремная администрация была довольна поведением арестанта, которого она оценила как «человека порядка»². Уже в конце 1924 г. Гитлер и другой активный заговорщик — Крибель были досрочно освобождены из заключения, в котором провели всего год.

Период запрета НСДАП был использован ее оставшимися на свободе лидерами для накопления и некоторой перегруппировки сил. Члены фашистской партии (в ноябре 1923 г. она насчитывала около 56 тыс. человек) были объединены в две легальные организации — «Великогерманское народное содружество» и «Народный блок в Баварии», во главе которых соответственно стояли Людендорф и Грегор Штрассер, Штрейхер и Эссер. Позже обе организации объединились в «Национал-социалистское освободительное движение великой Германии», возглавляемое Грэфе, Людендорфом и Штрассером. Беспрепятственно выходили фашистские газеты: «Великогерманская газета» («Гроссдойчландс-цайтунг»), «Национал-социалист», «Народный курьер» («Фёлькишер курир»). Используя новую вывеску, нацисты участвовали в выборах в ландтаги Тюрингии, Мекленбург-Шверина, Баварии, Вюртемберга и Ангальта. Их успехи на выборах были невелики — от 2 до 8% голосов³. Это не мешало, однако, немногочисленным депутатам-фашистам часто выступать с речами в ландтагах и рейхстаге, где также была небольшая группа (14 человек) фашистских депутатов. Время запрета НСДАП было использовано национал-социалистами для сохранения своих кадров и позиций в выборных органах. Это было нетрудно осуществить. Ведь роспуск нацистской партии был по существу фикцией, подлинная ликвидация ее отнюдь не входила в расчеты реакционных кругов монополий и генералитета рейхсвера. Более того, эти силы сделали все возможное, чтобы сохранить фашизм в качестве важного политического резерва на будущее.

Сразу же по выходе из тюрьмы Гитлер посетил нового главу баварского правительства Гельда и договорился с ним о снятии запрета с нацистской партии и разрешении ее легальной деятельности.

26 февраля 1925 г. возобновилось издание газеты «Völkischer Beobachter». В первом номере ее, вышедшем после периода запрета, была опубликована директивная статья под названием «Основные направления деятельности по восстановлению НСДАП». Она представляла собой развернутый план деятельности нацистов на ближайшие годы, который предусматривал расширение численного состава партии, возобновление выпуска ежедневной газеты, воссоздание штурмовых отрядов, укрепление дисциплины на основе безоговорочной преданности «вождю», образование крупных денежных фондов для нужд НСДАП. Нацисты по-прежнему считали захват власти в стране своей главной задачей. Однако, делая «уступку конституции», они теперь заявляли, что речь идет о легальных методах борьбы, т. е. о завоевании парламентских мандатов. «К досаде католических и марксистских депутатов, мы сунем свой нос в рейхстаг, — заявил Гитлер, — хотя для того, чтобы победить их по голосам, потребуется больше времени, чем если бы их расстрелять»⁴. Несмотря на подчеркивание «легальных» методов борьбы, нацисты направляли основное внимание на расширение численности, усиление боевой подготовки, вооружение и оснащение штурмовых отрядов (которые к концу 1928 г. по численности были равны рейхсверу) и охранных отрядов (СС), созданных на базе «ударного отряда Гитлера». Об отношении нацистов к парламентским формам деятельности откровенно говорил Геббельс, избранный в 1928 г. депутатом рейхстага: «Я не член рейхстага, а обладатель иммунитета и бесплатного проезда (парламентского. — А. Б.). Что нам этот рейхстаг?»⁵ Фашистское понимание «легальных методов» борьбы было продемонстрировано, например, в феврале 1927 г., когда гитлеровцы под руководством Геббельса и начальника берлинских штурмовиков Далюге устроили побоище на массовом собрании трудящихся района Веддинг в Берлине.

27 февраля 1925 г. Гитлер впервые после своего освобождения выступил с большой речью в «Бюргербройкеллере» в Мюнхене, озаглавив ее «Будущее Германии и наше движение». Он официально объявил о возрож-

дении НСДАП. Важнейшей задачей национал-социалистов Гитлер провозгласил воссоздание политической организации НСДАП. Отдав дань обстановке, он произнес несколько ничего не значащих фраз о верности конституции и далее наметил две главные цели фашистского движения на новом этапе его развития: завоевание большинства среди избирателей и наступление на рейхстаг⁶. По всему было видно, что фашистские главари полны самых решительных планов.

В марте «Великогерманское народное содружество» и «Народный блок в Баварии» объявили о самороспуске, призвав своих членов снова влиться в НСДАП. Нацистские депутаты в рейхстаге Фрик, Федер, Дитрих и Штрассер вышли из состава фракции Немецкой народной партии, куда они входили в период запрета, и снова образовали фракцию НСДАП⁷. То же самое сделали депутаты баварского и других ландтагов. Под руководством Альфреда Розенберга был организован регулярный выпуск так называемых «Основных направлений для восстановления НСДАП» — директив центрального нацистского руководства местным организациям НСДАП⁸. В Руре и Северной Германии с июля 1925 г. начал выходить фашистский ежемесячник «Национал-социалистские письма», который редактировал Грегор Штрассер. Он привлек в свой аппарат молодого литературоведа Иозефа Геббельса, прошедшего кроме университетской подготовки обучение в школе ордена иезуитов.

Вынужденные считаться с социальным составом населения Рейнской области, Штрассер и особенно Геббельс усовершенствовали фашистскую демагогию, рекламируя свою партию как борца за «социализм», за «интересы пролетариата» и решительного противника капиталистов. Хотя Гитлер потребовал от Геббельса умерить свой «антикапиталистический» пыл, последний некоторое время продолжал разыгрывать в нацистской верхушке роль «борца за интересы пролетариата»⁹.

На общем собрании членов НСДАП в Мюнхене в мае 1925 г., на котором Гитлер был вновь «избран» первым председателем партии, была подтверждена незыблемость неограниченной власти фюрера в партии, так называемого «фюрер-принципа», и неизменность программы НСДАП — пресловутых «25 пунктов». «Наша программа, — заявил один из руководителей нацистов, — выражается в двух словах: Адольф Гитлер»¹⁰. Среди по-

четных гостей на этом собрании присутствовали руководитель «Стального шлема» Дюстерберг и кронпринц Август-Вильгельм.

Период относительного бездействия усилил распри в фашистском лагере. Среди нацистских главарей шла непрерывная грызня, главным образом из-за постов в НСДАП. Розенберг соперничал с Штрейхером и Эссером. Эти последние осенью 1925 г. создали так называемый «Блок фёлькише», состоявший из крайних реакционеров-расистов, и привлекли к руководству им основателя нацистской партии Дрекслера.

«Блок фёлькише» стал баварским филиалом общегерманской легальной организации «фёлькише», во главе которой стояли генерал Людендорф, фон Грэфе и Г. Штрассер. «Фёлькише» отстаивала необходимость участия в парламентских выборах. В отличие от этой группы фашистская группа А. Фолька, действовавшая на северо-западе Германии, выступала с позиций «истинного», или «чистого», нацизма и была настроена резко антипарламентски. Разброд в фашистском лагере зашел так далеко, что дело дошло до рукопашных схваток между гитлеровцами и сторонниками Дрекслера¹¹.

Одно время в «оппозиции» Гитлеру был и Геббельс, разыгрывавший из себя «левого». Но он быстро покаялся и стал одним из самых преданных фюреру деятелей НСДАП. Соперничал с фюрером и Рем, возглавлявший «Имперский флаг», к середине 20-х годов превратившийся уже в фиктивную организацию. Первый глава СС Берхтольд даже подрался с Гитлером во время одной из «дискуссий».

3—4 июля 1926 г. в Веймаре состоялся второй съезд НСДАП, который должен был продемонстрировать «единство» партии, полное преодоление разногласий и победу «мюнхенского курса». Но съезд не выполнил этой задачи. Речь фюрера, озаглавленная нарочито расплывчато — «Политика, идея и организация», не держала ничего нового и сплошь состояла из ставших уже обычными хвастливых заверений в скорой победе и угроз по адресу коммунистов, демократов и евреев.

К середине 1926 г. в НСДАП сложилась организационная структура, которая должна была обеспечить расширение влияния нацистов и подготовку необходимого террористического аппарата для подавления революционной, антифашистской борьбы рабочего класса.

В плане деятельности партии вся страна была разделена на 34 области, которые по своим границам совпадали с избирательными округами по выборам в рейхстаг. Кроме того, выделялось семь областей для «работы» среди населения Австрии, Данцига, Саарской области и Судетской области Чехословакии. Области (Gau) были разбиты на округа (Kreis), а последние в свою очередь на местные группы (Ortsgruppe). Местные организации НСДАП (группы) в городах состояли из блоков, которые делились на ячейки, а в крупных городах — на уличные и квартальные ячейки. Во главе областных организаций НСДАП стояли гаулейтеры (областные руководители). Они назначались из числа самых ярых и фанатичных приверженцев фюрера. Так, например, гаулейтером Берлина был назначен в 1926 г. Геббельс.

Построение центрального партийного аппарата НСДАП приспособлялось к выполнению основной задачи — подготовке к захвату государственной власти. Он состоял из трех основных отделов: один из них занимался подрывной деятельностью, направленной против существующего режима (в его составе было три отделения — прессы, связи с заграницей, работы в профсоюзах); другой — созданием будущего нацистского аппарата власти (отделения по аграрным вопросам, правовым, по вопросам экономики, внутренней политики, культуры и технического обслуживания НСДАП); третий — пропагандой¹². Во главе этих отделов в 1928 г. стояли соответственно Г. Штрассер, Гирль и Геббельс.

В феврале 1926 г. нацисты основали в Берлине свое издательство «Кампфферлаг», во главе которого стояли братья Штрассер — Грегор и Отто. Здесь осуществлялся выпуск семи еженедельных фашистских газет для Берлина, Северной Германии, Рейнской области, Рура и других областей страны. «Völkischer Beobachter» и другие фашистские издания по-прежнему выходили в Мюнхене. С 1928 г. в Берлине стала выходить газета Геббельса «Der Angriff» («Атака»).

Уделяя особое внимание привлечению в свои ряды молодежи, гитлеровцы приступили к созданию трех фашистских молодежных организаций: «Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд»), которая должна была объединять молодых нацистов в возрасте от 15 до 18 лет, «Германский молодой народ» — для детей от 10 до 15 лет и «Союз немецких девушек». В июле 1926 г. был

образован «Гитлерюгенд» во главе с Грубером, в 1928 г. — женская фашистская организация «Германский женский орден — красная свастика». В 1928 г. возникли также национал-социалистские «Союз студентов» во главе с Ширахом и «Союз германских юристов» во главе с Франком. В 1926 г. были созданы национал-социалистские союзы врачей, учителей, чиновников.

В 1925 г. возрождаются штурмовые отряды (СА), которые постепенно становятся весьма внушительной силой. Численность их за период с 1926 по 1928 г. выросла с 10—20 тыс. до 30—40 тыс. человек. Штурмовые отряды возглавлялись соответствующим образом подобранными лицами. Например, Пфефер фон Заломон, поставленный Гитлером во главе СА в октябре 1926 г., обвинялся в политическом убийстве; убийцами были также Гейнес, Борман и др. В качестве отъявленного бандита «прославился» Лей. Докторская степень не мешала ему бесчинствовать во время налетов на собрания политических противников¹³.

Еще в марте 1923 г. Гитлер сформировал небольшую группу своих личных охранников. Ей также отводилась роль ударного отряда во время намечавшегося путча. В 1925 г. охранные отряды (Schutzstaffel) — СС были возрождены, и число их членов увеличилось. К концу 1925 г. СС насчитывали около 1 тыс. человек¹⁴. И хотя в то время СС формально входили в состав СА, фактически они все больше выделялись в самостоятельное, подчиненное лично Гитлеру подразделение¹⁵.

Охранные отряды должны были стать преторианской гвардией Гитлера, террористическим инструментом его личной диктатуры. Они состояли из наиболее отъявленных головорезов, нередко профессиональных убийц и громил, готовых по приказу «вождя» совершить любое преступление. В СС могли вступить лишь наиболее проверенные, «отборные» фашисты. Их специально подбирали по росту (минимум 1 м 85 см) и другим физическим данным. Они были одеты в черную униформу с изображением черепа на головном уборе и рукавах. Эсэсовцы давали присягу «кровавому флагу» — так называлось знамя, которое несли перед собой участники «пивного путча» 8 ноября 1923 г.

Гитлер долго искал подходящего человека, которому он мог бы доверить организацию и руководство этими бандами. Первоначально шефом СС был Берхтольд,

затем — Гейден, но оба они не вполне удовлетворяли требованиям фюрера. Только в 1929 г. Гитлер нашел человека, соответствовавшего тем задачам, которые ставились перед СС. Это был владелец куриной фермы близ Мюнхена, сын католического профессора Генрих Гиммлер, в недавнем прошлом секретарь Г. Штрассера. Гиммлер привлечен к руководству СС в качестве своего помощника Р. Гейдриха, бывшего морского офицера, вынужденного оставить военную службу из-за грязных дел.

Весьма пестрые по своему социальному составу отряды СА, в которые входили молодые люди из мелкобуржуазной среды, студенты, а иногда и политически отсталые рабочие, верившие в антикапиталистические лозунги нацистских демагогов, могли в будущем, как не без оснований опасался Гитлер, представить угрозу для фашистской элиты. Поэтому в 1929 г. он вывел СС из состава СА и подчинил их лично себе. Для расправы с инакомыслящими или просто недовольными в своей среде нацистская верхушка в 1926 г. создала собственное тайное судилище — *Untersuchung und Schlichtung Ausschluss (Uschla)* — под председательством генерала Хейнемана.

На вершине всего разветвленного аппарата фашистской партии стоял Гитлер, которому был присвоен титул фюрера. Он являлся председателем партии и верховным вождем СА. В 1926—1929 гг. в рядах НСДАП сложились две группы главарей, враждовавшие между собой, но неизменно поддерживавшие Гитлера. В первую входили Грегор Штрассер, Рем, Геринг, Геббельс и Фрик, во вторую — Гиммлер, Лей, Франк, Дарре, Гесс и Розенберг.

Создав разветвленный партийный аппарат, гитлеровцы не смогли, однако, добиться массовости и укрепить свои позиции в широких слоях населения. В конце 1925 г. в НСДАП насчитывалось всего 27 тыс. человек — вдвое меньше, чем в дни «пивного путча»¹⁶.

Задача овладения рейхстагом и ландтагами оставалась нерешенной. 10 февраля 1924 г. нацисты приняли участие в выборах в ландтаг Тюрингии, выдвинув вместе с другими реакционными организациями так называемые объединенные народные списки. Из семи избранных по этим спискам кандидатов трое были нацистами. Это был первый случай участия нацистов в парламентских

выборах, первый шаг на пути провозглашенной гитлеровским руководством «новой тактики». В апреле 1924 г. нацисты участвовали в выборах в баварский ландтаг, где получили 23 мандата из 129. Гитлеровцы образовали в ландтаге свою фракцию во главе с Грегором Штрассером.

В мае 1924 г. нацисты впервые выступили на выборах в имперском масштабе в блоке с «дойч-фёлькише». Им удалось провести в рейхстаг 10 человек; среди них были Фрик, Гансер, Федер, Рем. На выборах в ландтаги в Вюртемберге, Ангальте, в Пруссии, на муниципальных выборах в Гамбурге, проходивших в 1924 г., нацисты также провели несколько своих кандидатов. 14 фашистских депутатов вошли в состав нового рейхстага, избранного 7 декабря 1924 г.

Несмотря на широкую кампанию, направленную на завоевание влияния в массах, гитлеровцам в 1924—1928 гг. не удалось добиться своей цели. На выборах в рейхстаг в мае 1924 г., выступая в блоке с другими фашистскими группировками, они получили 1 918 тыс. голосов (6,5%), в декабре 1924 г.—907 тыс. (3%), в 1928 г.—810 тыс. голосов (2,6%). Численность членов НСДАП в 1925 г. составляла 27 117 человек, в 1926 г. — 49 523, в 1927 г. — 72 590, в 1928 г. — 108 717 человек¹⁷. Но позиции НСДАП среди широких слоев населения были еще слабыми, а избирательные успехи нацистов — весьма скромными. На президентских выборах в марте 1925 г. они попытались было выставить собственного кандидата — генерала Людендорфа, но последний собрал только 286 793 голоса, что составило 1,06% всех голосовавших. И в последующих избирательных кампаниях нацистам не удавалось завоевать сколько-нибудь значительное число голосов. На выборах в ландтаги в 1928 г. гитлеровцы получили в Пруссии 1,3% голосов, в Ангальте — 3, в Ольденбурге — 6,2, в Вюртемберге — 1,2, в Саксонии (май 1929 г.) — 4,9%. Самый высокий процент голосовавших за нацистов был в Баварии — 7%¹⁸.

Фашисты не имели успеха среди пролетарских масс. Так называемые «левые» нацисты, объединившиеся в сентябре 1925 г. в Хагене в «Рабочее сообщество» во главе с Г. Штрассером, выдвинули свою программу, которая была изложена в ноябре 1925 г. на нацистском собрании в Ганновере. В целях обмана трудящихся масс

в программе фигурировали такие требования, как упразднение крупных поместий и организация всех крестьян в сельскохозяйственные товарищества, «социализация» всех предприятий с числом наемных рабочих более 20 человек, и другие аналогичные требования. «Мы — социалисты, — возвещали «левые», — мы смертельные враги существующей системы хозяйства с ее эксплуатацией, несправедливостями, низкой заработной платой, мы полны решимости эту систему уничтожить...»¹⁹ Подлинный смысл выдвижения подобных программных требований, которые нацисты никогда не предполагали всерьез проводить в жизнь, раскрыл Геббельс, записавший в своем дневнике следующее: «Мы завоюем все, если поставим на службу наших целей голод, неуверенность и жертвы».

Цинично спекулируя на симпатиях немецких трудящихся к Советской стране, на их уважении к коммунистам, «левые» нацисты пытались даже выдать себя за людей, готовых «договориться с Россией и с КПГ». В дневниковых записях Геббельса встречаются рассуждения о том, что хорошо-де было бы превратить коммунистов в союзников и действовать совместно. Но в том же дневнике есть вполне определенные свидетельства, что даже в период своего наибольшего увлечения «левой» тактикой Геббельс рассматривал большевизм, коммунизм, Советский Союз как главного и непримиримого врага²⁰.

Хотя программа НСДАП была с самого начала объявлена неизменной и неприкосновенной догмой, в нее неоднократно вносились всякого рода поправки и изменения, призванные приглушить звучание «антикапиталистических» пунктов и убедить буржуазию в том, что нацисты не посягнут на ее собственность. Так, например, в апреле 1928 г. в фашистской печати появилось разъяснение, что пункт 17 программы, провозглашавший экспроприацию крупных земельных владений, имеет в виду только землевладельцев-евреев. А так как земельная собственность почти исключительно находилась в руках юнкеров-арийцев, то пункт об экспроприации помещиков вообще превращался в фикцию. Естественно, что эта «поправка» значительно расширила поддержку нацистов со стороны юнкерства²¹.

Сознательные, организованные рабочие с презрением относились к демагогии фашистов, отвергали их призы-

вы и обещания. Только в Рейнской области, где действовали «левые» нацисты, последним удалось привлечь в свои ряды некоторую часть рабочих демагогической программой, выдвигавшей радикально звучащие требования²².

Со стороны «левых» нацистов неоднократно раздавались призывы приступить к созданию национал-социалистских профсоюзов. Вопрос этот обсуждался на Веймарском и Нюрнбергском съездах НСДАП в 1926 и 1927 гг., но в обоих случаях решение было отрицательным. Предложение о создании фашистских профсоюзов отклонило в 1928 г. и имперское руководство НСДАП. Гитлер, который в то время неустанно укреплял связи с монополистами, боялся вызвать с их стороны даже тень подозрения в проведении «классовой политики» и потому не поощрял «левых» нацистов. «Левые» жонглировали антикапиталистической фразеологией, подвергали яростным нападкам некоторых не связанных с нацистами капиталистов. В пропагандистских целях они даже поддерживали отдельные забастовки рабочих. Тем не менее серьезного влияния «левым» нацистам добиться не удалось²³.

В феврале 1926 г. на очередном массовом сборище нацистского «актива» в Бамберге по случаю так называемого «дня фюрера» Гитлер выступил с пятичасовой речью, стержнем которой был антисоветизм. Он утверждал, что все внутренние проблемы могут быть успешно решены только в том случае, если удастся ликвидировать «большевистский очаг» в Советской России. Призывая к союзу с Италией и Англией («нашими естественными союзниками») против СССР, Гитлер нападал на правительство Штреземана за его «недостаточно враждебный русский внешнеполитический курс». В области внутренней политики в речи фюрера выдвигались все те же призывы к борьбе против «мирового еврейства». Эта речь и высказанные в ней лозунги были настолько банальными и негибкими, что даже Геббельс позволил себе, правда лишь в дневниковых записях, подвергнуть ее критике. Игравший в «левизну» фашистский демагог в то время носился с мыслью привлечь в нацистское движение промышленных рабочих, «перехватить» симпатизирующих коммунистам кадровых пролетариев, создав впечатление близости конечных целей и задач у коммунистов и нацистов. Да и положение Геб-

бельса как гаулейтера Берлина — этого «марксистского гнезда» и «рассадника» коммунистических идей — обязывало его к особой гибкости. Он не мог позволить себе открыто контрреволюционных погромных лозунгов, которые практиковались нацистами в Баварии. Заключение же из этого, что Геббельс питал какие-то симпатии к коммунистам, как это делают некоторые буржуазные историки фашизма, по меньшей мере наивно.

После совещания в Бамберге в гитлеровской партии было покончено с «левыми» настроениями среди части нацистского руководства. Конечно, завоевать на свою сторону как можно большее число людей из мелкобуржуазных слоев и даже промышленных рабочих было очень важно: формирование массовой базы считалось основной задачей партии; но даже ради достижения этой цели Гитлер не хотел рисковать поддержкой подлинных «шефов» фашистского движения — реакционных монополий и военщины. Поэтому после нескольких стычек по вопросу о выборе лучшей тактики Геббельс, Г. Штрассер и другие сторонники «социального акцента» в пропагандистской деятельности партии вынуждены были смягчить его, чтобы не пугать власть имущих.

Создание и содержание разветвленного аппарата нацистов требовало больших средств. На взносы, которые поступали от нескольких десятков тысяч членов партии, ее функционеры, конечно, не могли существовать. Доходы партии от членских взносов не превышали 750 тыс. марок. Содержание же только вооруженных фашистских банд обходилось, по самым скромным подсчетам, в 15 млн. марок в год²⁴. Сюда следует добавить расходы на содержание партийного аппарата и на огромную по масштабам пропаганду. Но, как и в первые годы своего существования, НСДАП покрывала дефицит своего бюджета, получая щедрые субсидии от монополий.

Летом 1926 г. Гитлер совершил ряд поездок по Рурской области. Он встречался с крупными промышленными магнатами, выступал перед ними с «рефератами». В апреле 1927 г. на вилле Круппа в Эссене Гитлер выступил перед 400 представителями финансовых и промышленных кругов. Магнаты капитала все более внимательно и доброжелательно относились к нацистам. Тиссен и Кирдорф, Крупп и Флик открыли НСДАП банковские счета²⁵. Среди тех, кто помогал Гитлеру в налаживании контактов с магнатами Рура и с Гуген-

бергом, были Райзман-Гроне и Отто Дитрих. В 1927 г. вступает в члены НСДАП владелец крупнейшего угольного синдиката «Гельзенкирхнер бергверке АГ» Эмиль Кирдорф; именно он в свое время помог нацистской верхушке связаться с другим крупнейшим магнатом — Фрицем Тиссенем²⁶. Десятки капиталистов меньшего масштаба также предоставляли средства гитлеровской партии.

С 1926 г. Гитлер начинает регулярно выступать перед промышленниками с докладами об экономических и политических задачах национал-социалистской партии. Угольный король Кирдорф вспоминал впоследствии: «В 1927 г. я впервые встретился с фюрером. Я поехал в Мюнхен. В течение четырех с половиной часов Гитлер развивал передо мной свою программу. Я попросил его изложить в брошюре прочитанный мне доклад. Затем я от своего имени распространил эту брошюру в кругах промышленности и экономики. Следствием этой брошюры, которая была составлена фюрером и распространена мной, явились многочисленные встречи фюрера с руководящими фигурами промышленности»²⁷.

Гитлеровскую партию поддерживали и многочисленные представители юнкерства — прусского дворянства и аристократии, среди них принцы Август-Вильгельм Гогенцоллерн, Шаумбург-Липпе, Филипп Гессенский, герцог Эдуард фон Кобург и др. В салонах высокопоставленных берлинских дам нередко выписывались чеки с щедрыми субсидиями в фонд НСДАП. Активно вербовали сторонников нацистов из числа финансовой и родовой знати племянница композитора Рихарда Вагнера — Винифрид Вагнер, разведенная жена миллионера (будущая жена Геббельса) Магда Квандт и др. В начале 1929 г. фашистская организация «Обеспечение штурмовиков», представлявшая собой орган финансирования гитлеровских банд, была преобразована в «Кассу помощи НСДАП», которую возглавил Мартин Борман.

«Исторические справки» и «учебники истории», издававшиеся во времена фашистской диктатуры, изображали середину 20-х годов как период, когда гитлеровцы, «легально» борющиеся за власть, подвергались систематическим преследованиям со стороны властей Веймарской республики. На деле, однако, деятельность нацистов фактически не встречала серьезных препятствий со стороны государственных органов и полиции. Запре-

шение Гитлеру выступать с публичными речами в течение одного-двух месяцев, к которому иногда прибегали земельные власти после особенно наглых выпадов фашистского фюрера, прекращение выпуска той или иной фашистской газеты опять-таки на месяц или даже две недели оставались на деле лишь пустой формальностью. 5 мая 1927 г., например, полицей-президент Берлина социал-демократ Цергибель запретил деятельность НСДАП; одновременно была запрещена деятельность нацистской партии в Кёльне, Нойвиде и Пазевалке. Но запреты остались на бумаге. Продолжала выходить в свет газета Геббельса и Штрейхера «Der Angriff». В августе 1927 г. национал-социалистские делегаты Берлина и Кёльна участвовали в третьем «имперском» съезде НСДАП в Нюрнберге. В столице беспрепятственно происходили сборища фашистов. Действия властей мало беспокоили гитлеровцев. А в 1928 г. власти уже официально отменили объявленные ранее «запреты».

В 1924—1929 гг. большое внимание нацисты уделяли созданию «теоретических основ» своей политики.

В 1925 г. вышла в свет книга Гитлера «Моя борьба». Этот «труд» на 400 страницах ему помогали писать Гесс, пастор Штемпfle и издатель антисемитских листков чех Иозеф Черны — сотрудник «Völkischer Beobachter». Редактировал эту «библию фашизма» Макс Аман²⁸.

Книга первоначально расходилась слабо. В 1926 г. было продано около 7 тыс. экземпляров, в 1927 г. — 5 тыс., в 1928 г. — всего 3 тыс. Только в годы мирового экономического кризиса и, естественно, после захвата власти гитлеровцами число проданных экземпляров резко возросло, и автор «Моей борьбы» стал «самым гонорарным автором рейха».

Примитивная, насквозь эклектичная стряпня Гитлера стала по существу новой программой НСДАП, основой нацистской пропаганды и наукообразных «изысканий» идеологических прислужников фашизма. Позже Гитлер написал продолжение «Моей борьбы», назвав эту вторую книгу «Путь к власти». Она не была опубликована ни до захвата власти гитлеровцами, ни в годы «третьей империи» и увидела свет лишь в 1961 г. в Западной Германии.

Фашистское движение в Германии в 1924—1928 гг. не стало, несмотря на старания гитлеровцев, серьезным политическим фактором. Его влияние в широких массах

населения было незначительным. Но оно не сошло со сцены, не исчезло, так как условия для его существования и питательная среда фашизма полностью сохранялись.

Частичная стабилизация капитализма в середине 20-х годов была в Германии в большей степени, чем в других странах, шаткой и неустойчивой. Даже в относительно благополучном по экономической конъюнктуре 1928 году в стране насчитывалось около 2 млн. официально зарегистрированных безработных, а недогрузка производственных мощностей составила около 32%. В 1924 г. не имели работы 11,4% всех рабочих, в 1925 г. — 8,3, в 1926 г. — 17,9, в 1927 г. — 9,6%²⁹. Хотя заработная плата рабочих и служащих по сравнению с довоенным уровнем несколько возросла, ее рост сильно отставал от роста цен. В результате реальная заработная плата в 1924 г. составляла лишь 74% довоенной, в 1925 г. — 91, в 1926 г. — 85, в 1927 г. — 98%³⁰. В то же время чистая прибыль крупных акционерных обществ за период с 1925 по 1929 г. возросла более чем на 62%.

Значительно усилилась эксплуатация рабочих за счет интенсификации трудовых процессов — введения конвейерной системы и ускорения ритма труда. На многих предприятиях был ликвидирован 8-часовой рабочий день.

Быстрыми темпами шел процесс концентрации производства и капитала. Средний капитал акционерных обществ увеличился с 1925 по 1929 г. на 42%. В эти годы образовались два гигантских треста — «ИГ Фарбен-индустри АГ» и «Ферайнигте штальверке АГ». В руках «ИГ Фарбен» сосредоточилось 80% производства азота, около 100% производства синтетического бензина, взрывчатых веществ и красителей. Шесть рурских монополий — фирмы Круппа, Хёша, Ханиэля, Маннесмана, Клёкнера и «Ферайнигте штальверке» контролировали 65% производства чугуна и 60% добычи каменного угля в Германии. Полностью монополизировали производство в электротехнической промышленности два концерна — АЭГ и «Сименс». За период с 1924 по сентябрь 1930 г. германские монополии получили из-за границы в виде долгосрочных и краткосрочных кредитов и инвестиций 26—27 млрд. марок³¹.

В годы временной стабилизации капитализма в Германии был осуществлен ряд мероприятий по государ-

ственно-монополистическому регулированию экономики. Расширилась сфера производства, охватываемая государственными предприятиями, которые обслуживали интересы всего монополистического капитала в целом. Совершенствовался налоговый механизм, позволяя шире, чем раньше, перекладывать на неимущие слои населения убытки от нерентабельных отраслей производства.

Как и во многих других империалистических государствах, в Германии в 1927—1928 гг. появились первые признаки нового экономического кризиса, возвещавшие о близком конце периода частичной стабилизации капитализма. Об углублении противоречий капиталистической стабилизации в Германии свидетельствовали также усиленные атаки финансового капитала на рабочий класс и другие слои трудящихся, вызывавшие новое обострение классовой борьбы. Весной 1928 г. больше 4 млн. горняков, железнодорожников, химиков, металлистов и рабочих других профессий участвовало в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий труда. Одной из наиболее мощных была забастовка рурских металлистов, охватившая более 200 тыс. человек³². В марте—апреле 1929 г. в стране проходили выборы фабрично-заводских комитетов, в результате которых Компартия Германии удалось отвоевать у реформистов фабзавкомы ряда решающих промышленных центров. Успехи КПГ встревожили буржуазию. Выполняя указания правящих кругов, полицей-президент Берлина социал-демократ Цергибель запретил в 1929 г. первомайскую демонстрацию. Несмотря на этот провокационный акт, на демонстрацию вышло свыше 200 тыс. рабочих. Цергибель приказал стрелять в демонстрантов. В результате расправы 32 рабочих было убито, 150 ранено. Вскоре после этого социал-демократический министр Зеверинг запретил Союз красных фронтовиков — массовую революционную организацию, созданную Э. Тельманом. В то же время реакционные организации, в том числе нацисты, продолжали получать поддержку правительства и пользовались полной свободой действий.

Усиление государственно-монополистических тенденций в Германии, упрочение влияния монополий на государство объективно способствовали созданию социально-экономических и политических предпосылок для дальнейшего развития фашистского движения в стране. Шел до поры до времени скрытый процесс накопления фак-

торов, благоприятствовавших подъему фашизма в последующие годы.

Крупные монополистические союзы и объединения, которые занимали ключевые позиции в экономике, далеко не во всем были удовлетворены порядками Веймарской республики, рассматривали ее как некоторую деформацию закономерного направления развития, как временную и вынужденную уступку обстоятельствам. Союзы предпринимателей представляли серьезную политическую силу. Центральные организации предпринимателей, своеобразные выразители коллективной классовой воли монополистов, — «Имперский союз промышленности» и «Объединение союзов германских работодателей» все настойчивее выдвигали перед государством требования определенного курса политики, все активнее вмешивались во все сферы жизни страны.

Империалистическая реакция стремилась вернуть страну к авторитарным порядкам, обуздать рабочее движение, загнать рабочих в рамки жесткого социально-политического и экономического регламента, ликвидировать или урезать до предела демократические права населения. Тенденция к установлению авторитарного режима усиливалась также и факторами внешней политики: стремлением к ревизии Версальского договора на основе реванша, вынашиваемыми реакционными кругами планами войны против Советской России, а затем и новой большой войны с целью завоевания мирового господства. Вместе с тем нельзя было не учитывать такие обстоятельства, как революционные традиции рабочего класса Германии, резко возросшая политическая активность рабочих, их стремление к социалистическому преобразованию общества, притягательная сила идей социализма вообще и первого исторического опыта строительства социализма в Советской России.

Указанные причины объективно толкали наиболее экстремистские империалистические круги Германии к поискам такой системы взглядов, концепций и идей, которая в сложившихся условиях могла бы наиболее эффективно противостоять марксизму, обеспечить осуществление политических и экономических целей монополистической буржуазии. Речь шла в первую очередь об идеологии, которая, выражая интересы и преследуя цели реакционнейших кругов империалистической буржуазии, одновременно предназначалась для внедрения в сознание

социальных сил, объективно занимающих либо промежуточное, либо антагонистическое положение, а именно многочисленных средних слоев, а также масс трудящихся, в том числе рабочих, крестьян, полупролетарских элементов города и интеллигенции. Эта идеология, таким образом, должна была предстать в качестве общенациональной, т. е. удовлетворяющей запросы всей нации в целом.

Вместе с тем, поскольку речь шла об идеологии, предназначенной для трудящихся масс, особое значение приобретала специфическая интерпретация идей социализма. Задача заключалась в том, чтобы придать реакционной националистической идеологии «социалистическую» окраску. Предполагалось, что именно такого рода «синтез» будет способствовать превращению ее в мировоззрение для широких масс.

Формирование такой идеологии с начала 20-х годов осуществлялось как в рамках возникшей в Германии фашистской партии, которая в демагогических целях называла себя «рабочей», так и вне ее и выражалось в выработке соответствующих программ, рассчитанных на широкое привлечение сторонников, а также в поисках действенных методов пропаганды и агитации.

Существовавшие в Германии в начале 20-х годов многочисленные националистические союзы — «Оберланд», «Стальной шлем», «Викинг», «Вервольф», «Олимпия», «Оргеш», «Антибольшевистская лига» и многие другие, объединявшие в своих рядах сотни тысяч членов, хотя и не были вполне устойчивыми формированиями, представляли собой первую попытку создания широкой базы, предпринятую империалистической реакцией. Однако их «идейный багаж» не годился для организации массового движения. Реакционный буржуазный национализм, аристократический антидемократизм и реваншизм оказывались явно недостаточными для того, чтобы подчинить своему влиянию на длительное время значительные массы трудящихся, так как при этом оставались открытыми самые насущные вопросы — проблемы социального урегулирования и выхода из бедственного материального положения. Демагогические призывы к братанию богатых и бедных не могли, конечно, считаться решением вопроса. Кроме того, убогие националистические и реваншистско-милитаристские идеи, проповедуемые главарями существовавших реакци-

онных организаций, были проникнуты только духом ненависти и уничтожения и не давали какой-либо приемлемой социальной перспективы.

Общий кризис капитализма охватил все стороны экономики, общественной жизни, политики и идеологии в потерпевшей поражение империалистической Германии. Раскол мира на две системы стал главным признаком общего кризиса капитализма, а в борьбе между загнивающим империализмом и развивающимся социализмом проявилось главное противоречие эпохи. Вместе с тем не сгладились, а, наоборот, обострились и противоречия внутри империалистической системы. Эти две группы противоречий оказывали определяющее влияние на формирование и развитие новых идеологических построений империалистической буржуазии во всех капиталистических странах, в том числе и в Германии.

Формирование и развитие идеологии германского фашизма происходило в условиях углубляющегося кризиса буржуазной социально-политической мысли. Империалистическая буржуазия отбросила социально-политические учения, которые были в той или иной мере связаны с идеями формальной свободы и провозглашением демократических принципов. Сущностью социально-политических учений буржуазии в новых условиях стало отрицание «демократии вообще, всей демократии»³³. В отличие от социально-политических учений буржуазии в период становления капитализма, исходивших из закономерности общественного прогресса и возможности достижения демократического устройства общества, концепции идеологов империализма основываются на социальном пессимизме, исходят из невозможности прогресса и отрицают закономерности общественного развития. Задачей различных идеологических «доктрин» и «концепций» империализма при всем их многообразии и внешней несхожести является в конечном счете маскировка кризисных процессов и регрессивных тенденций как в базисе, так и в политической надстройке империализма, создание искаженной картины функционирования политического организма, внедрение в сознание как буржуазии, так и широких слоев населения идей и перспектив «псевдопрогресса», якобы еще возможного в рамках существующего буржуазного строя, и увод от единственно реальной перспективы прогрессивного развития общества — социализма.

Неотъемлемыми чертами реакционных идеологических систем являются дальнейший отход от объективной истины, антидемократизм, растущий и становящийся вопиющим разрыв между теорией и практикой, внутренняя противоречивость, эмпиризм и априорность. Идеологические доктрины империализма решительно отвергли прогрессивные традиции буржуазной мысли домонополистического периода, так как последние давно перестали служить буржуазному обществу и, более того, оборачивались против него. Не видя реальной оптимистической перспективы общественного развития, социально-политическая мысль империалистической буржуазии проявляла стремление вернуться в прошлое и в борьбе против сил социализма увести мир к средневековью.

Буржуазная социально-политическая мысль в Германии первой четверти XX в. изобиловала реакционными концепциями и взглядами. Однако в «чистом виде» они не могли быть взяты на вооружение нацистами, так как не были приспособлены для «потребления» противоположными общественными силами, т. е. трудовыми и мелкобуржуазными слоями населения. Для взглядов реакционных философов и социологов империализма были характерны аристократизм и явный антидемократизм, элитарность, яростный антисоциализм, которые могли отпугнуть массы от проповедников их идей.

Идеология германского фашизма, который появился на политической сцене в начале 20-х годов нашего столетия, выполняла совершенно определенную роль в ряду реакционных идеологических систем империализма. Ставя своей целью защиту, сохранение и упрочение системы господства монополистического капитала в Германии, подавление революционной активности рабочего класса и других трудящихся, обоснование политики реванша, агрессии и территориальных захватов, антикоммунизма и антисоветизма, обработку сознания широких масс населения и подготовку их к роли ландскнехтов империализма и милитаризма, фашистская идеология должна была иметь специфический характер и учитывать как сдвиги, происшедшие в сознании людей под влиянием войны и Ноябрьской революции, так и резко возросшую роль масс в политической жизни.

Совершенно очевидно, что идеология германского фашизма явилась инструментом крайне реакционных кругов империалистической буржуазии и связанных с

нею социальных сил — военщины, определенной части юнкерства и буржуазной интеллигенции. Однако было бы упрощением изображать процесс формирования нацистской идеологии только как выполнение некоего «социального заказа» монополистического капитала. Специфика нацистского движения в Германии в целом, нацистской диктатуры и нацистской идеологии в частности состояла, между прочим, и в том, что, возникнув как прямое порождение империализма, они приобретали некоторую самостоятельность и показную независимость, что позволяло фашизму носить маску надклассовости. Примером этого может служить присутствие в нацистских программных документах не только антикапиталистических мотивов, но и определенных лозунгов и требований, носивших «социалистическую» окраску. Нацистские мораль, этика, искусство и т. д. содержали ряд ограничений и формулировок, нередко неугодных представителям монополистической верхушки. Да и обоснование права на вмешательство нацистского государства в экономику вызывало известное неудовольствие хозяев концернов. Но все это представляло собой лишь неизбежные издержки и было необходимо для того, чтобы идеология крайней реакции могла выступить под личиной унифицированного надклассового, надпартийного, общенационального мировоззрения. А именно такая роль и такая функция были предназначены идеологии германского фашизма. «В угоду капиталу, — пишет известный польский историк Ф. Рышка, — гитлеризм манипулировал различными, казалось бы совершенно противоположными, если не взаимоисключающими, настроениями и интересами масс»³⁴.

Возникшая у крайне реакционных кругов империалистической буржуазии потребность в такой системе идей и взглядов, которая позволяла бы эффективно манипулировать массовым сознанием, ускорила процесс формирования идеологии германского фашизма. В соответствии с той задачей, которую должен был выполнить фашизм, его идеология «строилась на различных, несовместимых по содержанию элементах: на реакционных идеях предшествующей буржуазной философии — в качестве фундамента, на гипертрофированном в национал-шовинизм национальном сознании и на демагогическом псевдосоциализме прусского образца — в качестве формы»³⁵.

5

ДУХОВНЫЕ ПРЕДТЕЧИ ФАШИЗМА

Идеология германского фашизма возникла не на пустом месте; ее появление было подготовлено всем ходом развития реакционной общественно-политической мысли в прошлом, в особенности в конце XIX — начале XX столетия.

Подобрав на мусорной свалке истории многие идейные отходы, образовавшиеся в процессе развития мировоззренческих систем империалистической буржуазии, нацистские идеологи сделали их составными частями своей идеологии. Они не брезговали и прямыми подделками, препарирруя и соответствующим образом приспособлявая чужие идеи для обоснования и подкрепления своих теорий и концепций.

Среди идейных предшественников национал-социализма большинство составляли ярые реакционеры, злобные чело­веконенавистники, эпигоны, не выдвигавшие, как правило, идей, носивших оригинальный характер. Однако идеология германского фашизма опиралась также и на системы взглядов, выработанные действительно крупными мыслителями прошлого. Сами нацисты официально зачисляли в разряд своих духовных предшественников таких крупных философов, как Гегель и Шопенгауэр.

А. Шопенгауэр (1788—1860 гг.) критиковал понимание истории как процесса прогрессивного развития, выступая с позиций крайнего иррационализма. В истории Шопенгауэр видел торжество глупости, дерзости, подлости и бесчеловечности. Он не верил в прогресс и не хотел его, испытывал страх перед социальной революцией, с ужасом следил за идеологическим и политическим развитием своего времени, за выходом на политическую арену пролетариата как самостоятельной политической силы.

Взгляды Шопенгауэра резко антидемократичны. В человеческом обществе, согласно его утверждениям,

злая и ограниченная масса с изменчивыми инстинктами, раздираемая чувствами зависти и ненависти, противостоит исключительным людям, гениям.

Шопенгауэр был первым, кто попытался философски «обосновать» антисемитизм. Его точка зрения была затем развита Е. Дюрингом, Ф. Ницше и Л. Клагесом.

Для обоснования своих идеологических концепций национал-социалисты использовали и некоторые идеи Гегеля (1770—1831 гг.). Известно, что труды Гегеля «Философия права» и «Философия истории» представляют собой восторженное восхваление прусской государственной системы и в них уже вполне четко определились наиболее реакционные стороны его учения — апология прусского государства, в котором он видел высшую ступень в развитии «объективного духа», оценка революции как «фурии исчезновения», враждебность идее равенства людей, презрение к пролетариату — «черни».

Взглядам Гегеля были присущи национализм, высокомерное, пренебрежительное отношение к «низшим» народам, в частности к славянам. Патетически говорил Гегель о «великой и исцеляющей» силе войны.

Учение Гегеля, сложное и противоречивое, не может быть понято в отрыве от конкретно-исторических условий его возникновения. Консервативные, реакционные идеи сочетаются в нем с прогрессивными и даже революционными тенденциями. Энгельс видел великую заслугу Гегеля в том, что он «впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития»¹. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что у Гегеля имеются «зачатки исторического материализма»². Но подлинное достоинство философии Гегеля нацисты обходили молчанием, в то время как ее реакционные стороны широко использовались гитлеровскими идеологами.

Исключительно большое влияние на духовную жизнь немецкой буржуазии оказали взгляды известного философа-идеалиста Ф. Ницше (1844—1900 гг.). Ницше уловил наступающий духовный кризис капиталистического общества тогда, когда его симптомы были видны в лагере буржуазии лишь очень немногим; его философские взгляды представляли собой попытку переоценки

ценностей и идеологической мобилизации перед лицом этого явления. На философских взглядах Ницше отразились некоторые специфические черты, присущие германскому капитализму, — сохранение военно-деспотического государства, половинчатость и нерешительность либеральной буржуазии и интеллигенции.

Философия Ницше глубоко антидемократична по своей сути. О народе, о трудящихся он говорил с высокомерным презрением. Только рабство и социальное неравенство, по Ницше, представляют собой подлинные двигатели культуры. За счет рабов, благодаря избытку их труда, привилегированный класс освобождается от борьбы за существование, чтобы породить и удовлетворить мир новых потребностей. Страдание и без того уже тяжело живущих людей должно быть еще усилено, чтобы сделать возможным созидание художественного мира для небольшого числа олимпийцев.

С позиций крайнего антидемократизма пытался объяснить Ницше такие явления, как классовая борьба и социализм. По Ницше, они суть лишь проявление «тенденции мести» высшим экземплярам человечества со стороны «малых мира сего», «черни», «стада», «толпы», «сброда», пасынков жизни и неудачников, которыми движет инстинкт смертельной ненависти ко всему, что велико, что прочно, что имеет будущность. В этих условиях, утверждал Ницше, следует произвести переоценку ценностей и отбросить изжившие себя идеалы свободы, равенства, прав, справедливости и т. д., провозглашенные буржуазией в процессе ее борьбы за власть, против феодализма. На смену сентиментальной идиллии должен прийти активный нигилизм, который имеет мужество заявить слабому: ты должен погибнуть.

Ницшеанство объявило себя противником высокой морали, отвергло гуманизм и этические нормы, выработанные человечеством в многовековой борьбе против угнетения и социальной несправедливости. Однако, называя себя имморалистом, Ницше пытался обосновать новый, «высший» тип морали — «морали господ», суть которой состоит в том, что человек имеет обязанности только по отношению к равным себе; по отношению же к рабам, к существам «низшего ранга», по отношению ко всему чуждому «господа земли» вправе поступать так, как им заблагорассудится. Чутко уловил Ницше одну из черт, определяющих социальное поведение ме-

щанства, — страх за свое благополучие, стремление к сохранению устойчивого социального стереотипа, к стабильности.

Жизнь, согласно утверждениям Ницше, представляет собой волю к власти, а вся история человечества является борьбой двух типов воли к власти: воли к власти «сильных», т. е. господ, и воли к власти «слабых», т. е. рабов; последняя проявляется в низменных инстинктах, зависти и ненависти, тяготении к равенству и т. п. Симпатии Ницше на стороне «сильных», которые призваны подавить «низших». Критерием истины для Ницше является лишь польза, которую то или иное действие приносит «высшему типу», «расе господ».

Формула воли к власти представляет собой один из вариантов «войны всех против всех». Война, по Ницше, мать всякой морали, без войны человек дряхлеет, изнашивается, стареет. Война не только фатально неизбежна, но она является первой жизненной необходимостью, решающим условием самовозвышения и самоутверждения жизни. В процессе войны осуществляется отбор наиболее полноценных индивидов, «слоя господ», тех, кто воплощает волю к власти.

Не будучи узким националистом и шовинистом, Ницше, однако, воспевал «белокурую бестию» — «арийца» как носителя высших качеств человеческой личности. Он полагал, что «германский дух» может полнее всего воплотить волю к власти «расы господ», и мечтал о «великой Германии», которая возглавит Европу и объединит ее под своим главенством. К расовому идеалу Ницше ближе всего оказывалась Пруссия — страна «избранного народа», который образует ядро «расы господ».

Как видно из изложенного, философское наследие Ф. Ницше содержало идеи, которые, разумеется в подправленном и приспособленном к условиям времени и потребностям политической жизни виде, могли быть взяты и действительно были взяты на вооружение идеологами германского фашизма. Правда, при добросовестном и непредвзятом прочтении Ницше многое из его наследия должно быть оценено как несовместимое с идеологией нацизма. Однако гитлеровские «философы» не склонны были замечать того, что не укладывалось в догмы нацистского мировоззрения. Нацисты провозгласили себя наследниками Ницше. Гитлер называл его

своим учителем, фашистские теоретики официально объявили Ницше «провозвестником национал-социализма», провидцем великих свершений и возрождения германской расы, освобождения германского народа от чуждых ему влияний. «...Ницшевское восхищение красотой безнравственности, его апология войны и зла... все это позднее нашло свое место в помойной яме фашистской идеологии...»³ — справедливо замечал Томас Манн.

Однако система взглядов и идей Ницше была включена в механизм фашистской идеологии не непосредственно, а через мировоззренческие системы более поздних толкователей его философии, и в первую очередь О. Шпенглера и Э. Юнгера. «Философия жизни», главным признаком которой был иррационализм, пыталась увлечь интеллигенцию и представителей средних слоев перспективами борьбы за «жизненные интересы» немецкой нации, за «жизненное пространство», якобы необходимое немцам. Она ставила своей задачей освободить философию от «тяжести духа», от рационализма и научного познания, осуществив поворот к иррациональному, к чувству и интуиции. В. Дильтей и Г. Зиммель, которые наряду с Ницше формировали «философию жизни», рассматривали жизнь как движение темных и непостижимых сил, которые не поддаются проверке разумом, как факты «воли, побуждения и чувства».

Заметим попутно, что поборники «философии жизни», как, впрочем, и возникшей позже концепции «консервативной революции», а также нацистские идеологи проявляли глубокую и неискоренимую враждебность к философии эпохи Просвещения и гуманистическим идеям французской буржуазной революции XVIII в., отвергая их рационализм и гуманистическое начало. Но с особой ненавистью они отнеслись к идеологии научного социализма — марксизму. «...Нужна была определенная философская атмосфера, — пишет известный философ Дьердь Лукач, — подрыв доверия к рассудку и разуму, склонность поверить иррационализму, мифу и мистике. И именно эту философскую атмосферу создала философия жизни»⁴.

Как и Ницше, О. Шпенглер (1880—1936 гг.) в основу своих социальных и гносеологических взглядов положил волюнтаризм. Человек — «хищный зверь», он постоянно пребывает в состоянии борьбы ради воли к власти, жестокой, неумолимой и не знающей пощады.

Само возникновение человека, выделение его из животного мира произошло, утверждал Шпенглер, когда человек изобрел оружие, научился его делать, а затем и выбирать наиболее подходящий его вид. В одной из своих поздних книг Шпенглер описывает пьянящее ощущение, которое испытывает человек-хищник, когда его нож вонзается в тело врага, а запах крови и звуки стонов проникают в торжествующее сознание.

Однако не все люди у Шпенглера хищные звери. Есть среди них и «домашние животные», «травоядные», представляющие низшую, нисходящую форму жизни. Чем же и каким образом предопределяется место человека, а также народа или расы в жизни и в истории? Шпенглер отвечает на этот вопрос: судьбой.

Идея судьбы находится в центре философской системы Шпенглера. Судьба означает неизбежность, предопределение к выполнению определенной миссии. Судьба есть не только у отдельного человека, но также и у страны, народа и расы. Судьба изначально предопределила каждому его участь: господство или покорность, каждому — свое. Судьба, по Шпенглеру, первична, она не может быть постигнута разумом и объяснена с позиций логики. Сама идея судьбы изначально по своей сущности. Жизнь и история движутся исключительно согласно велениям судьбы. Исходя из этого, историк, например, утверждал Шпенглер, не может дать какое-либо рациональное объяснение происходящих событий, он может только проникнуться велением судьбы и передать их в чувственно-интуитивной форме.

Шпенглер был одним из немногих буржуазных философов, который почувствовал наступление кризиса капиталистического строя, его загнивание — процесс, который получил у него название перехода культуры в цивилизацию. Это связано, считал Шпенглер, с уходом со сцены «прасословий» — дворянства и крестьянства, которые и были носителями культуры. Сходит на нет «фаустовский человек» — тип, воплотивший западно-европейскую культуру. На передний план выдвигается «неорганическая масса» — пролетариат, городской плебс, «кочевники мировой истории», несущие гибель западной культуре.

Можно ли спасти западную культуру от гибели? Шпенглер считал неизбежным «закат Европы», но указывал средства, которые, по его мнению, могли отодви-

нуть его. Спасение, заявлял он, в переходе от парламентской демократии к военно-деспотической диктатуре — цезаризму, тотальной диктатуре сильного человека. Цезаризм связан с войной и войной движется и развивается. Он опирается на мощь личности диктатора — вождя-повелителя, который осуществляет свое господство через беспрекословно подчиняющееся ему меньшинство. Люди труда — «травоядные животные» — в условиях цезаристской диктатуры должны быть обращены в безмолвных и покорных рабов, в объект безудержной империалистической эксплуатации. Как видно из этого, модель нацистского рейха, основанного на «фюрер-принципе», была начертана О. Шпенглером задолго до прихода к власти гитлеровцев.

Другим средством Шпенглер считал установление господства Германии над миром. Он проповедовал жесточайшую диктатуру и агрессию германского империализма, которые, по его мнению, только и способны были продлить существование западной культуры. В 1920 г. Шпенглер выпустил в свет небольшую книжку «Пруссачество и социализм», в которой в значительной мере пересмотрел свои взгляды на будущее западной культуры. «Заката Европы» можно избежать, заявлял Шпенглер. Европейскую культуру могут спасти немцы — народ, не затронутый духовным упадком и сумевший сохранить «душевную мудрость», которая выражается в пруссачестве.

Пруссачество, идеалом которого было построение общества по принципу прусской казармы и которое олицетворяло самые реакционные тенденции германской истории — милитаризм, бюрократизм, антидемократизм, объявлялось синонимом социализма, последний же — исключительно достоянием немцев. Все немцы — социалисты, утверждал Шпенглер, и социализм существует только немецкий, никакого другого социализма быть не может. Немцам, говорил он, вообще чуждо капиталистическое мировосприятие — оно присуще англичанам, американцам и французам. Прусская же «социалистическая этика» исходит из того, что высшей ценностью является общее благо, а основой основ — «авторитет». Развивая эту мысль, Шпенглер утверждал далее, что на «общее благо», т. е. в духе «социализма», работают не только рабочие и крестьяне, но и истинно немецкие предприниматели. Им он противопоставлял биржевиков,

маклеров, спекулянтов, которые стоят на позициях «англосаксонской этики» либо движимы «еврейским инстинктом». Итак, капитал «созидающий» интегрируется социализмом, в то время как капитал «паразитический» чужд социализму. Шпенглер пошел дальше, утверждая, будто бы социализм отнюдь не означает уничтожения частной собственности на средства производства и не связан с борьбой за социальное преобразование общества, а представляет собой «народное сообщество» немцев, основанное на их национально-расовом ощущении и инстинкте, объединение всех слоев общества на основе их безоговорочного подчинения всемогущему и всевластному государству. Это были уже готовые кирпичи для фундамента нацистской идеологии.

Подлинному социализму Шпенглер был непримиримо враждебен. Он призывал к «крестовому походу» против СССР, к уничтожению «большевистского режима», к искоренению всяческой демократии, даже буржуазного типа.

Еще ближе к фашизму были реакционные концепции социолога Э. Юнгера. Он также утверждал, что все сущее в мироздании пронизано одной доминирующей идеей — волей к власти, которая воплощается прежде всего в войне. Война, заявлял Юнгер, в конечном счете радикально решает все проблемы.

Поражение Германии в первой мировой войне, жертвы и страдания, которые она принесла немецкому народу, не подействовали на Юнгера отрезвляюще. Он призывал немцев «рискнуть» еще раз и снова попытаться завоевать «такую добычу, которая позднее принесет свои плоды и которая весит больше, чем все смерти и все страдания»⁵. Юнгер призывал к новой войне, которая якобы должна привести к торжеству победы, всевластию сверхчеловека — «белокурой бестии», вырвавшейся на просторы мира из чащи тевтонских лесов, чтобы бесчинствовать и безнаказанно грабить на чужих землях. Время, считал он, властно требует человека нового образца — ландскнехта, не отягощенного совестью и утонченностью духа и готового броситься в смертельную схватку, не раздумывая ни о чем и не колеблясь.

Э. Юнгер, однако, не мог не признать, что насильственные действия больших масс людей в его время могли привести не только к «запланированной» победе в мировой войне, но и к «незапланированной» мировой ре-

волюции. Если война, по Юнгеру, это торжествующая жизнь, то революция — «взбунтовавшийся против жизни разум». Средством избежать такого «противоестественного» поворота событий и ввести извечные инстинкты разрушения в каналы возложенной на немцев богом и историей миссии завоевания власти во всем мире Э. Юнгер считал «тотальную мобилизацию», т. е. мобилизацию и концентрацию всех измененных человеческих инстинктов, животных страстей и интересов, которые должны стать источником милитаристского, шовинистического и расистского фанатизма и психоза.

Каким образом, однако, возможно произвести эту «тотальную мобилизацию», очистить дух и сознание нации от «наносных заблуждений»? Это, утверждал Юнгер, возможно осуществить путем установления «рабочего господства» и «нового порядка». В построениях Юнгера о «господстве рабочего» ярко проявилась служебная роль его философии, именно эта ее часть особенно «органично» вписалась в идеологические схемы германского, и не только германского, фашизма. Юнгер был далек от того, чтобы рассматривать в своих рассуждениях конкретного рабочего — пролетария современной ему Германии, трудящегося на капиталистическом предприятии. Нет, он оперировал понятием некоего абстрактного «рабочего», который не может существовать как отдельный человек, индивид, а проявляется лишь как составная часть массового понятия. Этот «рабочий» воплощает, по Юнгеру, сущностные свойства немецкого народа, выделяющие его из всех других народов, — любовь к порядку и привычку к повиновению, «открытость» навстречу приказу, идущему сверху, и готовность воспринимать его мгновенно и беспрекословно всеми звеньями общественной иерархической структуры — от верхушки общества до массы подданных. «Рабочий» значительно последовательнее выражает немецкую готовность к добровольному принятию «деспотизма жизни» и волюнтаристского диктата элиты, чем буржуа, отстаивающий какие-то права индивида и требующий каких-то гарантий прав и безопасности личности. Отсюда, но только отсюда, возникает, по Юнгеру, и непримиримое противоречие между буржуа и рабочими. Первые — бунтовщики, вторые — воплощение порядка и послушания, на которых должна покоиться судьба страны. «Рабочий», говорил Юнгер, воплощает стано-

вящуюся власть, «новый порядок», при котором будут порваны пути буржуазного общества; на место упраздненного порядка общественного договора придет приказ, господство «рабочего» станет тотальным; все сферы экономической, социальной, политической и личной жизни будут строго регламентированы «рабочим планом»; наука, искусство, печать и другие средства идеологического воздействия на массы будут определяться потребностями «тотальной мобилизации». Формы и методы господства «рабочих» не должны быть регламентированы какими-либо законами или ограничениями. Практической нормой станет макиавеллизм, вседозволенность. Главное же в жизни — работа и послушание, готовность жертвовать собой, своими интересами во имя великой цели — «нового порядка». «Рабочий» Юнгера стал синонимом немца, стремящегося к господству на земле. Немец — рабочий — господин мира — такова была схема, предлагаемая Юнгером. Все немцы станут «рабочими», в этом проявится общность немецкой нации, отражающая единство крови, воли к власти и исторического предназначения.

Из этой общности Юнгер исключал только «буржуа». Однако он имел в виду не буржуазию как правящий класс современного капиталистического общества, не монополистов и банкиров (они, люди дела, тоже «рабочие»), а «образованное стадо», т. е. критически мыслящую интеллигенцию, а также подлинно революционных пролетариев, не желающих покориться тотальной воле «рабочего» общества к мировому господству, достигаемому через мировую войну. Таким образом, утонченный и извращенный антидемократизм смыкался во взглядах Юнгера с воинствующим антиинтеллектуализмом.

Идеи противопоставления тела и интеллекта, инстинкта и разума, духа и души пронизывают сочинения Л. Клагеса, другого последователя Ницше и его «философии жизни». Господство теоретического мышления над инстинктами жизни имеет, как утверждал Клагес, губительные последствия. Он пытался перешеголять своего учителя Ницше в апологии иррационализма. «...Только ничегонезнание есть жизнь, — заявлял он, — а знание есть смерть». В этих словах не только нигилистическое отрицание всякого научного познания, каких-либо закономерностей движения мировой истории, проповедь необходимости возврата к варварству. Клагес широко

пользовался псевдонаучными приемами, «обосновывая» так называемую «характерологию», имеющую целью подтвердить разделение человечества на два типа: человек-господин и стадный человек. При этом принадлежность человека к тому или иному типу является, по Клагесу, predetermined раз и навсегда, изначально заданной и распознаваемой в инстинктах.

«Духовную пищу» идеологам германского фашизма давали не только представители ницшеанской «философии жизни», но и другие реакционные философы и социологи. Пруссачество служило политическим идеалом для подвизавшегося в Германии в первой четверти XX в. Ван ден Брука. Правда, в отличие от Шпенглера Ван ден Брук не пытался отождествлять пруссачество с социализмом. В прусском духе для него воплощался немецкий национализм — здоровый и бодрый дух «молодого народа», который противостоит одряхлевшему и гниющему Западу. Ван ден Брук нередко называет немцев «народом Востока», подчеркивая этим, что он является антиподом пораженного старческим недугом Запада. Ван ден Брук был яростным приверженцем расовой теории, доказывал существование высшего типа людей, которых объединяют не только биологические признаки, но и духовная общность. Одним из самых действенных средств достижения такой расовой общности, объединения людей вокруг «элиты» нации Ван ден Брук считал национализм. В целях демагогии он соглашался даже признавать классовую борьбу, однако применительно к Германии относил ее в сферу внешней политики, утверждая, будто бы она выражается в борьбе «молодых», угнетенных народов Востока (т. е. немцев) против «старых» наций. Расширение германской территории якобы в целях разрешения проблемы «избыточного населения», т. е., попросту говоря, экспансию, Ван ден Брук называл «социалистической внешней политикой».

Политическая и классовая суть идей Ван ден Брука проявилась также в его рассуждениях о революции, которую он называет «неотъемлемым правом» каждой нации. Однако при этом Ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии Ван ден Брук не принимает в расчет, так как она не привела к «национальному возрождению». Реакционный философ не отрицает, что в революции важную роль неизбежно играет рабочий класс. Он де-

магогически льстит пролетариату, называя его ведущей силой нации, высказывается за уступки правящих классов рабочим, для того чтобы добиться единства нации, основанного на «чувстве крови» и «структуре рода». Именно такое «единство», утверждает Ван ден Брук, и способно привести к торжеству революции, но не просто революции, а «консервативной революции».

Концепция «консервативной революции», выдвинутая Ван ден Бруком, представляла собой реакционное, антидемократическое и антиреспубликанское идейное течение, тесно связанное с «философией жизни». Революция понималась представителями этого течения не как фактор общественного прогресса, а как некое устранение препятствий на пути «кругового» развития событий. Такое толкование исторического процесса позволяло объявить контрреволюцию «революцией», а социальный регресс и реакцию — закономерностью. Известно, что именно на этой основе гитлеровцы впоследствии объявили «революцией» установление своей террористической, антинародной диктатуры. «Обосновывая» необходимость «консервативной революции», Ван ден Брук предрекал, что ее победа должна привести к установлению государства по типу Римской империи, которое явится «третьей империей» («третьим рейхом»). Под первой империей Ван ден Брук подразумевал Священную Римскую империю германской нации, т. е. государство средневекового периода, под второй — империю, созданную Бисмарком и «погубленную» «ноябрьскими преступниками», «вонзившими кинжал в спину нации», третья должна прийти на смену ненавистной республике.

Итак, «третий рейх» явится возрожденной Римской империей, мировой державой германской «расы господ». Создание такой империи, говорил Ван ден Брук, уже свыше тысячи лет является миссией германской расы. Свои идеи о «третьем рейхе» Ван ден Брук сформулировал в 1923 г. в книге, изданной под таким же названием. Что касается «социализма» как побочного продукта «консервативной революции», то Ван ден Брук сущность его определил формулой: «Каждый народ имеет свой собственный социализм».

В начале 1919 г. Ван ден Брук вместе с Штадлером основал так называемый «июньский клуб» — реакционный, шовинистическо-реваншистский кружок интелли-

гентов, действовавший в контакте с «Антибольшевистской лигой».

Идеи подвизавшегося в Моравии в годы, предшествовавшие первой мировой войне, Р. Юнга также вошли в теоретический арсенал нацизма. В 1913 г. на съезде руководимой им Немецкой рабочей партии Юнг провозгласил лозунг борьбы против ростовщичества и земельной ренты. «Трудящиеся, — утверждал Юнг спустя несколько лет, — могут требовать и добиваться своих прав только в пределах своей народности». Р. Юнг, как и Э. Юнгер, выдвинул свое понятие трудящегося, рабочего. К категории лиц, занятых созидательным трудом, он относил как промышленных пролетариев, так и капиталистов — владельцев заводов и фабрик.

Р. Юнг утверждал, что задачей этих «трудящихся» является борьба против интернационального «маманизма», под которым понимался ростовщический капитал еврейского происхождения, и порождаемой им «мировой демократии» и либерализма. При этом западный «маманизм», утверждал Р. Юнг, и «восточный большевизм» представляют собой лишь кажущиеся противоположности, а на самом деле являются союзниками, одинаково ставящими себе цели установления «еврейского господства» над миром. Он требовал отказа от парламентаризма и возврата к сословному строю.

Виновниками слабости Германии Р. Юнг считал самую сильную в мире социал-демократию, самую сильную в мире клерикальную партию и сильное влияние «европейского свободомыслия». Марксизм он считал карикатурой на социализм. Только Германия Вильгельма II, заявлял Р. Юнг, была единственным государством, где социализм осуществлялся на деле.

Одним из духовных предшественников нацистов был также Э. Юнг, в 1927 г. выпустивший книгу «Государство неполноценных». Основная идея автора — противопоставление германского духа, характеризующегося господством «души», романскому и особенно англосаксонскому духу, где царит «разум». Из стран Запада в Германию, утверждал он, был завезен механический рационализм с его особенно ненавистным Юнгу принципом, будто бы все люди рождаются равными. На место «ложных» идей о равенстве людей, по Э. Юнгу, должны прийти идеи «внутренней ценности человека». Э. Юнгу ненавистна демократия. Он требует отказа от

«социального образа мышления», от «механических выборов». На их место должно прийти «ступенчато» построенное иерархическое общество, являющееся «народным сообществом», возглавляемым не избранными, а «органически выросшими» руководителями (иными словами, «вождем»).

Для идеологии германского фашизма характерно спекулятивное использование элитарных тенденций применительно к процессу общественного развития.

Представители элитарной теории В. Парето, а также Г. Моска, Р. Митчелиз заявляли, что в любом обществе существуют политически господствующие группы — правящее меньшинство и подчиненные им массы — политически зависимое большинство, действует пресловутый «железный закон олигархии», который приводит к образованию узкого верхушечного слоя и его господству.

Нацистская идеология широко использовала и расистские «концепции», выдвинутые реакционными социологами XIX и начала XX столетий. Ж. Гобино (1816—1882 гг.), французский социолог, писатель и публицист, был одним из основателей расовой теории и расово-антропологической школы в социологии. В своем основном труде «О неравенстве человеческих рас» он сделал попытку обосновать необходимость существования господствующей в человеческом обществе элиты, роль которой якобы биологически и генетически predetermined арийской (белой) расе. Основываясь на превратно истолковываемых данных антропологии, в особенности антропометрии, Гобино утверждал, будто бы арийская раса обладает превосходством перед другими — желтой и черной расами. Средоточием наиболее ценных качеств белой расы, по Гобино, является ее верхняя, германская ветвь, находящаяся на вершине расовой пирамиды. История человечества представляет собой, согласно утверждению Гобино, извечную борьбу между расами; в ходе этой борьбы происходит смешение рас, ведущее к утрате арийцами некоторых своих качеств. Результатом смешения рас Гобино объявлял и демократическую форму государственного устройства, которую он считал противоестественной с точки зрения потенций, заложенных в арийской расе, проявлением влияния неполноценных в расовом отношении элементов.

К создателям расистских теорий можно отнести также П. Лагарда (1827—1891 гг.), который выступал, осо-

бенно после франко-прусской войны, как противник духа материализма и либерализма, за создание немецкой «национальной религии», против «влияния евреев» на экономическую жизнь.

В наиболее откровенном виде расистские концепции были выдвинуты Х.-С. Чемберленом (англичанином, который после женитьбы на дочери немецкого композитора Вагнера принял германское подданство). Х.-С. Чемберлен был яростным противником демократии, монархистом крайне правого толка. Он развил идеи Гобино и Лагарда о превосходстве арийской расы и выступил как поборник «чистоты» расы, за ограждение ее от всяких инорасовых влияний и примесей, и в первую очередь от влияния «еврейского духа». Х.-С. Чемберлен был первым, кто в Германии заложил основы расовой теории, а также евгеники — «науки» о расовой чистоте. Отстаивая идею освобождения немецкого христианства от «примесей», он выступил против католичества и протестантизма, утверждая, будто бы они заражены «еврейским» влиянием. В своем сочинении «Основы XIX века» Чемберлен говорил о значении «возрождающего и реорганизирующего гения тевтонского народа». Тевтонская северная раса, по его мнению, омолодила и спасла западную цивилизацию и призвана создать новый мир с новым общественным устройством.

Последователем Х.-С. Чемберлена стал Л. Вольман — автор книги «Политическая антропология», который сделал попытку, основываясь на данных антропологии, обосновать превосходство германской расы над другими народами и ее «право» господствовать на земном шаре.

В германской реакционной социологии уже в первой половине XIX в. появилось сильное антисемитское течение. Еще в 1803 г. вышла брошюра Граттенауэра, призывавшая к массовому уничтожению евреев. Через два десятилетия с аналогичным призывом выступил Гундт-Радовски. В 1821 г. Гольст сделал попытку «научно» обосновать антисемитизм. Он утверждал, будто бы и среди христиан встречаются «евреи», от которых следует очищаться путем «депортации».

Дальнейшее развитие антисемитских «теорий» связано с именами В. Марра, пастора А. Штеккера и особенно Е. Дюринга — «ведущего теоретика» антисемитизма в Германии. «Еврейский вопрос» есть вопрос расовый,

говорил он, а эта «врожденно и бесповоротно испорченная раса» глубоко чужда и враждебна немцам. Как и многие другие реакционные социологи, Е. Дюринг пытался соединить антисемитизм с «социализмом»; последний, разумеется, представлен им в духе «истинно немецкого», т. е. прусско-чиновнической казарменной модели.

Одним из теоретиков «социального» антисемитизма, т. е. проповеди вражды к евреям, основывающейся на антикапиталистической демагогии, был бургомистр Вены накануне первой мировой войны К. Люэгер. Он, однако, не использовал расовой теории для «обоснования» своей платформы, за что впоследствии подвергался критике со стороны гитлеровцев.

В процессе формирования идеологии германского фашизма важное значение имели так называемые геополитические доктрины, основу которых составляли давно проповедуемые пангерманистами планы. В книге «Политическая география», вышедшей в свет после первой мировой войны, известный немецкий географ Ф. Ратцель обосновывал положение, согласно которому рост народонаселения страны обязательно требует увеличения ее территории, причем высококультурные народы (к ним Ф. Ратцель в первую очередь относил немцев) стремятся к образованию больших и жизнеспособных государственных организмов. Поскольку же территориальный раздел мира уже закончен и «ничьих» земель уже не существует, расширение территорий растущих «высококультурных народов» неизбежно должно происходить за счет вытеснения других народов, а новые, жизнеспособные государства возникнут на развалинах старых.

Впоследствии Ф. Ратцель конкретизировал эти идеи. Он выдвинул принцип, по которому определяющую роль в истории государства играют особенности занимаемого им пространства. Применительно к Германии Ратцель утверждал, будто бы характер пространства, занимаемого немцами, не соответствует ни темпам роста народонаселения, ни уровню культуры, ни «динамическим потенциалам» нации. Положение Германии — страны, расположенной в центре Европы, заявил он, настоятельно требует расширения «жизненного пространства» немцев, т. е. перехода к активной внешнеполитической экспансии. Ф. Ратцель указывал и направления экспансии

Германии: это, во-первых, расширение территории внутри Европы; во-вторых, передел колониальной периферии. Германия, говорил Ратцель, должна создать под своим главенством политический комплекс в Европе, базирующийся на территориях, расположенных между Альпами, Северным и Балтийским морями, Атлантическим океаном и Черным морем. Этот комплекс — «срединная Европа» и станет «Германской империей», которая воплотит тенденции германского народа к расширению своей территории и созданию жизнеустойчивого мощного государства.

Геополитические доктрины Ф. Ратцеля были развиты и усовершенствованы другими реакционными социологами, экономистами и географами. Так, швед Р. Челлен пытался обосновать положение о благодетельном влиянии войны на экономику, немецкий генерал К. Хаусхофер определил немцев как «народ без пространства». Это определение стало наиболее распространенным «оправданием» экспансионистских, агрессивных устремлений германского империализма.

Субъективный идеализм, иррационализм, нередко в его крайних формах, был присущ и германской реакционной историографии, представленной во второй половине XIX столетия именами неокантианцев В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея и в особенности Л. Ранке, И.-Г. Дройзена, Г. фон Зибеля и Г. фон Трейчке. Концепции реакционной историографии также были впоследствии взяты на вооружение национал-социалистами.

Утверждая, будто исторический процесс лишен каких-либо закономерностей и представляет собой хаос, сплетение случайных явлений, неокантианцы отрицали возможность научного познания законов истории. В. Дильтей заявлял, что исторический процесс как явление иррациональное может быть постигнут лишь интуитивно. Г. Ранке, признанный глава реакционной буржуазной историографии второй половины XIX в., рассматривал исторический процесс как воплощение «божественного плана». Через его сочинения красной нитью проходит апология государства как политического механизма, призванного осуществлять политику силы. Он оправдывал и пытался обосновать ссылками на примеры из истории политику «железа и крови», осуществлявшуюся Бисмарком.

Историки И.-Г. Дройзен и Г. фон Зибель и представ-

ляемая ими малогерманская историческая школа проповедовали культ силы, махровый национализм, обожествляли государство вообще и прусское государство в особенности. Г. фон Зибель выступал также как сторонник репрессий против социалистов и других демократов.

Г. фон Трейчке выступал с позиций яростного антидемократизма, ненависти к народным массам. Пятитомная «Немецкая история в XIX веке» написана Трейчке в духе безудержной апологии прусского государства и отдельных «выдающихся личностей». В. И. Ленин называл Трейчке казенно-полицейским историком, хихикавшим над революционными лозунгами и революционной прямолинейностью Маркса в 1848 г.⁶ Убежденный монархист, Трейчке проповедовал национализм и шовинизм, настаивая на превосходстве германцев как носителей политической организации и цивилизации. Он отстаивал божественную миссию германского государства, преклонялся перед Пруссией и верил в ее мировое признание. Культ войны пронизывает все написанное Трейчке. Войне он приписывал оздоравливающее и очищающее воздействие. Последователь Трейчке юрист Э. Кауфман выразил эту концепцию международных отношений в следующих словах: «Кто может — тот прав».

Реакционные концепции права также следует отнести к числу «кирпичей», составивших впоследствии фундамент национал-социалистской идеологии. В 70-х годах XIX в. австрийский реакционный юрист и социолог Л. Гумплович выдвинул теорию, согласно которой все важнейшие явления общественной жизни — образование и борьба классов, возникновение частной собственности и государства — есть следствие неустранимой борьбы племен и рас. Эту борьбу Гумплович объявил двигателем прогресса. Он восхвалял современное ему буржуазное государство, в котором видел идеальную организацию, служащую высшим человеческим целям. Гумплович, как и другой австрийский социолог, Ратценкофер, стоял на позициях социал-дарвинизма, т. е. рассматривал общественную жизнь прежде всего как процесс естественного отбора, при котором выживают наиболее приспособленные особи. Замешанный на дрожжах социал-дарвинизма расизм стал затем одним из краеугольных камней нацистской идеологии.

Юрист К. Шмитт категорически отверг учение о праве как основе государственной власти. Последняя осно-

вываается не на каких-либо законах, а лишь исключительно на воле. Право создается авторитетом, утверждал Шмитт, и для того, чтобы его создать, авторитет не нуждается в праве. Иначе говоря, вождь, руководитель творит право согласно собственной воле. Говоря о войнах, Шмитт утверждал, что они не должны связываться с какими бы то ни было этическими и юридическими нормами. Основой всякой политики должно быть ясное различие друга и врага, при этом друг и враг определяются на основе произвольных решений.

Другой реакционный германский юрист и историк — О. Гирке утверждал, что право есть создание мистического «народного духа». Отдельный человек, по мнению Гирке, должен быть целиком подчинен объединениям, «корпорациям», которые, являясь «социальными организациями», представляют собой «личности» высшего порядка, более важные, чем индивиды. Нет и не может быть суверенной личности, утверждал Гирке, суверенно только государство.

Большое разнообразие взглядов, идей, концепций, представленных реакционной общественно-политической мыслью империализма, давало национал-социалистам исключительно широкие возможности отбора необходимых составных частей для своей идеологии. Разумеется, далеко не все они могли быть автоматически перенесены в систему фашистского мировоззрения. Большинство заимствованных положений подвергалось «реконструкции», модернизации в соответствии с прагматическим характером нацистской идеологии. При этом важнейшим критерием отбора была пригодность использования той или иной идеи или концепции для завоевания массовой базы, для оправдания и обоснования вполне конкретных задач и целей политической программы гитлеровцев и, главное, для создания в глазах масс альтернативы идеологии научного социализма.

Нацистские «теоретики» не обременяли себя заботой о совместимости отбираемых ими идей, о логичности создаваемого ими мировоззрения и его научной доказательности. Первостепенное значение для них имела степень эмоционального воздействия тех или иных идей на массы. Вполне закономерно, что при таком подходе фундамент мировоззрения германского фашизма складывался из наиболее реакционных идей как предшествующих эпох, так и современности.

6

С ЧЕМ ОНИ АПЕЛЛИРОВАЛИ К МАССАМ

При всей эклектичности и противоречивости идеологии нацизма анализ ее составных частей позволяет достаточно ясно определить главные направления и цели идеологического воздействия нацистов на массы.

Одна из основных задач идеологии германского фашизма состояла в обосновании подавления всякой демократии, даже в урезанном до пределов буржуазном понимании этого слова. Речь шла не только о ликвидации буржуазно-демократических свобод, прав и институтов, завоеванных демократическими слоями общества, и прежде всего рабочим классом, в многолетней и упорной борьбе. Антидемократизм как составная часть гитлеровской идеологии преследовал более широкие цели: устранить массы от какого бы то ни было участия в политической и общественной жизни страны, свести их роль к исполнению функций безмолвных производителей и пушечного мяса для будущих военных авантур.

В 1921 г., говоря об общественно-политической обстановке, господствовавшей в Веймарской республике, Гитлер жаловался на «разгул» демократии, которая «не дает возможности успешно решать задачи, стоящие перед нацией». Принцип подавления свободы и воли массы Гитлер развил в книге «Моя борьба», где утверждал «право» на руководство миром «лучшей из наций», а внутри этой нации диктат «вождя».

Но для того чтобы заставить массы смириться с ролью бессловесных исполнителей, необходимо было дать им какую-то морально-психологическую компенсацию. Такой «компенсацией» были нацистские постулаты об «избранной верхушке нации», которая якобы имеет право на руководство массами. Принадлежность к этой «верхушке», согласно декларациям гитлеровцев, не определялась ни родовитостью или знатностью происхождения, ни богатством, ни образованием. Кто же относился

к числу избранных? Нацисты давали на это расплывчатый и неопределенный ответ: люди, обладающие энергией, способные лучше других воплотить требования «национального духа», готовые идти к своей цели напролом — только эти «частицы массы» переходят в привилегированный слой, из которого выдвигаются «вожди». Подобная «концепция» была рассчитана на психологию буржуазной, и особенно мелкобуржуазной, среды с присущими ей стремлением выдвинуться за счет других, спесивостью и амбициями. Многие в этой среде в глубине души считали себя достойными того, чтобы войти в число избранных, «верхушку нации». Таким образом достигалось разъединение масс, поощрялись любые, в том числе аморальные, способы выделиться, возвыситься над безликой массой и проникнуть в верхний слой нации.

Задача национал-социалистов, как подчеркивал Гитлер, состояла также и в том, чтобы «дать этим алчущим и заблуждающимся массам новую, крепкую веру...»¹.

Тезис нацистской идеологии о «равных возможностях» в общем не был новым. Он заимствован из политического арсенала бонапартизма, который, будучи, также как фашизм, глубоко враждебным демократии, демагогически «открывал» перед всеми без исключения возможности вырваться из массы и войти в верхний слой общества. «...Для того, чтобы быть надежным стражем, — писал В. И. Ленин о бонапартистских методах власти, — недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п.»². В. И. Ленин отмечал также, что бонапартистский режим обычно стремится «брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»³. Подобный метод политического господства, который использовался также и германскими фашистами, был рассчитан на идейное разложение масс, и прежде всего трудящихся, на их политическую дезорганизацию.

Антидемократизм как составная часть нацистской идеологии органически включал принцип «вождизма», или «фюрер-принцип». В наиболее откровенном виде он был сформулирован одним из ближайших соратников Гитлера — Р. Леем. «Человек должен признавать авто-

ритет, — говорил Лей. — На этом покоится принцип вождизма и общности. Общность без авторитета немислима. Раса и кровь сами по себе еще не создают общности... Поэтому фюрер, который воплощает авторитет нашего общества, для нас неприкасаем. Фюрер нации стоит выше критики для любого немца на вечные времена... Никто не имеет права задаваться вопросом: прав ли фюрер и верно ли то, что он говорит? Ибо, повторяю еще раз: то, что говорит фюрер, всегда верно»⁴. «Фюрер-принцип» играл важнейшую роль в идеологии национал-социализма. Антидемократизм фашистского мировоззрения воплотился в нем особенно выпукло. В обвинительном заключении Международного военного трибунала по делу о главных немецких военных преступниках «фюрер-принцип» характеризовался как одна из четырех основных «доктрин», служивших «теоретическим обоснованием» фашистской диктатуры и ее заговора против мира и человечества. Согласно этому принципу, власть должна находиться в руках фюрера, от которого его помощники получают полномочия в иерархическом порядке. Каждый из них должен безоговорочно подчиняться своему непосредственному начальнику, но при этом имеет неограниченную юрисдикцию в пределах своей компетенции. Власть фюреров распространяется на все стороны общественной и личной жизни⁵.

Для обоснования права фюрера на руководство нацией фашистские идеологи использовали аргументы иррационального характера. Они отбросили как чуждую «германскому духу» идею общественного договора, которая, согласно буржуазно-демократическим концепциям права, лежит в основе отношений между властью и управляемыми. На ее место были выдвинуты утверждения о мессианской роли «вождя», о фюрере как выразителе и олицетворении расового, национального и народного духа. Неограниченная власть концентрируется наверху, во всей полноте ею должно быть облечено только одно лицо — «вождь», фюрер. Понятие неограниченной власти исходит из того, что фюрер не только всемогущ, но и непогрешим. В официальных партийных документах национал-социалистской партии подчеркивалось, что власть фюрера не подлежит никаким ограничениям. Какая бы власть ни была предоставлена другим, она вытекает только из власти фюрера.

Один из главарей германского фашизма, Франк, да-

вал свою интерпретацию «фюрер-принципа», заявляя, что в сфере управления он предусматривает следующий порядок: всегда заменять решения большинства решением части или даже одной лишь личности, чья юрисдикция точно определена и чья единственная ответственность — это ответственность перед тем, кто над ним, и доводить это решение до тех, кто находится внизу.

Инструментами власти фюрера являются партия — НСДАП и назначаемые фюрером лица. В одном из официальных партийных документов НСДАП говорилось, что в Германии могут существовать только те организации, которые верны принципам «фюрерства» и национал-социалистскому пониманию государства и народа⁶. «Фюрер-принцип» лежал в основе всей гитлеровской государственной иерархической системы сверху донизу. Подобный антидемократический централизм как принцип организации власти прямо вытекал из антидемократизма как составной и неотъемлемой части нацистской идеологии.

Другой составной частью фашистской идеологии был антимарксизм, непримиримая враждебность научному социализму, коммунистическим партиям, организованному рабочему движению. Утверждение о якобы «несовместимости» марксизма с социализмом было одним из краеугольных камней нацистского мировоззрения. Как утверждали гитлеровские «теоретики», социализм представляет собой общественную модель национального типа и надклассового характера, в то время как коммунизм (нацисты предпочитали пользоваться термином «марксизм») — учение интернациональное, якобы не только игнорирующее интересы своей нации, но и подчиняющее их международным («плутократическим», «еврейским») задачам. Марксизм исходит из разделенности общества на антагонистические классы, что подрывает «национальное единство». С какой стати, говорил Гитлер, немецкий рабочий должен быть «братом» китайского кули, малайского пароходного кочегара, неграмотного русского сплавщика леса. Разве эти люди ближе ему, чем его немецкий работодатель?

Научный социализм был ненавистен нацизму прежде всего потому, что он провозглашает неизбежность и закономерность свержения эксплуататорского строя, конец господства империалистической буржуазии; потому, что он носит интернациональный характер и зовет к объ-

единению трудящихся всех стран против их капиталистических угнетателей; наконец, потому что он указывает пути построения социалистического, а затем коммунистического общества, основанного на социальном и политическом равенстве его членов, на подлинном гуманизме и демократии. Но кроме этого — и здесь отчетливо вырисовывается антидемократизм нацистской идеологии — марксизм был ненавистен фашизму еще и тем, что он выражает коренные интересы рабочего класса, т. е. той общественной силы, в которой фашисты справедливо видели своего главного врага.

Глубоко враждебная научному социализму нацистская идеология отнюдь не ограничивалась чисто «теоретическим» противопоставлением своих принципов идеям коммунизма. Борьба против коммунизма провозглашалась одной из главных практических задач фашистского движения. «Мы, национал-социалисты, можем с гордостью сослаться на то, что с самого начала наша борьба (против марксизма. — А. Б.) велась с неуклонной целеустремленностью и неослабевающим ожесточением», — заявлял главный нацистский идеолог А. Розенберг. «14—15 лет тому назад, — говорил Гитлер в 1933 г., — я заявил немецкой нации, что вижу свою историческую задачу в том, чтобы уничтожить марксизм... Это... священная клятва, которую я буду выполнять до тех пор, пока не испущу дух»⁷.

Антимарксизм гитлеровцев имел внутренний и внешнеполитический аспекты. И тот и другой отражали классовые интересы империалистической буржуазии и других реакционных слоев общества. Антимарксизм во внутренней политике призван был обосновать травлю коммунистов, преследование пролетарских революционеров, террор против организованного рабочего движения. Он давал также возможность настраивать массы против социал-демократии, которая периодически формировала правительственные кабинеты Веймарской республики и была широко представлена в рейхстаге, против левобуржуазной демократической интеллигенции. Тот факт, что социал-демократы на словах провозглашали себя сторонниками марксистского учения, давал нацистам возможность вести по ним огонь и в плане общих атак на марксизм. Антимарксизм внутри страны использовался также как один из аргументов антисемитской политики и пропаганды нацистов.

Внешнеполитический аспект антимарксизма нацистской идеологии принял прежде всего форму антибольшевизма, точнее, антисоветизма, т. е. неприкрытой враждебности к Великой Октябрьской социалистической революции и рожденному ею первому и единственному тогда в мире социалистическому государству рабочих и крестьян.

Ораторские дебюты Гитлера на массовых митингах конца 1920 и начала 1921 г. были в значительной мере посвящены призывам к вооруженной интервенции против Советской России. Идея крестового похода против Советской России в различных вариантах была лейтмотивом нацистской пропаганды на протяжении 20-х и 30-х годов; она нашла выражение в «25 пунктах» — эрзац-программе гитлеровской партии, в книге Гитлера «Моя борьба», в сочинениях Розенберга «Природа, основные принципы и цели НСДАП» (1922 г.) и «Миф XX столетия» (1930 г.). Последняя из этих книг занимала важное место в «теоретической» литературе нацистов.

Антисоветизм являлся неотъемлемым элементом и таких составных частей фашистской идеологии, как расовая теория, геополитика, культ силы и апология войны. Призыв к уничтожению социалистического строя в СССР и самого Советского государства варьировался по-разному. В одном случае речь шла о «натиске на восток» и «вытеснении славян», в другом — об увеличении «жизненного пространства» за счет России, в третьем — об использовании германской экономикой экономических ресурсов Советского Союза, в четвертом — об уничтожении «преступного коммунистического мировоззрения», в пятом — о «спасении» Европы от «нашествия большевистских варваров» и т. д. Но смысл всегда оставался неизменным: яростный, воинствующий антисоветизм.

Антикоммунизм в дальнейшем служил также «теоретическим обоснованием» политики подавления и удушения революционных освободительных движений, и в частности интервенции против Испанской республики, прикрытием для образования антисоветских агрессивных блоков («ось Рим — Берлин», «антикоминтерновский пакт»).

Из антидемократизма нацистской идеологии непосредственно вытекал и присущий ей, причем в самой реакционной форме, этатизм, или стэйтизм, — абсолютизация роли и значения государства, прямая апологети-

ка централизованной власти, проповедь необходимости полного подавления личности и «растворения» ее в подчиненных государству различных формах общности: в расе, народе, нации, в корпоративных объединениях различного характера («ты — ничто, твой народ — все»). В то же время государство и его многочисленные органы и институты рассматривались как орудие в руках фюрера.

Отказ от прав личности во имя целей, провозглашаемых государством, объявлялся основой поведения человека, немца, в обществе. В этом духе выдержаны «концепции» будущего государства — «третьей империи» в сочинении А. Розенберга «Миф XX столетия» и гитлеровской «Моей борьбе». Главный нацистский «теоретик» Розенберг посвятил проблемам государства три раздела своей книги: «Государство и общество», «Народ и государство» и «Новая государственная система». Смысл его туманных наукообразных рассуждений в конечном счете сводился к утверждению, что государство является воплощением расовой общности, народной общности, общности нации и крови. Цель государства состоит в сохранении и укреплении этих общностей. Не народ создает государство, заявлял Розенберг, а, наоборот, государство, возникшее как результат предначертаний судьбы, выраженных в воле «вождя», объединяет народ в нацию. В созданной им схеме: исторические судьбы — вождь — партия — государство — народ — нация — нет и не может быть места для человека, индивидуума, личности. Верность фюреру, государству и расе, согласно канонам нацистской идеологии, должна стоять превыше любых прав, свобод и благ отдельной человеческой личности. «Нет и не должно быть свободы личности»⁸, — говорил один из видных нацистских идеологов, Дитрих.

Нацистский этатизм выдавал политическую организацию общества по гитлеровскому образцу за проявление «естественного», соответствующего «расовому духу» порядка. Обожествление нацистского государства призвано было обосновать его право на вмешательство во все сферы жизни людей и общества. Немаловажное значение при этом имело и обоснование права государства на вмешательство в сферу частных интересов, в том числе интересов представителей «делового мира», что отражало получившие быстрое развитие при фашистской диктатуре тенденции государственно-монополистического

регулирования экономики в интересах крупного капитала.

Важнейшей составной частью нацистской идеологии была расовая теория. Розенберг подчеркивал, что само нацистское мировоззрение есть расовое сознание, расовое убеждение. Раса, согласно догмам нацистского мировоззрения, изначально, первична. Принцип «первичности» расы положен в основу и фашистской «теории познания», ибо, как утверждала нацистская идеология, истинно лишь то, что служит интересам расы. «Всеобъемлющий расовый дух нации — вот мера всех наших мыслей, чаяний, воли и дел, подлинный критерий всех наших ценностей»⁹, — писал Розенберг.

Вся история человечества рассматривалась нацистской идеологией как история борьбы двух рас: иудейско-сирийско-римской и арийско-нордической, воплощающих якобы различные противоборствующие типы. В основе различий этих двух расовых типов, по Розенбергу, лежат кроме биологических факторов (кровь!), также и разные расовые ценности. Арийцы, нордические народы, — это гордые рыцарские народы «долга и чести»; южные народы, «иудейско-сирийско-римская раса», на первый план выдвинули такие качества, как «любовь к ближнему и смирение, милосердие, покорность и аскетизм». Другие народы, например романские, славянские, Розенберг относил к «промежуточным расовым образованиям». Их историческая судьба, заявлял он, будет решена в итоге борьбы двух основных рас, причем «возрождение и подъем» этих «промежуточных расовых образований» возможны только в результате «творческого» вмешательства в их жизнь и развитие нордических народов.

«Содержание истории, — писал Розенберг, — не составляет больше борьба класса против класса, одной церковной догмы против другой. Ее содержание составляет борьба одной крови против другой, расы против расы, народа против народа. Ценности одной души приходят в противоречие с ценностями другой души. Историю надо рассматривать с точки зрения расы»¹⁰. К сожалению, заявлял он, постепенно «здоровые инстинкты» арийцев стали слабеть, виною чему явились культура и цивилизация, которые отодвинули на задний план идеи «чести и долга», свойственные северному человеку: они были вытеснены вооруженным иудейско-сирийско-римским

христианством. Идеалы низшей расы проникли в душу арийско-нордической расы, принизили и изменили ее, привели к ее одряхлению. Спасти арийскую расу может только радикальное оздоровление, ломка и переоценка всех ценностей. Необходим решительный отсев всего расово неполноценного, непригодного, необходимо возрождение расы и нации на основе «мифа крови» и «мифа свободной души». При этом процесс очистки и оздоровления расы должен идти как внутри ее, путем уничтожения «испорченных», слабых, непригодных представителей, так и вне расы, путем очищения ее от инорасовых групп, элементов и влияний. Например, в документе, который должен был подписывать каждый вступающий в ряды нацистской партии, содержалась клятва в том, что член НСДАП никогда впредь не вступит в какие-либо деловые отношения с неарийцами, не будет прибегать к их услугам, поддерживать с ними знакомство или другие связи.

Так же как и Розенберг, Гитлер провозглашал расу основой всего политического и духовного развития человеческого общества. Проблемы расы, заявлял он, имеют ключевое значение для решения всех вопросов мировоззрения, политики и экономики. Германская (арийско-нордическая) раса является носителем лучших человеческих качеств: верности долгу и чести, мужества и отваги, организованности и творческих потенций. Чем чище будет народ в расовом отношении, тем полнее он сможет выразить указанные качества. Такими качествами, какими обладает германский народ — лучший, верхний слой арийско-нордической расы, не обладает ни один народ на земном шаре. Все остальные испорчены «инорасовыми» примесями, которые породили в них «отрицательные качества». Немцы стояли на вершине гитлеровской расовой пирамиды, ниже были скандинавы и англичане (последние заражены «духом торгашества» и влиянием «плутократов»), еще ниже — французы и испанцы, затем итальянцы и румыны, много ниже — славяне. Среди азиатских народов избранной расой объявлялись японцы, за ними шли индийцы, затем корейцы, китайцы, ниже стояли негры. В самом основании расовой пирамиды были арабы и, наконец, на дне, за пределами понятия «пригодных для жизни» рас, — евреи; по гитлеровской терминологии, «недочеловеки», раса безнадежно испорченная и продолжающая отравлять другие, жизне-

способные расы, а потому подлежащая физическому истреблению. «Инструментом воплощения на практике политической доктрины Гитлера, — замечает польский историк Ф. Рышка, — становится разнузданный антисемитизм»¹¹.

Биологизированный антисемитизм в самой крайней форме, не признающий никакого другого способа решения «еврейского вопроса», кроме поголовного истребления всех евреев, был неотъемлемым элементом фашистской расовой теории. Антисемитизм выполнял в гитлеровской идеологии такую же социально-политическую функцию, как и в других реакционных, антинародных мировоззренческих системах. Как указывал В. И. Ленин, характеризуя политику царизма, последний «умел отлично использовать гнуснейшие предрассудки самых невежественных слоев населения против евреев»¹². По такому же пути шли германские фашисты, пропагандируя идеи антисемитизма, являвшегося «гнусным раздуванием расовой особенности и национальной вражды, производимым... эксплуататорскими классами...»¹³.

Лозунг «расовой чистоты» в годы фашистской диктатуры перешел в практику геноцида, приведшую к уничтожению миллионов русских, украинцев, поляков, чехов, евреев.

Прямым продолжением расовой теории явилась евгеника — «наука» о расовой чистоте и способах ее сохранения, а также о расовой гигиене. Согласно утверждениям фашистского «теоретика» Банзе, даже сама германская нация неравноценна в расовом отношении. Ее лучшую часть составляет нордический элемент, затем следует динарский, много ниже стоят восточнобалтийские и восточные элементы немецкой нации. Снижение «расовой ценности» Банзе объяснял наличием примесей крови романских и славянских народов. Эти утверждения были положены в основу «евгенической практики» нацистской Германии. Биологический аспект расовой теории воплощался в соответствующие практические меры, среди которых были и письменно разработанные инструкции об установлении степени расовой «порчи» и «неполноценности» в зависимости от наличия различных примесей неарийской крови и о методах обращения с лицами смешанного происхождения различных степеней¹⁴.

В книгах главного нацистского специалиста по аграр-

ным вопросам В. Дарре «Кровь и почва» и «Крестьянство как источник северной расы» главной опорой «третьего рейха» объявлялось расово чистое «дворянство крови и земли». Фашистская идеология рассматривала крестьянство как наиболее пригодный для роли носителя «расовых ценностей» социальный слой, так как оно якобы менее, чем жители городов, подвергалось инорасовым влияниям. Этот тезис, носивший чисто демагогический характер, вместе с тем преследовал цель противопоставить крестьянство рабочему классу.

Применяя к людям зоологические принципы и методы племенного отбора и выведения пород, евгеника ставила своей задачей добиться умножения расово полноценных экземпляров на основе антропологического отбора родительских пар. Следуя принципам евгеники, гитлеровцы создали даже специальную организацию — «лебенсборн», в рамках которой осуществлялось воспроизводство потомства «повышенной расовой чистоты».

«Раса и женщина никогда не должны быть предоставлены самим себе, — говорилось в одной из инструкций нацистской службы по делам евгеники. — Арийский герой должен быть постоянно на страже чистоты арийской расы и благополучия женщины. Мы требуем от члена этой благородной расы, чтобы он женился только на голубоглазой, с овальным лицом, розовощекой блондинке, с тонким носом. Беловолосый голубоглазый ариец ни в коем случае не должен жениться на смуглокожей женщине средиземноморского типа... Мы требуем, чтобы голубоглазый арийский герой женился на подобной себе арийской девушке с безупречным прошлым»¹⁵.

В нацистской Германии «научные» учреждения в области евгеники вместе со службами СС и НСДАП по расовым вопросам осуществляли аттестацию всего населения страны путем оформления «родословных», учитывающих чистоту арийского происхождения. При этом для зачисления в СС требовалась стерильная «расовая чистота» и отсутствие «неарийских» примесей не менее чем в пяти поколениях предков, а для поступления на службу в государственные учреждения и армию — не меньше чем в четырех.

Важной составной частью нацистского мировоззрения была фашистская этика, определявшая принципы и нормы нравственности и их роль в общественной и личной жизни. Этические категории долга, чести, досто-

инства, совести, счастья были реконструированы в духе основных догматов фашистской идеологии. Критерием здесь также служили расовые понятия — расовый дух, интересы расы. Само существование этических категорий мыслилось только внутри расы, за ее пределами они не признавались. На деле это означало, например, что, будучи связанным долгом в отношении фюрера, нации и своих соплеменников, немец, ариец, освобождался от него в отношениях с представителями других рас и народов. То же самое относилось к чести: она соблюдалась только в отношении расы и фюрера, верность им служила единственным доказательством чести. Нацистская этика оправдывала самые бесчестные поступки, более того, возводила их в ранг доблести и образцов для подражания, если они служили укреплению власти фюрера и по-нацистски понимаемым интересам расы и нации. Не только допускались, но и всемерно поощрялись донос, клевета, жестокость, бесчеловечность и прямое изверство, если их объектом был «враг фюрера и нации», пусть даже и соплеменник — представитель «высшей расы».

Один из главарей германского фашизма, Геринг, в свое время говорил: «Я делаю ставку на негодяя». «У меня нет совести, — любил повторять он, — мою совесть зовут Адольф Гитлер... Я не собираюсь соблюдать справедливость. — я должен лишь уничтожить и истребить, и ничего более!» Эти и многие подобные высказывания высокопоставленных гитлеровцев представляют образец фашистской этики. Вот пример того, как внушались молодежи принципы нацистской морали: «Мы можем быть бесчеловечными, но, если мы спасем Германию, мы выполним величайшую в мире миссию. Мы можем быть несправедливыми, но, если мы спасем Германию, мы возместим величайшую в мире несправедливость. Мы можем быть аморальными, но, если наши люди будут спасены, мы вымостим дорогу к морали»¹⁶. Вряд ли можно удивляться, что воспитанные на таких принципах гитлеровцы совершали преступления, перед которыми содрогнулся мир.

Нацистская этика поощряла фанатизм, считая долгом арийца слепое подчинение воле фюрера, а высшей честью — выполнение его предначертаний. Песня Хорста Весселя, ставшая нацистским гимном, воспевала убийство врага — коммуниста, еврея. Фашистская мораль учи-

ла, что нет более полного счастья, чем зрелище издыхающего врага, чем пролитие «чужой» крови. Обман, «нордическая хитрость», примененные против врага и принесшие успех, объявлялись высшей доблестью.

Нацистская этика отличалась показным, ханжеским пуританизмом. Гитлеровцы объявили «распущенность нравов» следствием буржуазных «плутократических», инорасовых влияний. Они запугивали немецкого бюргера также отсутствием моральных норм у «марксистов», которые якобы в случае прихода к власти произведут «обобществление» жен и детей. На словах гитлеровцы проповедовали незыблемость семейных устоев и супружескую верность, родительскую и сыновнюю добропорядочность и домовитость. Эта пропаганда обеспечивала нацистам дополнительные голоса на выборах и поддержку, особенно женской части населения страны.

Этические нормы нацистов, как известно, не только не препятствовали гитлеровцам совершать страшные преступления, бесчинствовать, насильничать и грабить, но даже поощряли их, если речь шла о «врагах фюрера и нации» или о представителях «низших рас». Палачи из гестапо, служащие концентрационных лагерей, каратели-эсэсовцы, как правило, имели свидетельство о «моральной безупречности» и считались образцовыми отцами семейств, добропорядочными сыновьями и вполне добродетельными супругами. Садистская изощренность, жадность мародера и равнодушие хладнокровного убийцы мирно соседствовали в душах этих людей со слезливой сентиментальностью и рачительной домовитостью примерного семьянина. Так обнаруживалась подлинная цена нацистской этики, которая, как и вся фашистская идеология, покоилась на лжи и лицемерии.

С расовой теорией как составной частью идеологии фашизма были теснейшим образом связаны также реакционный национализм и шовинизм. «Что мы обнаруживаем, анализируя фашистскую идеологию?» — спрашивал П. Тольятти. И отвечал: «Всего понемногу. Эта идеология эклектична. Но крайний национализм — повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений»¹⁷. Национализм нацистского образца исходил из того, что внутри самой арийско-нордической расы главенствующее положение должны занимать немцы как носители «высших» человеческих качеств. Первый пункт программы НСДАП — «25 пунктов» — провозглашал

требование объединения всех немцев (включая и немцев, живущих вне Германии) в «великую Германию», из которого вытекал призыв к нарушению суверенитета других государств, к вмешательству в их внутренние дела и к прямой агрессии. Воинствующий, агрессивный национализм лежал в основе всей нацистской пропаганды, педагогики, искусства и прежде всего политики.

Националистические, шовинистические мотивы весьма настойчиво звучали в программных документах, в устной и печатной пропаганде гитлеровцев. Это выражалось, в частности, во враждебности к славянским народам, которая всегда была характерной чертой пангерманских экспансионистских доктрин, рассматривавших страны, лежащие на востоке, как сферы традиционно германского влияния. Националистический и шовинистический характер носила начавшая складываться в первой половине 20-х годов нацистская «концепция» восточной политики. Она впитала в себя идеи крайне экспансионистских групп и максималистских военных кругов (представленных Гофмалом и особенно Людендорфом), которые были выработаны еще до первой мировой войны и усовершенствованы затем в свете ее националистически «осмысленных» уроков.

При помощи различного рода фальшивок идеологи германского фашизма настойчиво пытались доказать, что всю цивилизацию славянских стран будто бы создали «германские элементы», люди нордической расы. История Польши, Чехословакии, Литвы и Эстонии «переписывалась» ими наново; все позитивные моменты в развитии этих стран были приписаны «германскому началу». «Тот, кто ищет силу, которая в течение столетий творчески формировала восточное пространство в целом, — писал в брошюре, предназначенной для обучения кадров НСДАП, Э. Машке, — найдет ее только в немцах...»¹⁸

Гитлеровская идеология «усовершенствовала» бредни норманистов, утверждая, что русская культура и государственность были созданы немцами. Подобные «исторические изыскания» служили одной цели — обосновать «правомерность» завоевания славянских стран и создания «нордической» европейской империи под немецким управлением.

Нацистский национализм имел также отчетливо выраженный антифранцузский аспект. Он высокомерно третирует и другие народы мира, особенно населяющие

Восточную и Юго-Восточную Европу, служил «обоснованием» колониалистских претензий германского империализма.

Расовая теория и ее существеннейшие компоненты — реакционный национализм и пангерманский шовинизм стали «теоретической базой» другой составной части нацистской идеологии — культа насилия и апологии войны. В изданной в 1935 г. книге генерала Людендорфа «Тотальная война», в которой суммируются взгляды нацистов по военным вопросам, говорится: «Война и политика служат выживанию народа, но война есть высшее выражение народной воли к жизни. Поэтому политика должна служить ведению войны... Подобно тому как мы не можем избежать смерти, мы не в состоянии избежать и войны. Жизнь таит в себе зародыш смерти. Это судьба всякого живого...»¹⁹ «Война — это судьба...» — повторял фашистский социолог Г. Бюшер.

Согласно принципам нацистского мировоззрения, война неизбежна и необходима. Она должна вестись на основе крайней жестокости. «Никакой жалости, — призывал Гитлер. — Жестокость... Сильнейший владеет правом. Нужна величайшая жестокость»²⁰.

«Кто может оспаривать мое право уничтожать миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые?.. — вопрошал нацистский фюрер. — Нужно уничтожить 20 миллионов человек...»²¹ «...Будущая война, — продолжал он, — будет ужасной, кровавой, жестокой. Но война наиболее жестокая, война, которая не будет делать разницы между военными людьми и мирными жителями, будет также войной наиболее приятной... Я хочу войны, и все средства для меня хороши... Война будет вестись по-моему, война — это я»²².

Итак, право на насилие, воспевание аморализма и жестокости, апология солдатчины и культ войны как стержня всей мировой истории и ее движущей силы — все это неотъемлемые элементы фашистской идеологии.

На этом основывалась и так называемая геополитика. В сочинениях Банзе, Хаусхофера, Пфлюга, Функа доказывалось право «высшей расы» на расширение своего «жизненного пространства». Немцы, «молодая нация», изображались как «народ без пространства», стесненный на недостаточной территории «старыми», «дряхлеющими» нациями. В то время как немцы «задыхаются» в тесноте и не в состоянии реализовать свои «расо-

вые потенции», «старые» и «неполноценные» нации властвуют на огромных территориях. Эта «историческая несправедливость», заявляли фашистские идеологи, должна быть исправлена.

В первых пунктах программы НСДАП содержались выдержанные в духе геополитических идей требования отмены Версальского договора и создания «великой Германии» за счет земель, принадлежащих другим странам, в первую очередь Польше, Чехословакии, Советской России, для «пропитания и расселения» «избыточного» населения Германии.

В 1922 г. К. Хаусхофер через Р. Гесса, бывшего его адъютантом в годы первой мировой войны, а позже его студентом в Мюнхенском университете, познакомился с Гитлером. Нацистский фюрер с большой готовностью воспринял геополитические концепции Хаусхофера и позже воспроизвел их содержание в своей книжке «Моя борьба». Идеи геополитики буквально пронизывают сочинение нацистского фюрера, справедливо названное библией людоедов. Здесь фактически в законченном виде сформулированы направления и цели будущей агрессивной политики «третьего рейха», намечены основные контуры того человеконенавистнического «нового порядка», который позднее стали насаждать фашисты в поработанных ими странах Европы.

Внешнеполитическая «концепция» нацистов была в основном выработана в начале и середине 20-х годов. Она исходила из «необходимости» территориальных захватов в Европе и во всем мире. Нацисты планировали уничтожение Советского Союза и порабощение его народов, покорение Франции, установление блока с фашистской Италией и достижение союза с Англией или ее «нейтрализацию». «Границы, — говорил Гитлер, — не имеют никакого значения... Сила завоевателя доказывает несостоятельность каких-либо «прав»».

Гитлеровцы разработали подробный план построения будущей «немецкой Европы». Он носил ярко выраженный антиславянский характер. Большую часть чехов, поляков и других славян предполагалось переселить в Сибирь. Чехия и Моравия должны были войти в состав территориального ядра «третьей империи», окруженной «вассальными» государствами — Польшей, Украиной и другими, населенными «второстепенными» народами, численность которых подлежала сокращению любыми

средствами. Курс на уничтожение миллионов людей Гитлер объявил системой «планового хозяйства в области народонаселения».

В сборнике под названием «Чего мы ждем от национал-социализма», изданном в 1932 г.²³, в качестве главных объектов германской экспансии назывались Польша, Украина и Белоруссия, которые рассматривались как «естественный резерв расширения жизненного пространства» немцев. Особенно яростным нападкам подвергалось польское государство; его гитлеровцы объявили «нежизнеспособным организмом», существующим якобы вопреки законам исторического развития. Как и в ряде других документов гитлеровцев, здесь по существу проводился тезис о так называемых «сезонных государствах», якобы создаваемых искусственно на определенных этапах истории как промежуточные формы и не имеющих права на постоянное независимое существование.

Термин «сезонные государства» гитлеровцы широко использовали для оправдания своих захватнических планов в отношении Польши, а также Чехословакии.

С геополитикой был самым тесным образом связан реакционный «остфоршунг» («изучение Востока») — особая отрасль нацистской «науки», призванная обосновать «право» германского империализма на захват территорий стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Нацистский «остфоршунг» развивался параллельно и в соответствии с планами подготовки войны против Советского Союза и других восточноевропейских стран. «Остфоршеры» доказывали необходимость отрыва Советской Украины от СССР. Некий Шмидт опубликовал книгу «Украина — страна будущего», в которой откровенно отводил Украине роль сырьевой базы фашистского «рейха» и выдвигал план создания «независимого» украинского государства под германским руководством.

Одной из важнейших задач нацистского «советоведения» было доказательство «неправомерности» возникновения и развития социалистического общественного строя в СССР, дискредитация «русского коммунизма». При этом нацистские «советологи» широко использовали аргументы русских белоэмигрантов и немецких историков-шовинистов. Советский Союз рассматривался «остфоршерами» в качестве объекта политики «дранг нах Остен», государства, которое как коммунистическое со-

гласно доктринам фашистской идеологии подлежало ликвидации.

Как уже отмечалось, фашистская идеология основывалась не на научных, а на иррациональных аргументах. Ей была чужда какая-либо научная доказательность, ее «гносеологические» основы составляла система мифов, и в первую очередь миф расы. Отсюда закономерно вытекал антиинтеллектуализм, т. е. враждебность подлинной науке и культуре, духовной, рационально обусловленной сфере деятельности человека, которая, согласно нацистскому «вероучению», заглушает инстинкты, «смазывает» расовые ценности и качества. На практике это нашло проявление в гонениях на прогрессивную интеллигенцию и подлинную науку и культуру.

С антиинтеллектуализмом органически связан и конформизм как один из принципов, прямо вытекающих из самой сущности и целевых установок фашистской идеологии. Все, что не укладывается в принятые схемы в политике, быту, поведении, культуре, враждебно и находится за пределами «расового духа». Индивидуальность, утверждал Розенберг, может быть присуща лишь высшему, великому человеку (вождю, элите расы). В «великих людях» следует искать «первобытный феномен германской души». Все же остальные должны следовать раз и навсегда установленному порядку, подобному режиму прусской казармы. Именно в таком плане мыслилась идеологическая подготовка миллионов армий нерассуждающих, слепо повинующихся «вождю» фанатиков-ландскнехтов для осуществления далеко идущих планов империалистической буржуазии.

Фашистскому миропониманию свойственна однозначная оценка любых общественных явлений, апология «простых» волевых решений, осуществляемых «сильной властью», персонифицируемой в личности фюрера, политическая нетерпимость и органическое неприятие любых демократических институтов. В вопросах морали, вкусов, этики и эстетики гитлеровцы проповедовали консерватизм, воспевали патриархально-крестьянские или сословно-цеховые формы общения между людьми.

Обзор элементов, образующих идеологию нацизма, будет неполным, если не остановиться на такой существенной его части, как псевдосоциализм. В Германии, стране с многочисленным и хорошо организованным рабочим классом, связанным с передовым индустриальным

производством и имевшим многолетние и прочные традиции революционной борьбы, ни одна идеология, рассчитанная на привлечение широких масс, не могла игнорировать идеи социализма. Понимая это, нацисты стремились использовать социалистическую терминологию для расширения своего влияния. Они ставили своей задачей создать модель «национального», «немецкого» социализма, «освободив» его от марксизма. Суть этой модели заключалась в полном искажении научного социализма как мировоззрения, отражающего коренные интересы рабочего класса. На деле это означало отрицание классовой борьбы и «социализм» без социалистической собственности на средства производства и народовластия, без демократических свобод. Утверждая свой «национальный» образец социализма, нацистская идеология провозгласила войну на уничтожение марксизма и пролетарского интернационализма. Воинствующий антикоммунизм и антисоветизм стали основой нацистского мировоззрения. История буржуазной общественно-политической мысли не знает столь циничного и фальсификаторского использования внешних атрибутов и терминологии социализма для осуществления прямо противоположных целей, как это имело место у гитлеровцев.

«Фашизму, — указывал Г. Димитров, — удается привлечь массы потому, что он демагогически апеллирует к их особенно наболевшим нуждам и запросам. Фашизм не только разжигает глубоко укоренившиеся в массах предрассудки, но он играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях... Фашизм перехватывает в интересах самых реакционных кругов буржуазии разочарованные, отходящие от старых буржуазных партий массы. Но он импонирует этим массам *резкостью своих нападков на буржуазные правительства, непримиримостью своего отношения к старым партиям буржуазии*»²⁴.

Основы нацистского псевдосоциализма были заложены уже в «25 пунктах», провозглашенных в феврале 1920 г. Пункты 11, 13, 14, 16 и 17 содержали требования социализации трестов, участия трудящихся в прибылях на крупных предприятиях, ликвидации крупных универсальных магазинов и «процентного рабства», проведения аграрной реформы. Нетрудно заметить, что ни одно из этих требований, широко разрекламированных гитлеровцами как «социалистические», в действительности ни-

чего общего с социализмом не имело: вопросы о политическом строе, т. е. о власти, и об экономическом строе, т. е. о собственности на средства производства, оставались открытыми. Нацистская идеология декларировала «ликвидацию классов» при полном сохранении основы существующих в стране производственных отношений — частной собственности на средства производства. «...В нашей программе, — разъяснял Гитлер капиталисту Брейтингу, — под пунктом 13-м стоит социализация, но при чем здесь социализм? — Это скверное слово... Речь идет не о том, что эти предприятия должны быть социализированы, а только о том, что они могут быть социализированы, а именно: если они нарушат интересы нации»²⁵. О том, что соответствующие лозунги нацистской программы вовсе не имели в виду действительного участия рабочих в собственности и управлении производством, Гитлер говорил также Г. Шрассеру²⁶.

Итак, «социализм» при сохранении частной собственности на предприятия, банки и землю, при сохранении у власти «высших слоев нации» — империалистической буржуазии и юнкерства, генералитета и министерской бюрократии. Однако псевдосоциализм нацистов преследовал не только демагогические и пропагандистские цели завоевания политических симпатий масс.

«Радикальные» установки нацистов в социальной сфере сопровождались нередко критикой буржуазных политиков, осуществляемой «справа» с псевдосоциалистических позиций. Кроме того, фашистская идеология усиленно подчеркивала неразрывную связь «социализма» с четкой, централизованной организацией масс, необходимой для его достижения. Эта организация рисовалась нацистскими идеологами как своего рода крупномасштабная прусская казарма (разумеется, с необходимыми поправками на время и обстоятельства), в которой раз и навсегда уничтожены «классовые противоречия» и достигнуто «национальное единство», классовые организации пролетариата, и прежде всего его революционный авангард, ликвидированы, а «фюрер-принцип» пронизывает всю государственную и общественную систему от отдельного предприятия, где национал-социалистское единство возглавляет «фюрер-фабрикант», и до «рейха» в целом, возглавляемого фюрером Гитлером. При этом нацистская идеология утверждала, будто бы социализм — это социально-государственное устройство,

порожденное специфическим «немецким духом» и арийско-нордическим расовым типом. Так нацистский псевдо-социализм смыкался с расовой теорией — основой основ мировоззрения фашизма.

Идеология германского фашизма сложилась в основном в ранний период его истории. В последующие годы, и особенно в годы гитлеровской диктатуры и второй мировой войны, она была развита и «усовершенствована». Изуверские положения расовой теории были дополнены обоснованием геноцида — физического истребления целых народов; нацистская евгеника нашла естественное воплощение в эвтаназии — умерщвлении больных и инвалидов, а также в «лебенсборне» — системе запланированного разведения «высокопородных» людей; гитлеровская геополитика — в агрессии, ликвидации самостоятельных национальных государств и установлении «нового порядка» в Европе. Символом нацизма стали Освенцим и Дахау, Хатынь и Бабий Яр.

Идеология германского фашизма, как об этом убедительно свидетельствует анализ ее компонентов, представляла собой отражение экономических и политических интересов наиболее реакционных кругов германской империалистической буржуазии. Вместе с тем нацистское мировоззрение занимает особое место в ряду идеологических систем империализма, что определяется прежде всего его социально-политической функцией: будучи идеологией крайней реакции и отражая на деле глубоко враждебные трудящимся, громадному большинству нации интересы, мировоззренческие конструкции германского фашизма предназначались для овладения сознанием именно трудовых слоев населения. Это обстоятельство и определило специфические черты и особенности нацистской идеологии.

7

ВЕРБОВКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕХОТЫ

Важнейший вопрос о методах формирования массовой политической базы нацизма невозможно решить без тщательного анализа особенностей и специфических черт его идеологии, а также социально-психологических предпосылок ее распространения.

Как уже указывалось, мифотворчество есть сознательно осуществляемый, «планируемый» путь развития нацистской мировоззренческой системы, которая проникнута иррационализмом и враждебностью научному мировоззрению. Постулаты нацистской идеологии априорны. Они и не могут быть иными: ведь миф не может быть познан в опыте. Нацистское мировоззрение исходит из того, что знание (усвоение мифов) якобы присуще сознанию изначально, т. е. дано до опыта, вне его, независимо от него, и не нуждается в подтверждении опытом. Таковыми априорными являются основные положения идеологии германского фашизма — «учение» о превосходстве арийско-нордической расы над другими расами, миф об извечности войны, о стремлении к насилию как первичном качестве человеческой природы и т. д.

Нацистская идеология, являясь воплощением иррационализма и мистики, в то же время носила сугубо прагматический характер, отождествляя истинность и полезность, понимаемую, разумеется, с позиций социально-политических и экономических интересов крайне реакционных кругов. «Ничто так не похоже на хамелеона, как фашистская идеология, — отмечал П. Тольятти. — *Нельзя рассматривать фашистскую идеологию в отрыве от конкретной цели, которую фашизм намеревался достичь в определенный момент с помощью определенной идеологии*»¹. Прагматизм фашистского мировоззрения выпукло проявился, например, в таком его компоненте, как псевдосоциализм, проповедовавший, хотя и в крайне изуродованном и искаженном виде, идеи, органически

чуждые империалистической буржуазии. Прагматизм и беспринципность нацистского мировоззрения проявились даже в такой его основополагающей части, как расовая теория, являвшаяся, как известно, «святая святых» идеологии германского фашизма. Так, например, хотя первоначально нацистская иерархия ставила итальянцев и японцев на весьма низкие ступени расовой пирамиды, в дальнейшем внешнеполитические соображения побудили фашистских «теоретиков» пересмотреть список «привилегированных наций» и поднять японцев до уровня «арийцев Азии», а итальянцев освободить от обвинения в наличии «негроидных расовых примесей».

Идеология нацизма синтезировала отходы самых различных реакционных мировоззренческих систем, насколько не заботясь о внутренней стройности, цельности и логической обусловленности своей системы взглядов. Поэтому выдвигаемые ею «концепции» зачастую противоречили одна другой, а иногда и взаимоисключали одна другую. Так, например, идеи «социального дарвинизма», распространявшиеся нацистами не только на межрасовые, но и на внутрирасовые отношения, вполне уживались в системе нацистских взглядов с принципом «единства сословий» в рамках «общности всей нации».

Несмотря на то что в основе идеологии германского фашизма лежали мифы, псевдотеории и псевдоконцепции, ничего общего не имевшие с наукой и логикой, нацистскому мировоззрению удалось проникнуть в сознание миллионов немцев и завладеть им на многие годы. В стране, являвшейся родиной классической философии и наиболее теоретического народа Европы², справедливо гордившейся своими университетами, развитием общественно-политической мысли, высоким уровнем науки и культуры, получила широкое распространение идеология мракобесия, мистики и варварства.

Причины этого помимо исторических и общественно-политических предпосылок коренятся и в факторах социально-психологического характера. Нацистская идеология, рассчитанная на завоевание массовой базы, учитывала социальную психологию своих основных «потребителей» — мелкобуржуазных слоев населения, а также определенной части трудящихся: полупролетарских элементов города, малоквалифицированных рабочих, в большинстве недавних крестьян или ремесленников, крестьянства, некоторой части интеллигенции. Хотя Германия

была страной с весьма развитой индустрией и техникой, с высоким уровнем концентрации производства и капитала, с многочисленным организованным рабочим классом, социальная психология значительных по численности масс населения оставалась мелкобуржуазной. Социальные сдвиги, которые произошли в годы первой мировой войны и в начале межвоенного периода и в результате которых массы мелкой буржуазии оказались вырванными из привычных условий существования, обстановка экономической и политической нестабильности способствовали развитию таких настроений, как неуверенность в завтрашнем дне, озлобленность, ненависть «маленького человека» как к крупной буржуазии, так и к организованным рабочим, к парламентским буржуазно-демократическим порядкам в целом, в которых усматривался источник неустойчивости положения в стране, и вследствие этого тяготение к прочной, устойчивой власти, надежды на «сильную личность», которая окажется способной стабилизировать положение. Эти обстоятельства создавали весьма благоприятную среду для распространения нацистской идеологии. Стимулируя высвобождение самых низменных инстинктов, нацистские «социальные психологи» любили повторять слова фюрера: «Самые устойчивые чувства — это зависть, ненависть и страх».

Все постулаты нацистского мировоззрения в отличие от старых реакционных систем общественно-политической мысли были рассчитаны именно на особенности и характерные черты мелкобуржуазного сознания.

Мелкобуржуазное сознание предрасполагает к распространению и восприятию различных слухов. Люди предпочитают предаваться оптимистическим иллюзиям, нежели смотреть в лицо неприятной правде. (Примечательно, например, что под влиянием нацистской пропаганды в годы второй мировой войны сотни тысяч людей в Германии верили в то, что разгром группировки вермахта под Сталинградом — это «стратегическая оборона», воплощающая «гениальный замысел фюрера», или в то, что антигитлеровская коалиция непременно развалится на следующий же день после смерти президента США Ф. Рузвельта, а коренной перелом на фронтах в пользу «рейха» наступит в день рождения Гитлера, и т. п.)

Нацисты умело использовали и склонность обывателя

к ложно многозначительной ритуалистике. Практиковалось, например, сжигание на кострах головных уборов разных цветов и фасонов — котелков, шляп, кепок и т. п., которое должно было знаменовать национальное единение и устранение социальных и классовых различий. Известно также, какое широкое распространение получили факельные шествия по ночам, символизировавшие преемственность обычаев древних германцев.

Для немецкого бюргера, привыкшего к повиновению, к некритическому восприятию всего, что говорится с трибуны, немалое значение имело и то, что нацистские «идеи» преподносились в безапелляционном стиле, чаще всего в форме лозунгов, рассчитанных на внешний эффект. Любое сомнение, любая попытка самостоятельно вникнуть в суть догм нацистской идеологии уже считались посягательством на ее основы, и прежде всего на «фюрер-принцип». Идеология германского фашизма в принципе отрицала возможность рассмотрения ее основных положений с позиций причинной связи. Глава «Гитлерюгенда» Ширах писал в «Манифесте к немецким юношам и девушкам»: «Если молодежь не всегда в состоянии объяснить мотивы своей безоговорочной верности и повиновения фюреру, то это свойственно молодежи. Но когда кто-либо ставит вопрос «почему», он всегда должен встретить клич, с которым гитлеровская молодежь следует за фюрером: «Фюрер всегда прав! Нашу жизнь — за фюрера!»»³

Методы воздействия нацистов на массы на всех этапах подчинялись одной главной задаче: создать широкую базу фашистского движения, а позднее и фашистской диктатуры. Поэтому деятельность аппарата, призванного обеспечить распространение фашистского мировоззрения, основывалась на массовых формах агитации и пропаганды. В первые годы, когда нацисты еще не располагали прессой и другими средствами массовой информации, их пропагандистская деятельность осуществлялась в форме выступлений на митингах и собраниях. По мере налаживания и укрепления контактов с монополиями нацисты расширяли и рамки своей устной пропаганды. Они стали выходить за пределы пивных залов, снимали обширные помещения, где на созываемых ими митингах присутствовали тысячи людей.

Стараясь открыть своим «идеям» путь в офицерскую среду, Гитлер сблизился с кумиром милитаристов гене-

ралом Людендорфом. Последний играл все большую роль в поддержке нацистского движения.

Основные идеи германских фашистов Гитлер попытался изложить в книге «Моя борьба». Значительное место в ней занимает биография самого фюрера, написанная в духе беззастенчивой саморекламы. Цель автобиографических изысканий Гитлера сводилась к тому, чтобы внушить читателю мысль о своем мессианском предназначении.

Вопросам внутренней политики отведено сравнительно немного места. Ненависть к «демократическому безумию» и восхваление «фюрер-принципа», т. е. диктатуры «вождя» как единственно разумной основы государства, пронизывают каждую ее страницу. Значительно больше внимания уделено вопросам нацистской морали — «улучшению расы», укреплению семьи. Играя на настроениях мещанско-бюргерских слоев, Гитлер объявлял «падение морали» результатом чуждых расовых влияний и «демократических послаблений», которые якобы могут в конечном счете привести к «деградации нации». Отсюда следовал вывод: спасение нации и ее морали в «отчуждении» инорасовых элементов и в борьбе против демократических сил.

Гитлеровскую писанину от начала до конца пронизывает апология войны и насилия. Центральным пунктом всей нацистской внешнеполитической программы на протяжении всей истории германского фашизма оставалась идея о необходимости войны против Советского Союза. Ее развивали и другие представители фашистской верхушки, в особенности партийный «теоретик» Розенберг. Широко распространялась среди населения книжка Розенберга «Природа, основные принципы и цели НСДАП», изданная в 1922 г. Спустя восемь лет он опубликовал свое «основополагающее» сочинение «Миф XX столетия», в котором излагал принципы нацистского мировоззрения, взгляды германских фашистов на историю человечества, религию, государство, расовый вопрос, революцию, социализм, внешнюю политику.

Заслуги Розенберга в распространении нацистской идеологии были отмечены после прихода фашистов к власти присуждением ему «национальной премии». В постановлении о присуждении премии говорилось, что Розенберг «помог своими книгами заложить научные [!] интенсивные основы и усилить и укрепить философию

национал-социализма и сделать это самым лучшим образом»⁴.

«Чем больше ложь, тем легче ей верят», — цинично заявлял Гитлер. Этот принцип лег в основу методики нацистской пропаганды, на нем покоилось все здание нацистского пропагандистского аппарата, который возглавил Геббельс. Он был автором многих лозунгов, обращений, «постановщиком» всех фашистских пропагандистских инсценировок. «...Я из тех, — откровенно заявлял Геббельс, — кому надо сначала выбить все зубы, прежде чем он скажет правду...»

«Реконструкции» в духе нацистской идеологии подвергались мораль, религия и искусство, литературоведение и исторические науки, философия и естествознание, педагогика и психология.

Нацисты широко использовали в своей пропаганде сюжеты древнегерманских сказаний, легенд и мифов. Сказания о легендарных героях — Роланде, Зигфриде, Арминии и херусках, о Гамельнском крысолове и графине Кунигунде фон Орламюнде, о ландграфе Людвиге Тюрингском и многие другие самым бесцеремонным образом интерпретировались в духе фашистских идей, искажались их подлинное содержание и смысл. Так, доблестный Зигфрид, действующий в «Песни о нибелунгах», изображался как предтеча гитлеровских эсэсовцев, а предводитель варварских племен Арминий был даже канонизирован нацистской литературой и историографией.

Анализ условий развития нацизма будет неполным без объяснения того, почему массовое сознание оказалось восприимчивым к фашистской идеологии, какие общественные настроения способствовали этому, иначе говоря, каковы были социально-психологические предпосылки возникновения и расширения нацистского движения в Германии. В. И. Ленин, подчеркивавший необходимость всестороннего подхода к анализу сложнейших общественных явлений, неоднократно указывал, что нужно «уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. ...массы», изучать «настроение масс», не упускать из виду, что «масса... поддается иногда — особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями — поддается настроениям несколько не передовым»⁵.

Вопрос о тесной взаимосвязи социальной психологии и истории впервые в советской литературе получил глубокое освещение в трудах Б. Ф. Поршнева и А. Я. Гуревича⁶, а вопрос о роли общественных настроений — в трудах Б. Д. Парыгина, В. Н. Колбановского, А. К. Уледова, А. И. Горячевой и А. Г. Ковалева⁷. Ряд коренных вопросов социальной психологии, связанных с условиями зарождения и развития германского фашизма, нашел отражение в работах А. А. Галкина, В. В. Загладина и Ф. Д. Рыженко, С. Ф. Одуева, Б. А. Шабада, С. Н. Фрумкина и других исследователей⁸. Однако многое в этой области остается еще не выясненным; в частности, общественное настроение и те его особенности, которые подготовили почву для ядовитого посева нацистских идей, не были предметом специального исследования. Между тем некоторые особенности общественного настроения в Германии в начале 20-х годов совершенно очевидно способствовали распространению нацистской идеологии, развитию фашистского движения в стране и создали предпосылки для быстрого восприятия нацистского мировоззрения в 30-х годах — накануне и в годы гитлеровской диктатуры.

Разумеется, говоря о настроениях населения, необходимо разграничивать группы и слои последнего, беря за основу классовый принцип. Общественные настроения рабочего класса, особенно передовых революционных рабочих, и, например, верхушки буржуазии, конечно, не совпадают и не могут рассматриваться как некое целое. Однако между настроениями отдельных, даже антагонистических классов и социальных групп нет и не может быть «герметических перегородок», а конкретные носители этих настроений хотя и относятся к различным социальным группам, не изолированы друг от друга. Общественные настроения обладают способностями взаимопроникновения и взаимовлияния вследствие социальной диффузии, происходящей непрерывно в капиталистическом обществе. Общественные настроения, преобладающие, например, на том или ином этапе среди рабочего класса, оказывают определенное влияние и на крестьянство, с которым пролетариат тесно связан тысячами нитей, и на мелкобуржуазные слои, в состав которых хотя и не часто, но все же переходит некоторая часть рабочих. Однако в гораздо большей степени настроения мелкобуржуазных, так называемых средних, слоев проника-

ют во все остальные слои современного общества, так как именно средние слои в условиях империализма вообще, а в критических, острых ситуациях в особенности являются наименее стабильной, в наибольшей степени «размываемой» социальной средой, из которой постоянно рекрутируются пролетарские и полупролетарские элементы общества, а также и люмпен-пролетариат. Весьма подвижны грани, отделяющие мелкую буржуазию от средней и крупной буржуазии, от военщины и чиновничества. И если в сфере экономики, образа жизни, степени обеспеченности они прослеживаются достаточно четко, то чисто в психологическом плане эти грани трудно уловимы, и, по-видимому, не будет преувеличением сказать, что социальные настроения мелкобуржуазных, т. е. средних, слоев в силу специфики их положения и места, занимаемого в структуре буржуазного общества, оказывают особенно большое влияние на все население страны. Это особенно справедливо для переходных периодов, когда происходит быстрая и коренная ломка установившихся взаимоотношений в обществе, рушится устоявшаяся иерархия отношений, идет ломка психологических стереотипов, пересматривается утвердившаяся в сознании людей шкала социальных ценностей и понятий. Кризисы, войны и революции выступают в качестве катализаторов социальной диффузии, что усиливает заражение различных слоев и групп общества настроениями, преобладающими в средних слоях.

Нацистская идеология не могла бы получить широкого распространения и столь быстро проникнуть в сознание миллионов, если бы не определенные социально-психологические традиции и предрассудки, укоренившиеся в сознании мелкобуржуазных, мещанских слоев и распространившиеся также на некоторую часть рабочего класса.

Предрассудок представляет собой установку предвзятого или враждебного отношения к чему-либо без достаточного для такого отношения основания или знаний. Анализ гносеологических корней предрассудков показывает, что они возникают как результат неполного или искаженного познания объекта, или, иначе говоря, на основе невежества, незнания, неполного знания, неправильно понимаемой ассоциации или аналогии, воображения или предположения. Фашистские идеологи и пропагандисты учитывали, что предрассудки имеют ирра-

циональную основу, не подлежат проверке логикой, что они переходят от поколения к поколению и обладают большой устойчивостью и живучестью. Предрассудки изживаются с трудом, часто не «стираются» даже в результате многолетнего обучения и образования. Иногда человек стыдится присущих ему предрассудков и старается их не обнаруживать, но последние так или иначе влияют на его поведение, а нередко служат решающим мотивом того или иного поступка.

Во влиянии предрассудков проявляются закрепленные в сознании людей пережитки традиций «всех мертвых поколений», которые «тяготеют, как кошмар, над умами живых»⁹. Это особенно характерно для мелкобуржуазной среды и для тех социальных элементов и групп, которые рекрутируются из мелкобуржуазных слоев и сохраняют соответствующие «родимые пятна» в своем сознании.

К числу таких социально-психологических традиций и предрассудков следует отнести этноцентризм, национальную спесь и чванство, милитаристский дух, пресмыкательство перед вышестоящими и амбициозно-тщедушную заносчивость перед теми, кто стоит на социальной лестнице ступенькой ниже.

Предрассудки выражаются в том, что в сознании людей, образующих определенную национально-этническую общность, наличествуют представления о собственной этнической или национальной исключительности и одновременно недоверие, подозрительность и враждебность по отношению к представителям «не своей» нации или этнической группы, конформизм по отношению к национальным традициям, обычаям и нравам. «Иностранцам», представителям «чужой» расы приписываются ложные этнические или национальные стереотипы, их восприятие основывается на некритически усвоенных, искаженных представлениях и суждениях. На общности враждебных установок в отношении «не своей» расы или нации базируется националистическая групповая солидарность. Обычно подобные представления влекут за собой также отрицание интернациональных ценностей и традиций и т. д.

Одним из весьма живучих предрассудков было закрепленное вековой практикой немецкой буржуазии недоверие к демократии, ассоциирующейся в сознании мелкобуржуазных слоев с анархией, развязывающей рево-

люционную энергию угнетенных и несущей угрозу политической и экономической нестабильности. Используя это, нацисты натравливали своих сторонников на коммунистов и других демократов.

Причины появления и развития этих социальных предрассудков следует искать в далеком прошлом, в особенностях средневекового развития Германии, для которого характерны крайняя ничтожность феодалов, трусость и склонность к компромиссам немецкой буржуазии, не сумевшей до конца последовательно решить ни одного из коренных социальных вопросов ни в эпоху Реформации, ни в период тридцатилетней войны, принесшей «всеобщее одичание как войск, так и народных масс». Известно, что, используя слабость буржуазии, князья терроризировали, унижали и грабили немецкий народ, а раздробленность парализовала экономическое развитие Германии. Что касается буржуазии, то в условиях раздробленности, провинциальности и политической униженности она едва ли могла обладать какими-либо иными качествами, кроме узколобой ограниченности, ханжества, торгашества, страха и политического бессилия. Эти качества не были устранены ни в процессе незавершенной буржуазно-демократической революции 1848 г., ни в последующие годы — эпоху «железного канцлера» и империи кайзера Вильгельма I.

Консервативный «пруссский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве Германии способствовал сохранению феодальных пережитков не только в сфере экономических и социальных отношений. Он обусловил их сохранение и в сфере сознания, в частности в сфере социальной психологии. Униженность и бесправие крестьянства, «освобожденного» от крепостничества в результате прусского аграрного законодательства 1807 г., продолжали оставаться его уделом на протяжении всего последующего времени. Создание крупных сельскохозяйственных предприятий за счет разорения многих крестьянских семей вело к превращению масс крестьян в городских пролетариев. Но, становясь ими, крестьяне еще долгое время сохраняли в сознании, взглядах, стремлениях сильные пережитки мелкобуржуазности, социальные предрассудки крепостнических времен. С другой стороны, развитие крупной промышленности вытесняло во все больших масштабах ремесло, а также мелкие и средние предприятия. Сотни тысяч бывших «хо-

заяв» пополняли ряды пролетариев и полупролетариев. Однако в сознании всех этих новых «рекрутов» пролетариата длительное время сохранялись прежние вкусы, взгляды, этика, мораль и т. д.

Поражение кайзеровской Германии в первой мировой войне, Великая Октябрьская социалистическая революция в России, буржуазно-демократическая революция 1918 г. в Германии и революционный подъем последующего пятилетия, Версальский договор с его несправедливостями вызвали у политически незрелых мелкобуржуазных масс растерянность и панику, новые приступы враждебности демократическим, революционным силам, страх перед социалистической революцией и рабочим классом, жажду реванша и ненависть к чужеземцам-«поработителям», смешанную с завистью к удержавшимся на поверхности крупным капиталистам, новые волны национализма, шовинизма, антисемитизма. В синтезе с социальными предрассудками, накопленными столетиями, эти взгляды и настроения образовали в сознании большей части населения именно тот тип социальной психогаммы, который оказался особенно восприимчивым к идеологии германского фашизма.

Специфической чертой германской действительности первых послевоенных лет, как известно, была острая экономическая и политическая нестабильность как целых классов и групп, так и отдельно взятых семей и индивидуумов. Неуверенность в завтрашнем дне, призрачность и неустойчивость сегодняшнего существования породили в больших масштабах настроения страха (перед будущим), ненависти (к врагам подлинным и мнимым) и зависти (в отношении тех, чье положение являлось или представлялось предпочтительным), уныния и пессимизма, перемежающихся с полуутопическими фантазиями. Все эти настроения имели вполне объективную почву для роста и распространения. Постоянная боязнь инфляции, банкротства и разорения, безработицы, лишения пенсии, повышения цен на предметы первой необходимости, произвола чиновника, работодателя и домовладельца, разрушения семьи и краха существовавших морально-этических норм ежеминутно, ежедневно рождала настроения страха, который психически угнетал, держал в постоянном напряжении и раздражении миллионы людей в стране. Известно, что в индивидуальном плане страх относится к числу самых отрица-

тельных эмоций. Это справедливо и в социально-психологическом плане. Накопление страха в обществе деформировало отношения между людьми, рождало подозрительность, неуверенность, готовность бросаться из крайности в крайность, легковерие, сочетающееся с недоверием и подозрительностью как по отношению к «своим», так и в особенности по отношению к «чужим». Польский историк Ф. Рышка справедливо отмечает, что атмосфера страха была важнейшим фактором, который воздействовал на психику масс с точки зрения воспитания в них расистских идей гитлеризма. Страх господствовал на всех уровнях социальной иерархии.

Конкретные исторические условия послевоенной Германии, которая испытывала гнет как со стороны империалистических стран-победительниц, навязавших ей грабительский Версальский договор, так и со стороны отечественных монополий и крупных аграриев, стремившихся в максимальной степени переложить тяготы политических и экономических ограничений на плечи трудовых слоев населения, способствовали формированию и закреплению относительно устойчивых психологических форм самосознания значительных по масштабам общностей людей, объединяемых общим понятием «мы» по отношению к противостоящей общности, источающей различного рода опасности и страдания, — «они».

Одной из основ групповой солидарности «мы» в условиях Германии начала 20-х годов был страх перед крайней неустойчивостью социально-экономического положения — сюда входят и экономические, и социальные, и даже престижные соображения. Но необходимой предпосылкой возникновения психологической общности «мы» является существование некоего противостоящего понятия «они». Кто же в конкретных условиях Германии тех лет играл роль «их»? «Они» — это те, которых ненавидят и боятся; в условиях Германии это были люди, разбогатевшие на войне, обретшие политические и экономические преимущества, — американцы, англичане и французы, немецкие владельцы банков и универсальных магазинов, но также и левые, революционные пролетарии (они, согласно легенде, «вонзили нож в спину воюющей нации»), и коммунисты («они хотят лишиться нас остатков собственности и положения самостоятельных хозяев»), и русские («они хотят привести на Рейн казаков»), и другие славянские народы («они занимают ис-

конные немецкие земли, стесняют наше жизненное пространство»), и особенно евреи («они ворочают ростовщическим капиталом, объединены в единый всемирный заговор и паразитируют на теле немецкого народа»). Общее для всей психологической общности «мы» настроение страха перед своими подлинными и мнимыми врагами («они») выразилось в чувстве ненависти и тесно связанном с ним чувстве зависти.

Большую роль в культивировании страха и ненависти играл постоянно пропагандируемый миф об угрозе заговора. Шла речь о «заговоре марксистов», «заговоре евреев» или «заговоре плутократов». Идея якобы перманентно существовавшего «заговора» постоянно навязывалась реакционными политическими силами, и в первую очередь нацистами. Гитлеровцы, по их собственному признанию, исходили из того, что «публика» всегда предпочитает поверить разоблачению, хотя бы и на 90 процентов не доказанному, чем опровержению, хотя бы оно было обосновано на все 100 процентов. Применительно к психологии мелкобуржуазных масс, озлобленных поражением в войне, тяготами и несправедливостями Версаля и потрясениями послевоенных лет, это было в общем верно. Миф о «заговоре» позволял раздувать антикоммунистическую и антисемитскую истерию, будоражил человеконенавистнические инстинкты, способствовал росту фанатизма. Здесь уж было не до логики и научной доказательности. Расчет делался не на рассудок, а на эмоции и взвинчивание нервов.

Поскольку речь идет о таких социальных слоях, которым чуждо чувство классовой солидарности и для которых характерны полная политическая неискушенность, плохая осведомленность, существование предвзятых, некритически усвоенных и эмоционально окрашенных стереотипов, стандартизированных суждений и конформизма по отношению к традициям своей среды, заряды ненависти не реализовывались, как правило, в организованной классовой борьбе, в осознанном стремлении ликвидировать самые корни социального беспорядка и нестабильности. Основанная на таких социальных эмоциях, как страх, зависть и ненависть, общность «мы» была на редкость обнаженной и простой по своей структуре (например, «аудитория» огромных мюнхенских пивных залов) и поэтому, как справедливо отмечал Б. Ф. Поршнев, особенно подверженной действию таких

социально-психологических механизмов, как «взаимное заражение» (контагиозность).

Чтобы пояснить сказанное, приведем следующий пример. В переполненном театральном зале вспыхнул пожар. Если до этого все сидящие в зале не представляли собой психологической общности, некоего «мы», то сразу же после возникновения опасности возникла устойчивая на определенное время общность, созданная одной, на данном этапе доминантной, эмоцией (страха) и одним стремлением (как можно быстрее выбраться из зала). Структура возникшей здесь временной общности предельно проста, но кому неизвестно, что именно в подобных условиях, как никогда, сильно взаимное заражение, охватывающее массу. Можно, по-видимому, проследить определенную закономерность, которая состоит в том, что, чем проще и обнаженнее структура той или иной социальной общности, чем в большей мере основывается она на эмоциях, питающих и регулирующих настроение, тем больше она поддается заражению, особенно взаимному заражению. Возникающее на такой основе настроение — извращенная форма групповой солидарности, как отмечает Б. Ф. Поршнев, несет ясно выраженный отрицательный заряд, направлено против чего-либо или кого-либо и не содержит конструктивного начала.

Для социального настроения мелкобуржуазных масс в Германии первых лет Веймарской республики характерна и другая извращенная форма групповой солидарности — обострившаяся националистическая психология. «Мы» — немцы — противостояли в сознании огромного большинства населения «им» — не немцам, иностранцам, и в особенности единственному относительно многочисленному национальному меньшинству, «вкрапленному» в население страны, — евреям.

Большое значение имело формирование определенных установок массового сознания, т. е. подхода к личностям, ситуациям, идеям, процессам, системам и социальным общностям. Объединяя в своей структуре как рациональное, так и эмоциональное начало, при ведущей роли последнего, установка возникает обычно сравнительно легко, весьма часто на основе предрассудков, плохой или неполной информации, искаженных представлений и опыта. Установка всегда имеет позитивную или негативную направленность, но никогда не яв-

ляется нейтральной. Она также не предполагает самокритичной оценки со стороны ее носителей и субъективно представляется им истинной.

Реакционные политические силы вообще, германские нацисты в частности целенаправленно формировали нужные им установки в массовом сознании на основе создания негативных социальных и национальных стереотипов. Так, гитлеровцы еще в начале своей деятельности в 20-х годах усиленно создавали выгодные им стереотипы, например «обездоленного и преданного врагам немца», «кровопийцы ростовщика и банкира», «разрушителя семьи и нравственных начал» — марксиста, «захватчика»-большевика, «разрушителя арийской расы» — еврея, «прогнившей и коррумпированной власти» в буржуазно-демократической Веймарской республике, «негроидных народов» — французов и итальянцев, «душителей германских национальных интересов» — англичан.

Утверждение этих и подобных стереотипов в массовом сознании отнюдь не влечет за собой немедленной и непосредственной реакции поведенческого характера, однако в критических и острых ситуациях они могут быть легко использованы для провоцирования соответствующих, выгодных для тех или иных политических сил практических действий. Этим, по-видимому, можно в определенной степени объяснить тот факт, что идеи нацизма, имевшие в начальный период развития фашизма сравнительно небольшое количество открытых приверженцев, распространились с быстротой эпидемии чумы в годы экономического кризиса, предшествовавшие захвату власти гитлеровцами.

Нацистская пропаганда сумела не только уловить, но и ловко использовать в своих интересах такие черты индивидуальной и социальной психологии, как подавленные и нереализованные инстинкты мелкобуржуазной массы, ее страсть к специфически понимаемому самоутверждению престижного характера, стремление к удовлетворению социальных и индивидуальных амбиций, к психологическому «реваншу», подогреваемое своеобразным «комплексом социальной неполноценности», особенно присущим мелкой буржуазии в условиях высокоразвитой капиталистической страны.

Нацистское мировоззрение было обращено не к разуму, не к логическому мышлению и научному знанию,

а к незрелому, отсталому общественному сознанию. Нацисты спекулировали на невежестве и неопытности мелкобуржуазных масс и части трудящихся. Они беззастенчиво использовали различные социально-психологические установки, основанные на предрассудках, укоренившиеся в сознании стереотипы, конформистский подход к реакционным традициям, привычкам и обычаям, создавая на их основе выгодные для себя стереотипы, понятия, оценки и в конечном счете настроения.

Социально-психологические предпосылки распространения фашизма в Германии, сложившиеся еще в 20-х годах, проявились не сразу. Но они спонтанно подготовили массовое сознание значительной части населения к относительно быстрому восприятию нацистской идеологии в тот период, когда в силу экономических и политических факторов фашизм стал быстро укрепляться и затем захватил власть в Германии. Существование, хотя и в зачаточной форме, определенных социальных настроений подготовило почву для успешного внедрения идеологии нацизма в сознание значительной части населения страны, способствовало заражению нацистской идеологией миллионов людей, которые в большинстве слепо следовали за Гитлером, став орудием страшных преступлений фашизма перед миром и человечеством.

Социальная демагогия и идеологическая обработка масс в нацистском духе играли не меньшую роль, чем террор, в процессе развития и укрепления фашизма в Германии, подготовки и осуществления агрессии и других преступлений фашизма. Если бы фашистская идеология не проникла в сознание значительных слоев населения Германии, длительное существование нацистского движения и режима было бы невозможным.

8

АЛИБИ — РЕТРОСПЕКТИВНО

Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге, вынесенный в октябре 1946 г., признал руководящий состав национал-социалистской партии виновным «в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной...»¹. Преступной организацией были объявлены также СС. Относительно гитлеровских штурмовых отрядов (СА) в приговоре Международного трибунала сказано, что, являясь «сильной рукой партии», они играли важную роль в установлении нацистского режима террора в Германии, использовались для преследования и устранения политических противников и для охраны концентрационных лагерей, где зверски обращались с заключенными. Как подчеркивалось в приговоре, СА «представляла собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода»².

Руководящий состав гитлеровской партии, отряды эсэсовских бандитов и головорезов-штурмовиков сформировались еще в 20-х годах и представляли собой детище раннего периода развития нацизма. Инструменты кровавой политики германского фашизма, они стали символом бесчеловечности, насилия, политического изуверства и бандитизма.

Открыто опровергать приговор суда народов, прямо и недвусмысленно реабилитировать фашизм в наши дни решаются только неонацистские авторы³. Они воздают хвалу гитлеровцам 20-х годов, изображая их как истинных патриотов, выразителей германского «национального духа», отрицают преступную сущность политики и идеологии нацизма, восхищаются антикоммунизмом фашистов. Г. Зюндерман, например, восхваляет Гитлера за то, что он «был первым, кто понял непосредственную опасность, которую представляет большевистская сис-

тема Советского Союза» для Запада. Его единомышленник У. Валенди называет штурмовиков и эсэсовцев «лучшими сынами народа»⁴, а Г. Граберт — «первыми рыцарями объединенной Европы»⁵. Граберт не скрывает своей приверженности фашистской расовой теории. Он утверждает, будто и «проблемы расы... национал-социализм все-таки решал успешно и благотворно; не следует чернить эти результаты, а надо положить их в основу дальнейшего развития»⁶. В апологетическом нацистском духе выдержаны и издающиеся в ФРГ большими тиражами воспоминания военных преступников фон Шираха и Шпеера, книги о Р. Гессе, написанные его женой и сыном, мемуары вдовы Риббентропа и др.⁷

Хотя масштабы распространения неонацистской «исторической литературы» не уменьшаются, влияние ее на сознание населения не следует преувеличивать. Книжки, восхваляющие фашизм, как говорится, «в лоб», хотя и состоят на вооружении у неонацистов и других «ультра» в ФРГ, успеха у широкого читателя не имеют. С определенной брезгливостью относятся к ним и «респектабельные» буржуазные историки.

Буржуазная историография раннего фашизма не является однородной. В ней можно выделить несколько направлений, которые выдвигают на первый взгляд различные концепции, однако все их объединяет неспособность определить социальную сущность фашизма и последовательно и безоговорочно осудить его. Как правило, буржуазные историографы фашизма либерального и даже консервативного направлений в отличие от неонацистов избегают откровенной реабилитации гитлеровской диктатуры и совершенных ею преступлений. Оправдывать в наши дни фашистскую агрессию, истребление и порабощение народов, фашистский «новый порядок», крематории Освенцима и Майданека — дело рискованное и по многим причинам не сулящее успеха. Однако, будучи вынужденными признать, хотя и с множественным оговором, преступный характер фашистской диктатуры в Германии, многие буржуазные историки неистово реабилитируют фашистское движение додиктаторского периода, т. е. ранний период развития нацизма, когда последний еще не стоял у власти в Германии, а гитлеровцы находились в «оппозиции».

Буржуазная историография раннего фашизма в Германии представлена значительным количеством работ.

Среди них монографии, освещающие отдельные стороны борьбы гитлеровцев за власть, комментированные издания документов нацистов 20-х годов, биографии фашистского фюрера и его сообщников, воспоминания. По количеству публикаций, касающихся германского фашизма 20-х годов, первенство принадлежит американским и западногерманским авторам, которые в общем отстаивают одни и те же концепции. Суть их при нередко довольно большом различии в частностях сводится к тому, что появление фашизма явилось результатом развития так называемого «индустриального общества», фазой «технологической революции», которая в условиях Германии была будто бы «недостаточно тесно связанной с демократическим Западом» и проявилась в возникновении фашизма. В изображении американцев Дж. Моссе, П. Друкера, Б. Моора, А. Органски, Д. Джермани фашизм в Германии возник как ответ недостаточно развитого общества на вступление страны в «индустриальный век», как проявление несоответствия между неразвитостью общества и «эффективной технологической революцией»⁸. При этом фашизм изображается как некий ускоритель технологического, а стало быть, и общественного прогресса.

Известный американский социолог Сеймур Липсет настойчиво развивает концепцию фашизма как движения мелкой буржуазии. Для всех направлений американской буржуазной историографии характерно стремление изолировать ранний германский фашизм от монополистического капитала и реакционной военщины и представить его как антибуржуазное движение, «средне-классовый феномен», как нечто чуждое капиталистическому обществу.

Отчетливо звучит в трудах американских буржуазных историков раннего фашизма и мотив враждебности к народным массам, которые якобы породили фашизм, явившийся следствием «радикализации» широких слоев населения и выражением протеста против традиционных политических институтов «западного мира» и «открытого общества». С. Липсет пишет, что фашизм был восстанием неорганизованных против организованных, протестом «маленького человека против большого бизнеса и большого труда»⁹. Определяя фашизм как «бунт средних слоев и низов» и осуждая его за «революционность», направленную на разрушение социального фун-

дамента, буржуазные историки США используют свои выводы для оправдания антидемократической политики и обоснования тезиса о «деструктивной роли» народных масс в историческом процессе.

Излюбленным приемом американской буржуазной историографии раннего фашизма является идентификация нацистского «радикализма» и «радикализма слева», т. е. борьбы революционного пролетариата против капиталистической эксплуатации и всевластия монополий, за коренные демократические преобразования. Как утверждают, например, Дж. Моссе, Г. Шульц, Д. Орлов, Ю. Вебер, Дж. Вейсс, фашизм появился как ответ масс «справа» на выступление левых сил, гитлеровцы «были или хотели быть революционерами», а «большевизм явился фашизмом левых»¹⁰. Таким образом, хотя и косвенно, ответственность за появление фашизма возлагается на левые силы, на революционное движение рабочего класса.

Реакционные историки пытаются создать, особенно у молодежи, искаженное представление о фашизме, вытравить из сознания народов память о кровавых делах гитлеровцев. Характеризуя ранних нацистов как «радикалов» и даже «революционеров», кощунственно сравнивая их с якобинцами, историки-антикоммунисты стремятся скомпрометировать подлинно революционные и прогрессивные силы, действующие в современном мире, и прежде всего партии рабочего класса.

Марксистско-ленинскому определению фашизма буржуазные историки пытаются противопоставить свои определения, такие, например, как «реакция на марксизм», или даже «копия марксизма»¹¹, или «антимарксизм, который стремится уничтожить противника путем радикально противостоящей, но тем не менее смежной [!] идеологии с применением почти идентичных методов». Встречаются также оценки фашизма как «негативного синтеза» национализма и социализма¹² и т. п.

Западногерманские историки Г. Франц-Виллинг, К. Центнер, В. Мазер, Э. Дойерляйн в пространных «трудах» о раннем нацизме на «новых» материалах пропагандируют мысль о том, что в 20-х годах гитлеровцы якобы отражали «национальные устремления» немцев¹³. Напрасно было бы искать в этих писаниях подлинные факты о тесных связях «ранних» фашистов с крупными монополиями и банками, уже тогда вложившими нема-

лые средства в многообещающую партию Гитлера. Нет там ни слова о яростном антикоммунизме и антисоветизме нацистского руководства, еще в 20-х годах призывавшего к организации крестового похода против Советской России. В работах ряда буржуазных историков фашизм на первый взгляд подвергается осуждению и критике, однако не как политическое явление, порожденное реакционной монополистической буржуазией, а как «противник», «разрушитель» традиционного буржуазного правопорядка, как воплощение «радикальных» и даже «революционных» и «социалистических» тенденций, существующих в современном капиталистическом мире. В соответствии с этой концепцией захват власти гитлеровцами изображается как «национальная революция», а гитлеровцы и их партия — как «праворадикальные революционеры», которые якобы отражали интересы широких слоев общества — мелкой буржуазии, крестьянства и значительной части рабочего класса. Так, западногерманский буржуазный историк Э. Францель в книге под названием «Империя коричневых якобинцев» пытается обнаружить какое-то политическое родство между якобинцами, пролетарскими революционерами и... гитлеровцами. Социальную сущность германского фашизма Э. Францель определяет специально придуманным для этой цели термином «неогерманско-фашистское якобинство»¹⁴.

Буржуазные историки заявляют, будто бы несовершенство политического механизма Веймарской республики выдвигало неизбежную альтернативу: либо «революция» справа, либо социалистическая революция. В их трудах настойчиво звучит утверждение о двух «вариантах социальной революции» в современную эпоху — фашистском и коммунистическом. В таком духе высказывался, например, на XIII Международном конгрессе исторических наук западногерманский историк Э. Нольте. Вопреки очевидным фактам он пытался доказать, будто бы фашизм имел некую «народную» природу, а захват власти гитлеровцами объяснял лишь гнилью парламентской буржуазно-демократической системы. В работах Э. Нольте фашизм предстает в качестве «антикапиталистической» силы, обладавшей на определенных этапах некоей «динамической революционностью»¹⁵.

Такие историки, как Г. Мау, Г. Краусник, В. Конце, Г. Ротфельс, Г. Бухгейм, К. Бухгейм, М. Брошат, Т. Фо-

гельзанг и другие, игнорируя классовую сущность фашизма как одного из инструментов политического господства империалистической буржуазии, стараются доказать, что нацистское движение носило «радикально-революционный» характер¹⁶.

В унисон с западногерманскими реакционными историками выступают некоторые социологи и историки США, Англии, Франции. Автор книги «Социальная революция Гитлера», вышедшей в 1966 г., американский историк Д. Шёнбаум утверждает, например, что в фашизме всегда преобладали антикапиталистические, «революционные» тенденции¹⁷. В гитлеровской партии «были революционные элементы», заявляет Д. Хогган. Английский автор Б. Гранцов в книге «Зеркало нацизма. Английское общественное мнение и возвышение Гитлера в 1929—1933 годах» объявляет Гитлера «пролетарским революционером», а его идеологию — «революционно-разрушительной»¹⁸.

В буржуазной историографии отчетливо прослеживается тенденция представить германский фашизм начала 20-х годов как весьма пестрое в социальном отношении движение, включавшее в себя «революционное и леворадикальное» течения. Поэтому-де нацизм 20-х годов резко отличается от нацизма периода после 1933 г. своим «радикализмом» и «романтизмом».

Американец Г. Дж. Гордон, например, следуя канонам реакционной историографии, все время проводит параллель между Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии и ноябрьским путчем фашистов в 1923 г. Лишь последний, по мнению Гордона, был подлинной революцией¹⁹. Автор на все лады превозносит «мужество», проявленное Гитлером во время «пивного путча», «независимый» характер его действий, инициативу.

Противопоставление фашизма как «движения» фашизму как «диктатуре» — излюбленный прием тех историков, которые тщатся доказать «революционную» природу фашизма. «Фашизм как система является врагом фашизма-революции — к такому выводу приводят современные истолкования»²⁰, — пишет неонацистский журнал «Nation Europa». Кроме попытки обосновать таким образом тезис о «радикализме» раннего национал-социализма указанное утверждение преследует еще одну немаловажную цель: оправдать легальное существование в ФРГ, Италии и других капиталистических

странах правоэкстремистских, неонацистских партий и организаций, запрета которых справедливо требуют коммунисты, все прогрессивные демократические силы.

Реакционные историки в своих фальсификаторских упражнениях используют сравнительно недостаточную изученность раннего периода истории германского фашизма. Кроме того, они старательно обходят тот факт, что, выдвигая в своих программных документах «антикапиталистические» требования, гитлеровцы не собирались осуществлять их на деле, а после прихода к власти откровенно и цинично отбросили их.

Обращаются к отдельным вопросам истории раннего фашизма и буржуазные авторы либерального направления. Некоторые буржуазные историки под давлением неоспоримых фактов признают важную роль крупного капитала в развитии фашистского движения (например, Г. Момзен, Д. Петцина, Б. Вайзброд). Среди работ западногерманских буржуазных историков, посвященных раннему национал-социализму, особое место занимает монография Рейнгарда Кюнля, рассматривающая взаимоотношения между различными группировками в рядах гитлеровской партии²¹. Как уровень исследования, так и серьезная источниковедческая база этой работы делают ее заметным явлением в западногерманской историографии фашизма. Автор стоит на демократических позициях и оценивает национал-социализм как величайшее зло, содержащее даже в первые годы своего существования зародыш будущей катастрофы для немецкого народа. Р. Кюнль отбрасывает тезис о единоличной виновности Гитлера в преступлениях нацизма, вместе с тем отсутствие четкого представления о классово-экономической сущности фашизма мешает ему убедительно опровергнуть эту точку зрения. Однако работы, подобные книге Кюнля, его учителя В. Абендрота и некоторых других исследователей, главным образом так называемой марбургской школы, стоят особняком в западной историографии фашизма.

В поисках «прогрессивных тенденций» и доказательств «революционности» фашистского движения буржуазные исследователи обращаются к политической программе нацизма 20-х годов, нередко именуемого «романтическим национал-социализмом». Аргументами в пользу «радикализма» гитлеровцев служат при этом ссылки на их многочисленные демагогические заявле-

ния, рассчитанные на привлечение в ряды фашистского движения средних слоев населения и определенной части трудящихся.

Эту особенность программы нацистов уже разоблачил в свое время Г. Димитров. Он говорил: «Почему германские фашисты, эти лакеи крупной буржуазии и смертельные враги социализма, выдают себя массам за «социалистов» и свой приход к власти изображают как «революцию»? Потому, что они стремятся эксплуатировать веру в революцию, тягу к социализму, которые живут в сердцах широких трудящихся масс. Германии... Фашизм... обставляет свой приход к власти как «революционное» движение против буржуазии от имени «всей нации»...»²²

Безуспешными являются поиски каких-то «революционных» и «радикальных» тенденций в выступлениях «раннего» Гитлера и его сообщников. Достаточно, например, обратиться к речам фюрера в период 1919—1920 гг., чтобы убедиться, что все они содержат злобные нападки на марксизм, планы интервенции против Советской России, призывы «отправить на виселицу либералов» и выпады антисемитского характера. Публичные выступления фашистских главарей и их программа представляли собой смесь цинизма с демагогией, рассчитанной на обман масс.

Миф о «революционности» и даже «социалистическом характере» германского фашизма служит подкреплением так называемой доктрины «тоталитаризма». Эта доктрина, в основе которой лежат идентификация нацистской идеологии и теории научного коммунизма, фашистской диктатуры и реального социализма и объединение их в едином понятии «тоталитарных режимов», особенно настойчиво пропагандируется противниками разрядки международной напряженности, сторонниками политики «с позиции силы» по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Подобные «теоретические» построения имеют свои далеко идущие цели. «Кошмар красного фашизма, — отмечают американские ученые Л. Адлер и Т. Патерсон, — посеял страх в сознании целого поколения американцев и оказал воздействие на события «холодной войны» и на ее проводников»²³.

Реакционные историки изощряются в поисках таких «определений» фашизма, которые бы фиксировали его

«связь» с социализмом и затушевывали их коренную и непримиримую противоположность и враждебность как систем политической власти и мировоззрений антагонистических социальных сил — монополистической буржуазии и рабочего класса. Цель этих «определений» состоит в том, чтобы представить фашизм как инородное тело в капиталистической системе, а монополии изобразить в качестве «жертв» нацизма.

Миф о «радикализме» и «революционности» нацистов в период их борьбы за власть тесно связан со стремлением буржуазных историков оклеветать германский рабочий класс и возложить на него вину за установление фашистской диктатуры. Игнорируя или искажая факты, свидетельствующие о борьбе революционного пролетариата Германии против фашистской опасности, замалчивая статистические данные, неопровержимо доказывающие, что в рядах сторонников Гитлера находилась лишь незначительная часть классово отсталых рабочих, а основу массовой базы нацизма составляли мелкобуржуазные слои населения, буржуазные авторы упрямо твердят о «контрреволюционности» германского пролетариата.

В ряде работ, рассчитанных, вероятно, на неосведомленного читателя, делаются попытки оклеветать международное коммунистическое движение, Коминтерн, КПСС и КПГ, возложив на них вину за усиление фашизма в Германии и захват власти гитлеровцами. Некоторые авторы вопреки фактам пытаются доказать, будто бы КПГ в начале 20-х годов вообще игнорировала активизацию фашизма в стране. Они замалчивают, например, принятие еще осенью 1923 г. воззвания, в котором коммунисты сигнализировали о нарастании фашистской опасности и призывали к усилению борьбы с ней²⁴. Отдельные реакционные историки пытаются даже протащить совершенно чудовищно звучащее утверждение о том, что гитлеровская партия в период с 1928 по 1933 г. будто бы осуществляла совместные действия с немецкими коммунистами, выполнявшими «соответствующие распоряжения Москвы». Подобные «открытия» содержатся в «трудах» Г. фон Рауха, Г. Хильгера, Г. Вебера и др.²⁵

Однако подлинные факты легко изобличают адвокатов фашизма, не оставляя камня на камне от вымыслов фальсификаторов. Прямым подлогом, в частности, явля-

ется утверждение о «совместных действиях» коммунистов и нацистов. Ведь известно, например, что еще в 1922 г. на своем IV конгрессе Коммунистический Интернационал обратил особое внимание на необходимость борьбы против фашистской опасности²⁶. На основе глубокого и всестороннего анализа международной обстановки VII конгресс Коминтерна выработал действенную политику единого рабочего и народного фронта как главного средства борьбы против фашизма. Творчески претворяя в жизнь решения VII конгресса Коминтерна, немецкие коммунисты, ушедшие в подполье, определили стратегию, тактику и методы борьбы против гитлеровской диктатуры. Широко известна также последовательная борьба Советского Союза на международной арене против нараставшей фашистской угрозы, за предотвращение агрессии и создание системы коллективной безопасности.

В современной буржуазной историографии фашизма все большую роль играет «психологический» аспект. Из области социальных явлений фашизм переносится в сферу психологии и даже психиатрии. Это проявляется прежде всего в стремлении представить фашизм вообще и ранний его период в частности как проявление извечной агрессивной и эгоистической природы человека и присущих ему разрушительных инстинктов. В. Рейх, например, в книге «Массовая психология фашизма», вышедшей в свет более 30 лет назад, утверждает, что возникновение фашизма объясняется «ножницами» между «развитием экономического базиса, которое направлено влево (читай — индустриализация и концентрация производства. — А. Б.), и развитием идеологии широких слоев общества, которое идет вправо»²⁷. Но такое утверждение Рейха игнорирует факты: ведь общеизвестно, что распространение и влияние идей демократии и социального прогресса среди широких масс приняло особенно большие масштабы. В этих идеях подавляющее большинство населения планеты видит не только мощный ускоритель общественного развития, но и инструмент борьбы против империалистического угнетения, войны и агрессии. Тот же Рейх в работе «Половая зрелость, воздержание и супружеская мораль» рассматривает распространение фашистской идеологии как результат «общественного регулирования половой жизни людей». Массовая фашизация, по В. Рейху, явилась свое-

образным ответом людей на подавление их инстинктов «общественной моралью»²⁸.

Известный американский социолог и психолог Э. Фромм пытается объяснить фашизм как реакцию на психологические стрессы в условиях современного капитализма, а формирование массовой базы нацистов обосновывает «уникальным садо-мазохизмом среднего класса»²⁹. Консервативный западногерманский историк И. Фест также объявляет возникновение и развитие нацистского движения реакцией на «подавленную сексуальность»³⁰.

Одной из главных причин появления фашизма на политическом горизонте Германии в начале 20-х годов американский философ Г. Маркузе считает «десублимацию» агрессивных влечений, таящихся в человеческом подсознании, и «политическую мобилизацию несчастья» — неустроенности, неуверенности в завтрашнем дне, неудовлетворенности, которые сопровождают существование «одномерного», т. е. стандартно мыслящего, конформистски ориентированного, человека современного «индустриального» общества³¹.

К чему ведет абсолютизация психологического и бихевиористского подхода к оценке фашизма, убедительно показывают «выводы», к которым пришел французский автор М. Бардеш. Он объясняет фашизм лишь как определенное психологическое настроение людей, общества в целом, характеризующееся склонностью к решительным, «волевым» действиям независимо от того, к какой цели они направлены³². Американский историк Дж. Моссе приписывает фашизму роль преобразователя человеческой природы, носителя духовного возрождения, коренных перемен во всем мире, импонирующего чаяниям и настроениям творческой интеллигенции³³. И здесь, как мы видим, фашизм выведен за рамки общественных явлений и рассматривается как психологическая, культурная или этическая категория.

Западногерманские историки социал-реформистского направления Х. Гребинг, В. Теймер и К. Хорн также объясняют возникновение фашизма и действия его зачинателей, включая нацистского фюрера, «невротическими влияниями» и «иррациональными силами», якобы таящимися под спудом в подсознании масс, а также толкуемыми с позиций фрейдизма личными качествами Гитлера — садо-мазохистским типом его характера,

зовых печей в гитлеровских лагерях смерти «стрессовой ретроспективой» — устойчивым воспоминанием Гитлера, испытавшего отравление газом на фронте в годы первой мировой войны³⁹.

На такой «основе» строится концепция фашизма как явления, подлежащего изучению не столько исторической наукой, сколько медициной — патологической физиологией и психиатрией. Известно, что психически больных людей не судят — их лечат. Невменяемый не несет юридической ответственности за совершенные им действия, даже такие, которые носят преступный характер. Но в таком случае возникает вопрос: почему нацисты сумели овладеть на довольно длительный период времени сознанием значительного числа людей и повести их за собой? Здесь на помощь историкам-фрейдистам приходит их же собственный тезис о «массовой душе», которая целиком и полностью зависит от действий отдельной личности и отдает предпочтение иррациональным импульсам. Распространение фашизма и его влияние объясняют «эпилептическим припадком немецкого народа», выпавшим на его долю «мистическим наваждением». В. Теймер утверждает о дремлющих в массах «иррациональных, демонических инстинктах»⁴⁰, представляющих собой питательную среду для фашизма, а его соотечественник Ф. Бауэр пишет, что «массы всегда находятся на грани преступности, они всегда скрыто готовы совершить преступление. Нацизм давал им эту возможность, так как его фюреры были преступными личностями»⁴¹.

Итак, фашизм — это следствие психических заболеваний отдельных личностей и целых народов, «шизофрения» нации, прорыв «бессознательного» в сферу политики и общественной жизни, проявление врожденной преступности, подавленной сексуальности, садизма и мазохизма — все что угодно, только не порождение вполне реальных классовых и политических сил, не законное детище системы империалистического господства! Можно ли удивляться, что при подобном подходе к истории фашизма его генетическая природа остается невыясненной, а подлинные силы, вызвавшие его к жизни, — реакционные круги монополий и военщина оказываются совсем не причастными к величайшей трагедии в истории немецкого и других народов. Такой вывод естественно вытекает из рассуждений авторов, которые

вольно или невольно изолируют социальные силы, породившие фашизм, от него самого, выдавая при этом индульгенцию первым и находя «смягчающие вину» обстоятельства для второго. Примером могут служить биография Гитлера, написанная И. Фестом, книги западногерманского социолога А. Митчерлиха, историков Х. Гребинг, М. Фрейнда и книги известных американских историков У. Лангера и Д. Толанда⁴². Даже в работах на первый взгляд чисто исторического характера, как, например, книга американского историка Д. Орлова «История нацистской партии в 1919—1933 годах», сильно ощущается психоаналитический подход к объяснению явлений. «...Первоначально, — пишет Орлов, — причины вступления в руководящую группу партии (нацистской. — А. Б.) носили социопсихологический характер»⁴³. Но подобное утверждение, начисто абстрагирующееся от политических, классовых факторов, не может претендовать на объяснение такого сложного процесса, как формирование нацистской партии. Американец Р. Батлер утверждает, что именно «баварцы являлись той частью расы, которая с величайшим энтузиазмом воспринимала идеи «национальной регенерации»»⁴⁴. Так «объясняет» автор причины возникновения в Мюнхене нацистского движения. О существовании некоей «национальной мистики», проложившей путь фашизму, пишет и Дж. Моссе⁴⁵. Английский историк А. Гамильтон характеризует фашизм как «систему идолов»⁴⁶ и т. д.

Тенденция к «десоциализации» фашизма и к абсолютизации психоаналитической концепции его истории откровенно проявляется в так называемой «гитлеровской волне», или «буме гитлериады», в современной буржуазной литературе о фашизме, особенно западногерманской.

Спекулируя на обывательском интересе к частной жизни «знаменитостей», реакционные историки и «политологи» все более широко выдвигают на авансцену «персональный аспект» истории германского фашизма. Изображая фашизм как некий «феномен» прошлого, они призывают отказаться от анализа его как социального явления, стать на позиции «беспристрастности», отречься от «эмоциональных оценок» и «изучать» лишь индивидуально-психологические особенности гитлеровских главарей с «чисто человеческой» точки зрения. Такой уклон таит в себе серьезную опасность. Он рас-

считан на неосведомленность значительных масс, особенно молодежи, знающей о прошлом лишь из книг, на неискушенность миллионов далеких от политики людей, уверенных, что прошлое уже никогда не сможет повториться.

Далеко не последнюю роль играют здесь коммерческие соображения: литературу о фюрере и его приближенных, заполненную сентиментально-слезливыми подробностями и картинами ужасов, щекочущими нервы читателя, сдобренными сексом и психоаналитическими «изысканиями», раскупают, что называется, нарасхват. Напуганный нестабильностью капиталистического строя, неразрешимостью присущих ему острых социальных конфликтов, а в последние годы и острейшим экономическим кризисом, безработицей, инфляцией и другими потрясениями, западный обыватель ищет в подобном чтении забвения и ухода от действительности. Немало среди западноевропейской публики и таких, кто чтением профашистской литературы утоляет свою ностальгию по временам «третьего рейха», тоску по «сильной личности», которая в состоянии разом покончить с «демократической распущенностью».

Устроители зловещего политического маскарада — распространители книг, статей, фильмов о фашистских главарях, как правило, не афишируют своих политических симпатий и рядятся в тогу «объективных» летописцев и хронистов. Они не упускают возможности «пожурить» героев своих писаний, показать их «человеческие слабости». Но все это в конечном счете лишь с одной целью — вызвать сочувствие к ним, оправдать их в глазах читателя. «Не судите и не судимы будете» — такова в общем мысль, к которой подводят читателя биографии Гитлера, Геринга, Гесса, Риббентропа и других фашистских главарей. «Кто без греха — пусть первый бросит в него камень» — не случайно это библейское изречение было использовано в качестве эпиграфа к одной из многочисленных статей, призывающих помиловать военного преступника Гесса. И призывы к всепрощению отнюдь не остаются неслышанными.

Диапазон современной «гитлериады» весьма широк⁴⁷. Солидные монографические «исследования», написанные с позиций мнимой объективности, многочисленные «серии» журнальных статей, рассчитанные на массового читателя, брошюры для «легкого чтения», кино-

и телефильмы, грамзаписи речей нацистских руководителей или воспоминаний о них, публикации писем и дневников видных гитлеровцев и приближенных к ним лиц, фотоальбомы и портреты, изображающие хозяев «третьего рейха» в различные периоды их жизни и в разнообразных ракурсах, пособия для коллекционеров фашистских орденов и медалей, переиздания комплектов нацистских газет — таков далеко не полный перечень средств, используемых профашистской пропагандой на Западе.

«...Это был мягкий, добродушный и отзывчивый человек... Он плакал, не будучи в состоянии видеть страдания своей больной собаки. Когда однажды ему случилось побывать на бойне, он потерял сознание при виде бычьей крови. Мясную пищу этот человек отвергал из принципиальных соображений: ему бесконечно жаль было убитых животных...» Вряд ли читатель, не знакомый с книжным рынком современной Западной Германии, сможет догадаться, что эти слова написаны о бывшем нацистском фюрере, главе фашистской банды, кровавом маньяке, вошедшем в историю как одна из самых зловещих фигур.

Именно в самые последние годы в странах Запада в огромных масштабах издаются книги о Гитлере. Личности фюрера посвящаются и монографии объемом в несколько сот страниц, и серии в еженедельниках и иллюстрированных журналах, и книжки, предназначенные для «детского чтения», мемуары бывших «соратников», друзей детства и дальних родственников. Бум «гитлериады» буквально захлестывает книжные магазины Гамбурга и Мюнхена, Брюсселя и Антверпена, Парижа и Лондона. Только в 1972 г. американские книжные издательства выпустили в свет 19 книг о фюрере. На телевизионных экранах западных стран Гитлер стал, что называется, «своим человеком»: его роль исполняют наиболее популярные актеры, режиссеры изощряются в поисках пикантных и сенсационных сюжетов с целью «раскрытия» образа фюрера. Рассказы и воспоминания очевидцев о Гитлере весьма высоко котируются на книжном рынке: журналисты вытаскивают из политического небытия людей, которые в свое время каким-либо образом сталкивались с нацистским диктатором. Секретарша, повара, шоферы и массажисты фюрера, портнихи и камеристки его любовницы Евы Браун, до-

жившие до наших дней соученики молодого Адольфа по реальной школе в Линце и сослуживцы ефрейтора Гитлера по кайзеровской армии — все они стараются повыгоднее продать свои воспоминания и впечатления, ставшие таким ходовым товаром. Они дают полный простор своей фантазии: на поверхность всплывают все новые «факты», эпизоды, штрихи, помогающие формировать миф о фашистском фюрере. Крупнейшие издательства ФРГ, возглавляемые бывшими гитлеровцами — Зюндерманом, Шютцем, Финком, массовым потоком выпускают книги о Гитлере; пресса Шпрингера еженедельно сообщает читателям «новые» сенсационные подробности из его жизни и быта⁴⁸. Учитывая моду на биографии фюрера, выдержки из них печатают и такие отнюдь не профашистского типа популярные издания, как журналы «Шпигель» и «Штерн». Сотни грампластинок с записями речей Гитлера, иллюстрированных выпусков, посвященных его жизни, в буквальном смысле слова наводняют прилавки магазинов и киосков.

После выхода уже упоминавшейся книги И. Феста о Гитлере западногерманская газета «Вельт ам зоннтаг», захлебываясь от восторга, писала: «Теперь, наконец, жизнь Гитлера по-настоящему изучена...»⁴⁹ Поставленный И. Фестом в 1977 г. кинофильм «Гитлер — история карьеры» буржуазная пресса назвала «особенно ценным»⁵⁰. Сам Фест высказался о нем следующим образом: «Гитлер представлял Германию и эпоху... Он видел себя не как разрушителя, а как спасителя запуганного мира... Он... освободил немцев от унижений, вызванных Версальским договором... Гитлера нельзя рассматривать односторонне, следует воспринимать его комплексно»⁵¹. Фильм «Гитлер — история карьеры» был воспринят всей антифашистской демократической общественностью как вызов⁵². Особую тревогу вызвало решение руководящих органов народного образования ФРГ включить его в число учебных пособий для школьников.

О чем же хотят поведать читателям и зрителям авторы литературной и кинотелевизионной «гитлериады»? Может быть, о бесчисленных преступлениях кровавого маньяка, мечтавшего превратить Европу и весь мир в гигантский концентрационный лагерь? Или о Германии, ставшей мрачным застенком в годы фашистской диктатуры, страной, где полыхали костры и зловеще чадили

трубы крематориев? Или, может быть, о циничных откровениях фюрера, призывавшего к истреблению «низших» рас?

Ничего подобного. Об этом, как и о многих других делах преступника номер один, в чтиве о Гитлере, предназначенном для массового потребления, нет и помина. Зато о «маленьком шалуне» Адольфе написаны десятки книг. Один из авторов, некто Кубичек, назвавший свои воспоминания «Адольф Гитлер — мой школьный товарищ», заявляет, например, что Гитлер-ребенок обнаружил способности к рисованию, был романтичным и увлекающимся мальчиком⁵³. Особенно большое внимание биографы нацистских вожаков уделяют раннему периоду германского фашизма. Известно, что уже тогда Гитлер призывал к крестовому походу против большевистской России. Именно в эти годы были организованы первые погромы в Германии, преданные Гитлеру молодчики избивали коммунистов, создавались первые фашистские банды, которые потом превратились в охранные отряды (СС) — главное орудие гитлеровского террора. Но ничего этого нет или почти нет в биографиях фюрера и воспоминаниях о нем. Здесь «застенчивый» и «мягкий» Гитлер играет на рояле любимого Вагнера, ласкает домашних животных и ведет застольные беседы с друзьями.

Амнистийные мотивы в «жизнеописаниях» Гитлера проявляются настолько сильно, что в некоторых книгах буржуазных историков фюрер выглядит чуть ли не противником антисемитизма. Так, английский автор Д. Ирвинг утверждает, будто бы Гитлер всегда был против антисемитской политики нацистов, а о массовом уничтожении евреев он узнал лишь в конце этой акции⁵⁴.

Однако столь беззастенчиво искажать истину все же небезопасно и нерасчетливо. Хотя большинство населения капиталистических стран имеет весьма туманное представление о подлинной истории германского фашизма, чудовищные преступления гитлеровской клики, совершенные в период утверждения ее господства в Германии и в дальнейшем на временно оккупированных территориях других стран, достаточно широко известны. Поэтому большинство буржуазных авторов, пишущих в наши дни о Гитлере, избегают чрезмерного восхваления фюрера и объявления своих целей, как говорится, «в лоб». Конечно, заявляют они, фюрер был человеком (хотя и не-

заурядным, феноменальным и т. п.), и, как всякому человеку, ему присущи были и достоинства и недостатки.

Аскет и романтик, мечтатель-одиночка, «человек с пылкой душой» — таким предстает перед читателем Гитлер тех лет, когда он как осведомитель контрразведки рейхсвера появился в одной из мюнхенских пивных, где нашел своих единомышленников — озлобленных подонков, составивших ядро национал-социалистской партии. Фюрер, утверждают его биографы, был в эти годы больше художником, чем политиком, он был «революционером», мечтавшим о «блага ближних». Один из наиболее плодовитых «гитлероведов», В. Мазер, автор нескольких «фундаментальных» трудов о фюрере и десятков статей, настойчиво приписывает Гитлеру высокие «интеллектуальные» качества — эрудицию в различных областях науки, любовь к искусству и т. п. Мимоходом признавая малограмотность нацистского фюрера, который был не в состоянии написать страницы без орфографических ошибок, недостатки его воспитания и манер, Мазер замечает, что все это не более чем «издержки феноменального таланта»⁵⁵. Напрасно было бы искать в книгах немцев Мазера, Дойерляйна, Хорна, англичан Коллина, Пэйна и других даже упоминания о политических дебютах Гитлера в мюнхенских пивных, когда, захлебываясь в истерике, он еще в 1921 г. призывал повесить «ноябрьских преступников», убивать коммунистов, раздавить большевистскую Россию. «Он был больным человеком, поэтому не может быть строго судим», — резюмирует В. Мазер. «Он был добрым и отзывчивым», — утверждает этот же автор и в подтверждение приводит в книге «Письма и заметки Гитлера» поздравительные открытки и письма, написанные фюрером в разное время.

А где же Гитлер, известный всему миру как автор «Моей борьбы» — этой библии людоедов, вдохновитель плана «Барбаросса», организатор «нового порядка» в Европе, системы геноцида и истребления целых народов? «Доброе и злое начала уживались и соседствовали в его душе», — утверждают биографы Гитлера, стоящие на позициях психоанализа. Так, американец У. Лангер, который еще в годы войны составил для руководства США «психограмму» Гитлера, а ныне опубликовал ее с комментариями, между прочим, пишет: «Если бы подобное изучение личности Гитлера было предпринято на много лет раньше и велось бы без всякого давления, на основе

разносторонней информации, полученной из первых рук, вероятно, не было бы никакого Мюнхена»⁵⁶. Итак, беда, оказывается, в том, что личность Гитлера не была в свое время достаточно изучена. Просто, не правда ли? Не германский монополистический капитал, вскормивший фашизм и развязавший вторую мировую войну, не западные политики, поощрявшие агрессию и ответственные за Мюнхен, привели к величайшей трагедии в истории человечества, унесшей 50 миллионов жизней, в том числе 20 миллионов жизней советских людей, а всего лишь непознанность психологических особенностей души фюрера.

На протяжении нескольких лет бестселлером на западном книжном рынке была книга американца Нерина Гана «Ева Браун — любовница Гитлера», изданная первоначально в Нью-Йорке, а затем переведенная на многие языки⁵⁷. Небезынтересно, что автор был в свое время узником лагеря смерти в Дахау и на себе испытал ужасы фашистского режима, что не помешало ему, однако, написать книгу, объективно препятствующую борьбе за преодоление фашистского прошлого. Ган всерьез воспроизводит «покаянные» речи фюрера, который якобы мечтал в разгар войны уйти в отставку, зажить жизнью рядового бюргера и посвятить себя... рисованию и сочинению мемуаров. «Я не отношусь к тем, — пишет он в предисловии к своей книге, — кто разделяет абсурдную точку зрения на Гитлера как чудовище... Ведь история — циничная дама, которая смеется над моральными качествами героя...» И далее объявляет: «Не хочу заглядывать в будущее и предсказывать, что Берхтесгаден (резиденция фюрера. — А. Б.) когда-нибудь станет местом паломничества, но несомненно, что Гитлер потряс наши жизни, а его влияние на историю столетия было колоссальным»⁵⁸.

Наряду с тенденцией изображать Гитлера «только как человека» продолжает широко распространяться легенда о фюрере-«сверхчеловеке», «загадочном феномене», «мессии», сошедшем, подобно Христу, на землю, чтобы повести за собой немцев. Некий Фриц Рихерт пишет, например, что «успехи» Гитлера могут быть объяснены только его «околдовывающим влиянием как оратора». В своих мемуарах, озаглавленных «Я верю в Гитлера», бывший рейхсфюрер фон Ширах, отбывший по приговору Нюрнбергского суда 20-летний срок тюремного

заклучения как военный преступник, утверждает, что в жизни Гитлера четко различаются три основных периода: первый, до захвата власти нацистами, он называет «человеческим», второй, после прихода к власти, — «сверхчеловеческим» и третий, в годы войны, — «нечеловеческим». Не только журналисты неонацистского направления, но и многие буржуазные историки пытаются объяснить влияние нацизма и его политику «демонической» натурой Гитлера и «феноменальными» свойствами его личности, качествами «медиума» (посредника при сношении с духами), которыми он якобы обладал. Любые версии пускаются в ход с одной только целью — «доказать», что причиной бедствий, постигших человечество вследствие преступлений фашизма, явилось случайное стечение обстоятельств, относящихся исключительно к личности фашистского диктатора.

Реакционные авторы настойчиво проводят мысль о том, что нацистский фюрер не был орудием крупного монополистического капитала, он вообще не был чьим-либо орудием, а действовал независимо, повинувшись лишь собственной воле и стремлениям⁵⁹. «Становится все более ясным, — писала шпрингеровская газета «Die Welt», — что он (Гитлер. — А. Б.) был большим человеком в свободном от морализирования смысле, он был деятелем и революционером. Сегодня уже нельзя больше считать Гитлера отбросом эпохи, а следует оценить его как одну из ее наиболее важных сил»⁶⁰. Западногерманский историк Фест заявляет, что Гитлера нельзя считать тираном, так как он якобы искренне стремился быть великим спасителем нации и не пытался использовать власть в своих личных интересах. Весьма симптоматично появление таких изданий, как вышедшая в 1973 г. в профашистском издательстве Граберта в Тюбингене книга Г. Штельрехта «Адольф Гитлер — благо или несчастье», задача которой, как объяснил автор, состоит в том, чтобы нарисовать облик фюрера «независимо от всякой пропаганды, по-деловому и справедливо»⁶¹.

Организаторы очередного бума «гитлериады» изобретают все новые формы, для того чтобы обелить фюрера. С этой целью широко публикуются биографии и воспоминания о других фашистских главарях. Только в 1973 и 1974 гг. появились три новые книги о заместителе Гитлера Рудольфе Гессе, отбывающем пожизненное заключение как один из главных военных преступников.

В США выходят в свет ранее неизвестные дневники Геббельса, а также дневниковые записи Бормана. На Западе изданы биографии Гиммлера, Риббентропа, Геринга и других видных гитлеровцев. Западногерманский писатель В. Кемповски опубликовал серию материалов под общим заголовком «Видели ли вы Гитлера?» — результаты опроса 300 лиц, проживающих ныне в ФРГ и лично сталкивавшихся когда-либо с фашистским диктатором⁶². В Мюнхене вышла в свет книга Р. Ноймана — иллюстрированная биография Гитлера.

Тиражом в полмиллиона экземпляров распространяется с 1974 г. журнал «Третий рейх» — профашистское издание, к которому прилагаются фотографии и пластинки с грамзаписями⁶³. Прогрессивная общественность ФРГ с тревогой отмечает дальнейший рост «гитлервелле» (волны восхваления Гитлера) и ее влияние на определенную часть западных немцев.

Каким целям служит фальсификация истории недавнего прошлого, в том числе и истории германского фашизма? Какие политические силы настойчиво раздувают зловеший огонь «гитлериады» в странах Запада? Несомненно, что весь поток литературы о фюрере и других фашистских главарях, проникнутой духом яростного антикоммунизма и антисоветизма, призван использовать неосведомленность молодого читателя, выросшего и сформировавшегося в условиях послевоенных лет и не пережившего трагедии, выпавшей на долю старшего поколения. Ее авторы и организаторы стремятся воспрепятствовать процессу разрядки международной напряженности, все более властно утверждающемуся в Европе и во всем мире, реабилитировать германский империализм, породивший германский фашизм. Легенды о «добром фюрере», о «Гитлере-человеке» и «Гитлере-демоне» имеют также целью направить в нужное русло настроения мелкобуржуазных слоев в условиях серьезного экономического спада и углубления кризисных явлений на Западе, возродить лозунги «сильной личности» и «государства порядка».

Буржуазная историография на протяжении всех послевоенных десятилетий пытается определить историческое место фашизма. Сущность этих попыток в наиболее общей форме сводится к утверждениям, будто бы фашизм явился закономерной фазой национального развития для Италии и Германии — тезис неонацистской

историографии — либо историческим феноменом праворадикального типа, как характеризует фашизм историография буржуазно-консервативного и либерального направлений. Хотя несостоятельность этих концепций становится все более очевидной в свете неопровержимых исторических фактов, попытки определить историческое место фашизма, не выходя за их рамки, не прекращаются. И это вполне объяснимо, так как империалистическая социология и историография отрицают генетическую природу фашизма как порождения империализма, освобождая последний от какой-либо ответственности за возникновение и действия фашистских режимов.

Одной из последних попыток подобного рода является сборник под редакцией профессора европейской истории канадского университета Нью-Брансуик Джильберта Аллардиса, который содержит пространные выдержки из работ авторов различных политических и научных направлений, посвященных анализу фашизма⁶⁴. «...Наше знание того, что произошло в Освенциме, возросло, — пишет Аллардис, — но понимание сути событий не расширилось». Приблизиться к пониманию сути событий, социальной сущности и исторического места фашизма — такую цель ставили перед собой авторы и составитель сборника. В списке авторов ведущие буржуазные историки и социологи — Э. Фромм, П.-Ф. Друкер, Г.-И. Фридрих, З. Бжезинский, Х. Арендт, Ю. Вебер, С. Липсет, Э. Нольте, В. Зауэр и др. Как вводная статья редактора-составителя, так и подбор материала в сборнике преследуют совершенно определенную цель — опровергнуть марксистско-ленинское определение фашизма как диктатуры наиболее реакционных кругов монополистического капитала. Таков же смысл публикации в сборнике «препарированных» соответствующим образом выдержек из работ марксистского историка Р. Палм Датта, призванных, по замыслу составителя, проиллюстрировать «догматичность» марксистской историографии.

Выдержки из трудов историков фашизма расположены в сборнике по темам. Все они, взятые вместе, должны, по мысли составителя, дать полный ответ на вопрос об историческом месте фашизма. После тематической подборки раздела на тему «Фашизм как конец либерального общества» следуют разделы «Фашизм как тоталитаризм», «Фашизм как радикальная форма иррационального политического протеста», «Фашизм как «бунт» про-

тив модернизма», «Фашизм как союз правых и левых», «Фашизм как экстремизм центра». Уже сам перечень заголовков убедительно свидетельствует, что авторы и составитель стоят на позициях буржуазно-либеральной историографии, игнорирующей классовую сущность фашизма как порождения империализма, и отдают дань пресловутой доктрине «тоталитаризма», отождествляя фашистский переворот с революцией, которая, «как и все революции, выбивает людей из привычного образа жизни и выявляет их тайные кровожадные инстинкты». Единственной силой, которая в гитлеровской Германии противостояла нацизму и боролась против него, авторы считают церковь, часть католической буржуазии. Рабочий класс Германии, из рядов которого вышли тысячи последовательных антифашистских борцов, отдавших свои жизни в схватке с нацизмом, они по существу причисляют к социальным силам, полностью подчинившимся фашистскому режиму и поддерживавшим его.

Авторы сборника пытаются также доказать, что фашизм представляет собой якобы специфически европейское явление, вырастающее из европейской истории. Вслед за Э. Нольте Аллардис утверждает, например, что «феномен фашизма» имеет место в истории каждой европейской страны. Путем спекулятивных построений и явных фальсификаций делается попытка идентифицировать фашизм и коммунизм, кощунственно поставить знак равенства между социалистической революцией и нацистским путчем. В выдержках из книг и статей З. Бжезинского, Г.-И. Фридриха и Х. Арендт содержится немало антисоветских и антикоммунистических выпадов, касающихся истории и политики Советского государства и КПСС.

Д. Аллардис выражает согласие с точкой зрения Э. Фромма, который определяет фашизм как «психологию среднего класса» и отрицает, что фашизм в Италии и Германии был выдвинут на авансцену большим бизнесом. Напротив, заявляет Аллардис, полностью игнорируя широко известные факты, меньше всего сторонников фашизма было среди кругов промышленников и банкиров. Автор не видит разницы между социальной сущностью фашизма и социальным составом его массовой базы. Он повторяет давно опровергнутые марксистско-ленинской историографией утверждения, будто бы фашизм выступал как диктатура «среднего класса». Критикуя англий-

ского историка-марксиста Палм Датта, Аллардис утверждает, будто создание гитлеровцами весьма пестрой в социальном отношении и широкой массовой базы, состоявшей из представителей средних слоев, а также части трудящихся, опровергает определение фашизма как диктатуры монополий. Но здесь он подменяет понятие классовой природы понятиями политической тактики и методов господства, результатом которых было формирование массовой базы фашизма на основе демагогии, обмана и террора.

Сборник игнорирует коренное различие между сущностью нацистской идеологии и предназначенной для «потребления» широкими массами населения фашистской программой. Вслед за Э. Фроммом Д. Аллардис объясняет успехи фашизма в формировании своей массовой базы из мелкобуржуазных слоев населения одними лишь особенностями психологии последних: восхищением перед сильным, ненавистью к слабым, «комплексом садомазохизма», свойственными им мелкими чувствами — завистью и любопытством. Игнорируя конкретные исторические и социально-политические предпосылки появления и развития фашизма, Э. Фромм утверждает, будто бы нацизм явился лишь реакцией на психологические стрессы современного общества.

Следует отметить, что, отдавая обильную дань антикоммунистическим традициям буржуазной историографии фашизма, Аллардис не может, однако, не признать, что в то время, как буржуазная социология до сих пор не создала научной концепции фашизма, коммунисты были первыми, кто выработал свою систематизированную концепцию о месте и роли фашизма в европейской истории. Это признание не мешает автору поставить под сомнение определение фашизма, принятое XIII пленумом ИККИ в 1933 г. и развитое затем в решениях VII конгресса Коммунистического Интернационала.

Вместе с тем в сборнике содержится ряд интересных замечаний и отдельных наблюдений авторов. Так, например, нельзя не согласиться с утверждением о полноте моральной и юридической ответственности за преступления фашизма не только тех, кто непосредственно совершал их, но и «убийц за письменным столом» — представителей нацистской бюрократии. Справедливы и роняемые мимоходом замечания авторов о кризисе, переживаемом буржуазным либерализмом, об интеллектуаль-

ном тупике современного буржуазного общества, а также признания коренных различий между социальными базами фашизма и коммунизма. С. Липсет и Дж. Вейсс подчеркивают роль фашизма как тормоза социального прогресса, как «восстания реакционных элементов против современного общества». Дается оценка фашистской пропаганды с присущей ей демагогией и лживостью как «плебейской версии традиционно аристократических понятий иерархии и порядка», а расовой теории — как основы нацистской идеологии.

В конце концов Д. Аллардис, поставивший своей задачей способствовать определению исторического места фашизма, приходит к выводу, что последний явился «величайшей политической неожиданностью первой половины нашего столетия». Такое «определение» убедительно демонстрирует методологическую беспомощность современной буржуазной социологии и историографии, ее неспособность выйти за рамки голого эмпиризма. Сама буржуазная историография нередко объясняет это плюралистическим подходом, который присущ ей в отличие от марксистского «монизма» и «догматизма». Но обвинения в «догматизме», выдвигаемые буржуазной историографией против марксистов, с полным основанием следует отнести к ней же самой, поскольку, призывая к «плюралистическому подходу», она на деле отвергает единственно правильный путь исследования истории фашизма — научный анализ классовых сил, породивших и вскормивших его.

Некоторые важные вопросы истории германского фашизма рассматриваются в сборнике статей группы авторов под общим названием «Нацисты и фашисты в Европе 1918—1945 гг.», изданном под редакцией Дж. Вейсса в Чикаго в 1969 г.⁶⁵ Хотя в ряде статей фашизм характеризуется как «исторический феномен» и «мощное радикальное, революционное и в то же время ультраконсервативное движение», авторы не могут не признать, что Гитлер «доказал свою полезность» бизнесменам тяжелой промышленности, военным, юнкерству, верхушке бюрократии и что он пользовался поддержкой определенных кругов германской крупной буржуазии. Правда, авторы утверждают, будто бы альянс Гитлера с монополиями берет свое начало только в 1930 г., т. е. со времени, когда нацисты уже одержали внушительную победу на выборах в рейхстаг. Такое утверждение, однако, про-

тиворечит фактам: реакционные круги германского монополистического капитала финансировали нацистов еще в начале и середине 20-х годов, а избирательные успехи нацистов в 1930 г. в значительной мере объяснялись теми широкими возможностями для идеологической обработки масс, которые предоставили им германские монополии.

Отсутствует у авторов сборника и четкое представление относительно социальных функций фашистской диктатуры. Они утверждают, например, что «высшие классы» (т. е. монополистическая буржуазия) в конечном счете пострадали от нацистского господства так же, как и «низы среднего класса».

Сборник «Нацисты и фашисты в Европе» содержит интересные наблюдения, касающиеся исторических корней нацистского движения, методов борьбы гитлеровцев за власть. Так, авторы подчеркивают значительную роль прусских милитаристских традиций в развитии и укреплении фашизма, отмечают значение фальшивой статистики, при помощи которой гитлеровская пропаганда создавала картину внутренней жизни страны, вскрывают механизм «унификации» средств массовой информации. При всем этом сборник под редакцией Вейсса отдает обильную дань пресловутой доктрине «тоталитаризма», проникнут духом антикоммунизма. Утверждая, будто бы «потенциал фашизма существует во всех обществах, хотя и не всюду высокий», авторы демонстрируют свою неспособность разобраться в классовой сущности фашизма и понять его социальную природу.

Итоги конференции, состоявшейся в 1968 г. в Институте современной истории Европы при Лондонском университете, обобщены в сборнике «Природа фашизма» под редакцией С. Л. Вульфа⁶⁶. Авторы подчеркивают, что их работе присущ «совершенно новый подход к изучению фашизма» и что они предприняли «всеобъемлющую попытку свести воедино социальные и научно-исторические направления в исследовании одного из наиболее значительных феноменов нашего века». Как и в указанных выше сборниках, посвященных фашизму, здесь содержится немало интересных наблюдений и заслуживающих внимания выводов по частным вопросам. Один из авторов сборника, Дж. Моссе, рисует, например, яркую картину кризиса буржуазной социально-политической мысли, который повлек за собой разрыв части ин-

теллигенции с либерализмом и переход ее в лагерь фашизма, оголтелого национализма и мистики. Однако сборник в конечном счете не дает ответа на вопрос о природе фашизма, а выводы авторов не выходят за рамки констатации его «феноменальной» сущности.

Сборник «Тоталитаризм в перспективе: три точки зрения»⁶⁷, изданный в Нью-Йорке в 1971 г., выдержан в духе доктрины «тоталитаризма». Хотя в некоторых статьях имеется интересный фактический материал, касающийся конкретной истории фашистской диктатуры, глубоко ошибочные концептуальные установки сборника обесценивают его значение. Авторы далеки от какой бы то ни было попытки проанализировать классовую природу и социальную сущность фашизма. В конце концов они вынуждены признать бесплодность и бесперспективность концепции «тоталитаризма», искусственный, надуманный характер ее основных положений. И хотя материалы сборника преследуют цель «обновить» и «подкрепить» обветшалую и обанкротившуюся «концепцию», задача эта остается невыполненной, а рассуждения авторов наглядно демонстрируют методологическую беспомощность современной буржуазной социологии, которая оказывается не в состоянии осуществить научный анализ фашизма.

Даже весьма краткий обзор содержания некоторых сборников по вопросам социологии и истории фашизма, вышедших в последние десятилетия в США и Англии, позволяет сделать вывод о «концептуальном тупике», в который зашли буржуазные исследователи фашизма. Дискуссии о фашизме продолжаются, число изданий растет, имеются и определенные результаты в деле изучения отдельных конкретных вопросов истории фашизма. Но ответа на кардинальные вопросы о социальной природе, происхождении и функциях фашизма буржуазная социология дать не в состоянии. В этом факте весьма отчетливо обнаруживается кризис общественно-политической мысли империализма и ее неспособность научно объяснить такое сложное социальное явление, как фашизм.

Марксистская историография не отрицает необходимости тщательно и вдумчиво анализировать все без исключения проблемы истории фашизма — его генезис, социальную психологию, настроения масс, «психологический климат», характерный для общества в целом или

даже отдельных слоев населения, социально-психологические предпосылки распространения фашистской идеологии. Не лишено научного интереса и изучение влияния на политическое развитие психологии отдельных групп и слоев населения, а также и тех психологических стрессов, которые имеют место в условиях современного капиталистического общества, уродующего сознание и психику людей. Психологические особенности отдельных личностей также могут играть немалую роль в исторических событиях. При всем том, однако, ключом к подлинно научному исследованию исторического процесса и пониманию сущности политического развития является классовый анализ. Безошибочно разобраться в сложных исторических явлениях, а именно таким является фашизм, возможно, как подчеркивал В. И. Ленин, лишь в том случае, «если твердо держаться, как руководящей основной нити... деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.»⁶⁸. На основе такого анализа марксистско-ленинская историческая наука и смогла дать правильное определение фашизма и показать его историческое место как явления, порожденного общим кризисом капитализма.

Буржуазной историографии чужд подобный подход к исследованию, поэтому ее попытки «десоциализировать» фашизм и представить его как феномен иррационального характера, ее агностическое отрицание самой возможности познания источников и социальной сущности фашизма на деле ведут к его оправданию и к усыплению бдительности народов, хотят этого или не хотят авторы упомянутых «доктрин» и «концепций».

Однако, как показала жизнь, никому не удастся переиграть на полях идеологических сражений результаты второй мировой войны. Попытки задним числом реабилитировать германский фашизм, в том числе и ранний, не в состоянии изменить приговор истории. В свете неоспоримых фактов алиби оказывается фальшивым.

9

ФАШИЗМ НЕ ПРИХОДИТ В ОДНУ НОЧЬ

К концу 20-х годов фашизм в Германии располагал уже значительными потенциальными возможностями. Гитлеровская партия — НСДАП подпиралась разветвленной системой «дочерних» союзов и организаций, имела разнообразные средства агитации и пропаганды и вооруженные банды, созданные в качестве орудия террора. Взятые на вооружение гитлеровцами и приспособленные ими для своих целей «идеи» и «теории» обладали высоким уровнем воздействия и в экстремальных условиях могли в кратчайшие сроки охватить миллионы людей. Мощная финансовая поддержка, которую оказывали фашистам монополистический капитал, определенная часть юнкерства и военщины, позволяла гитлеровцам не ограничивать себя в средствах, необходимых для содержания аппарата партии, расширения пропаганды и оснащения террористических боевых формирований. Фашистская партия располагала некоторыми, хотя и незначительными, «легальными» позициями в рейхстаге, ландтагах, муниципальных и общинных органах самоуправления.

Все это свидетельствует о том, что в Германии уже в тот период существовала реальная опасность установления кровавой фашистской диктатуры. Однако ни одна из буржуазных политических партий того времени не смогла должным образом и в полном объеме оценить эту опасность. Не сумело этого сделать и руководство социал-демократии. Только коммунисты еще в начале 20-х годов прозорливо увидели в фашизме смертельного врага рабочего класса, душителя демократии и прогресса, носителя агрессивных, человеконенавистнических планов, главную контрреволюционную силу современного капитализма.

Еще в ноябре 1922 г. IV конгресс Коммунистического Интернационала подчеркнул, что одной из важнейших

задач коммунистических партий является организация сопротивления фашизму. Коммунисты, указывалось в материалах конгресса, «должны идти во главе рабочего класса в борьбе против фашистских банд, энергично применяя и здесь тактику единого фронта и обязательно прибегая к нелегальным методам организации»¹.

Секретариат Исполкома Коминтерна в письме коммунистическим партиям о подготовке к празднованию 1 Мая 1923 г. снова подчеркнул, что «первой и важнейшей предпосылкой успешной борьбы против фашизма является развитие единого пролетарского фронта»².

Особенно большое значение имел сделанный IV конгрессом Коминтерна вывод о том, что фашизм несет опасность не только рабочему классу, но и основам буржуазной демократии.

Проблемы социально-политической сущности фашизма и задачи борьбы против него были предметом глубокого анализа и обсуждения на III расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г., на V (1924 г.) и VI (1928 г.) конгрессах Коминтерна. Контрреволюционная, антидемократическая и глубоко реакционная сущность фашизма неизменно подчеркивалась в документах Коминтерна.

Коммунистическая партия Германии никогда не допускала сомнений относительно контрреволюционной природы фашизма. Э. Тельман еще в 1924 г. указывал, что реакционная буржуазия вооружает фашистские банды для борьбы против революционных рабочих. Он подчеркивал необходимость решительной борьбы за душу рабочей молодежи, против растленных идей, распространяемых нацистами³. Выше уже говорилось о конкретных организационно-политических мероприятиях, предпринятых КПГ против фашистов осенью 1923 г., накануне нацистского путча в Мюнхене. К бдительности в отношении готовящихся гитлеровцами провокаций призвал Э. Тельман берлинских рабочих со страниц «Роте фане» 1 мая 1927 г. «Честь берлинских рабочих требует... — писал он, — противопоставить фашистской вылазке железную фалангу берлинского пролетариата»⁴. Руководство КПГ предостерегало от недооценки фашистской опасности в Германии. Фашистские организации, указывал Э. Тельман в июне 1927 г., «особенно сильны... в Германии. Ныне они уже не носят демонстративного характера, а являются важными вспомогательными отрядами в борьбе против революционного пролетариата.

Они играют роль резервов рейхсвера и полиции, содействуют планам установления диктатуры монополистического капитала и являются рассадниками соответствующих настроений в пользу новой империалистической войны среди широких масс»⁵.

Глубокий анализ сущности политики фашизма был дан в документах VI конгресса Коминтерна. «Главной задачей фашизма, — подчеркивалось в Программе Коминтерна, — является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики являются характерными чертами фашизма. Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки»⁶.

Борьба с фашистской опасностью уже в конце 20-х годов стала одной из центральных задач Коммунистической партии Германии. XII съезд КПГ, состоявшийся в июне 1929 г., подчеркнул, что успех антифашистской борьбы будет зависеть от того, насколько удастся коммунистам расширить свое влияние в массах трудящихся и особенно в средних слоях населения. Среди многих проблем развития антифашистского движения в Германии была выделена главная — борьба коммунистов за всемерное расширение влияния в массах. Конкретизируя задачи борьбы против фашизма, Пленум ЦК КПГ в октябре 1929 г. с тревогой отметил, что влияние нацизма продолжает расти, и призвал коммунистов развернуть подлинную идеологическую войну против него. Особое внимание Пленум обратил на необходимость разоблачения псевдорадикальной фразеологии нацистов и противопоставления ей убедительной и доходчивой аргументации. В решении Пленума подчеркивалось, что важно сорвать с гитлеровцев маску защитников интересов нации, показать, что их пропаганда против Версаля не что иное, как ловкий демагогический маневр.

Ориентируя Компартию на усиление идеологической борьбы против фашизма, ЦК КПГ должен был преодолеть вредные установки сектантской группы в руко-

водстве КПГ, возглавлявшейся Г. Нейманом. Последний отрицал необходимость разоблачения подлинной сущности фашистского мировоззрения и сводил борьбу против опасности фашизма к уличным стычкам с гитлеровскими молодчиками.

В июле 1930 г. Политбюро ЦК КПГ приняло решение, в котором вновь призвало коммунистов усилить борьбу против фашистской демагогии, подчеркнув при этом необходимость дифференцированно подходить к участникам нацистского движения, терпеливо привлекать на сторону революционного пролетариата тех трудящихся, которые попали под влияние гитлеровцев, добиваясь их разрыва с нацизмом и освобождения от влияния нацистской идеологии.

Важное значение для антифашистской идеологической работы немецких коммунистов имело опубликование в августе 1930 г. разработанной под руководством Э. Тельмана Программы национального и социального освобождения немецкого народа. Нацистским фальшивкам о германском «национальном социализме» и «национальной общности» Компартия противопоставила подлинно революционную альтернативу — установление демократического строя, ликвидацию классового господства монополистического капитала. Программа показывала всю лживость нацистских лозунгов о недостатке «жизненного пространства», вскрывала цели раздуваемого гитлеровцами шовинизма и реваншизма. Программа национального и социального освобождения сорвала с нацистов маску выразителей «общенациональных интересов».

«Фашисты (национал-социалисты), — говорилось в Программе, — утверждают, что они против установленных Версальским договором границ, против отделения ряда немецких областей от Германии. На деле же фашизм повсюду, где он стоит у власти, подавляет поработанные им народы.

Фашисты (национал-социалисты) утверждают, что их власть будет направлена против империализма. На деле же они заключают соглашения с империалистами. Они выступают против освободительной борьбы колониальных народов... требуют для Германии колоний и подстрекают к новой войне, прежде всего к интервенции против Советского Союза...

Национал-социалисты утверждают... что преодоление

кризиса будет обеспечено, стоит только Германии сбросить с себя оковы Версальского договора. Это грубый обман. Для того чтобы освободить германский народ, недостаточно сломить власть иностранного капитала, необходимо одновременно свергнуть господство собственной буржуазии в собственной стране»⁷.

«Враг в собственной стране!» — заявляла Компартия. Сохраняя верность антимилитаристскому лозунгу Карла Либкнехта, КПГ указывала единственную возможность, единственный продиктованный историей путь национального возрождения Германии: «Мы... разорвем грабительский Версальский «мирный договор», аннулируем все навязанные трудящимся Германии международные долги и репарации. Мы, коммунисты, будем бороться за полное право самоопределения всех наций...

В противоположность лицемерным фашистским фразам по адресу крупного банковского и торгового капитала, в противоположность пустым словесным выпадам национал-социалистов против паразитов и коррупции мы осуществим следующую программу.

Придя к власти, мы решительно положим конец проискам финансовых магнатов, открыто навязывающих ныне свою волю стране... Мы сломим господство крупных помещиков, безвозмездно отберем у них землю и передадим ее малоземельным крестьянам... Железной пролетарской метлой мы выметем всех паразитов, крупных промышленников, банкиров, юнкеров, крупных торговцев, генералов, буржуазных политиков, предателей рабочего класса, спекулянтов и жуликов всякого рода, мы разрушим аппарат власти, предназначенный для подавления и угнетения трудящихся... Мы поставим на службу трудящимся все производительные силы промышленности и сельского хозяйства... Мы воодушевим массы на борьбу за победу над буржуазией, за социальное и одновременно национальное освобождение трудового немецкого народа. Только социальная революция рабочего класса может разрешить национальный вопрос Германии»⁸.

КПГ предприняла широкое разъяснение Программы, которая успешно противопоставлялась нацистским «программным документам» — лживым, демагогическим, крикливым, не выдерживавшим серьезной критики.

Нацистскую идеологию энергично разоблачала газета «Роте фане» — центральный орган КПГ, в котором

из номера в номер публиковались соответствующие материалы. Это были главным образом статьи, показывавшие на конкретных фактах демагогический, лживый и фальсификаторский характер нацистской болтовни о социализме и о «защите» интересов нации. Газета прямо указывала, кто стоит за спиной нацистских лидеров, разоблачая связи гитлеровской партии с хозяевами концернов.

Задачу дальнейшего усиления борьбы против гитлеровской идеологии выдвинул Секретариат ЦК КПП в циркулярном письме от 15 ноября 1930 г. Он потребовал развернуть «идейно-политическую атаку на германский фашизм», разоблачать нацистов на конкретных фактах, на каждом предательстве национальных и социальных интересов народа. Январский (1931 г.) Пленум ЦК КПП сделал дальнейший серьезный шаг на пути активизации борьбы против фашизма в целом и против нацистской идеологии в особенности. Он разработал организационные формы вовлечения трудящихся в антифашистский единый фронт⁹.

Компартия совершенствовала формы и методы идеологической борьбы против нацизма. Руководящие деятели КПП — Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрнст Шнеллер и другие вступали в борьбу с фашистами на массовых митингах, созывавшихся гитлеровцами. Спокойно и убедительно разоблачали они фарс нацистских пропагандистов, не оставляя камня на камне от их «аргументов». Компартия Германии и сама организовывала митинги, на которые собирались тысячи трудящихся. Против фашистской демагогии выступали лучшие ораторы-коммунисты. Неутомимую борьбу против нацистской идеологии и ее разлагающего влияния вели прогрессивные деятели культуры — коммунисты Б. Брехт, Э. Пискатор, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, К. Тухольский, левобуржуазные интеллигенты-демократы, объединившиеся вокруг Карла Осецкого и возглавляемого им журнала «Вельтбюне». К. Осецкий, например, подверг резкой критике реакционного писателя и публициста Г. Гримма — автора книги «Народ без пространства», взятой на вооружение нацистской пропагандой. На страницах «Вельтбюне» систематически разоблачались бредовые идеи гитлеровских идеологов.

Являясь подлинным выразителем коренных национальных интересов германского народа, Коммунистиче-

ская партия Германии принимала разнообразные меры к тому, чтобы предотвратить катастрофу и преградить гитлеровцам путь к власти. Она опиралась на широкую поддержку мирового коммунистического движения, прежде всего на братскую помощь Советского Союза и его Коммунистической партии.

Факты убедительно опровергают вымыслы буржуазных историков, обвиняющих коммунистов в нейтралитете по отношению к гитлеровцам или даже сотрудничестве с ними. Коммунисты никогда не заблуждались относительно подлинного характера гитлеровского «социализма» и не прекращали борьбы против фашистской демагогии. Можно говорить о другом: масштабы фашистской опасности и перспективы развития нацистского движения не были поначалу поняты правильно. Известная недооценка степени влияния нацистской идеологии на широкие массы, недостаточный учет социально-психологических факторов, способствовавших распространению гитлеровского мировоззрения, влияние догматических и сектантских ошибок мешали трезво определить расстановку классовых сил и выдвинуть достаточно гибкую и дальновидную программу объединения всех демократических сил на основе борьбы против фашистской опасности.

Фашизм был новым явлением в политической жизни высокоразвитых капиталистических стран, и осуществить глубокий и всесторонний анализ его, а также выработать формы и методы эффективной борьбы с ним в 20-х годах было еще трудно.

И все же именно коммунисты в Германии положили начало антифашистскому движению. На них первых, еще в начале 20-х годов, обрушился террор фашистских банд. Боевые группы революционных рабочих, организованные коммунистами, первыми выступили против нацистских штурмовиков и первыми пролили кровь в вооруженных схватках с гитлеровцами на улицах немецких городов. В последующие годы коммунисты выступили в качестве руководящей и организующей силы антифашистской борьбы, а в период фашистской диктатуры — в качестве главной движущей силы антифашистского Сопротивления.

Опыт истории показывает, что фашизм не приходит в одну ночь. Установлению кровавых диктаторских режимов обычно предшествует более или менее продолжи

тельный период развития фашизма, процесс постепенного накопления его признаков. В кризисных ситуациях «дремлющий» вирус фашизма может дать катастрофическую вспышку. Но этого допустить нельзя.

Разгром германского фашизма, в котором главную и решающую роль сыграл советский народ, был достигнут ценой невероятных усилий и неисчислимых жертв. 20 миллионов сынов и дочерей советского народа отдали свою жизнь в этой самой кровопролитной в истории человечества войне. Советскому социалистическому государству понадобилось максимальное напряжение сил, мобилизация всех материальных и людских ресурсов, чтобы добиться исторической победы над сильным и опасным врагом, разгромить его, отстоять независимость своей страны и социалистический строй, осуществить освободительную миссию в отношении поработанных фашизмом народов Европы, в том числе и самого германского народа.

«Победа далась нашему народу нелегко, — говорил Л. И. Брежнев в докладе на торжественном собрании, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. — Столь жестокой войны, какую перенес Советский Союз, не выпадало на долю ни одному народу. Война унесла более 20 миллионов жизней советских людей. Она оставила десятки миллионов сирот, вдов, инвалидов. Какая бездна человеческих страданий и горя стоит за этими цифрами! У нас редко можно встретить семью, в которой бы война не оставила свой трагический след. Гибель советских людей — наша самая тяжелая утрата. И мы никогда не забудем ни одной капли крови, пролитой советскими людьми за нашу Родину, ее свободу и счастье.

Нельзя без гнева и боли вспоминать о зверствах гитлеровцев на нашей земле, на территориях других стран. Времена фашистской оккупации были трагедией для целых народов. Можно ли забыть о чудовищных преступлениях гитлеризма, совершенных в Советском Союзе, Польше, Югославии, Чехословакии и других странах Европы, о кострах из живых людей, о душегубках, о лагерях смерти? Можно ли забыть о миллионах мужчин, женщин, стариков и детей, сожженных в крематориях Освенцима, удушенных в газовых камерах Майданека, замученных на плацах Маутхаузена? Набат Бухенвальда и ныне звучит в сердцах людей, будит в них ненависть

к фашизму и расизму, требует наказания тех, кто виновен в преступлениях против человечества»¹⁰.

Главным и решающим итогом второй мировой войны явилось убедительнейшее доказательство того, что в мире нет таких сил, которые могли бы сокрушить социализм. В гигантском военном столкновении с фашизмом победили советские люди, советский общественный и государственный строй, социалистическая экономика, передовая марксистско-ленинская идеология.

Разгром ударных сил мировой реакции нанес тяжелый урон империализму. Победа над фашизмом знаменовала новый важный этап исторического движения человечества от старого, отжившего свой век капитализма к новому, социалистическому строю, которому принадлежит будущее. Итоги борьбы с фашизмом показали, что социализм становится ведущей силой международного развития, что именно он определяет прогресс человечества и будущее народов.

Нужна ли в современных условиях бдительность в отношении фашистской или близких к ней идеологий?

Иногда высказывается мысль, что возможности фашизма в современных условиях весьма ограничены и поэтому, мол, не следует считаться с ним. Можно встретить и такое утверждение, будто в связи с ростом образования и культуры предрасположенность масс к восприятию антидемократических, шовинистических, расистских и милитаристских идей уменьшилась и поэтому опасность фашизма сходит на нет, стихийно изживает себя. Существует также мнение, что в странах, где поколения людей воспитаны на демократических традициях, вообще не следует опасаться фашизма. Однако исторический опыт убеждает в обратном. Ведь до прихода Гитлера к власти неоднократно высказывались мнения, что победа фашизма в Германии исключена, так как она является высокоразвитой страной с высокой культурой и солидными традициями рабочего движения. Однако фашизм именно в этой стране не только дал пример наибольшего зверства, но и создал наиболее опасную идеологию, утвердившуюся в сознании миллионов людей. Необходимо иметь в виду, что ни коренные изменения обстановки в мире в пользу социализма, ни определенное ослабление международной напряженности, наметившееся за последнее время, ни успехи рабочего класса, трудящихся масс в странах капитала в борьбе за демократию и прогресс

не могут и не должны вести к самоуспокоенности, ослаблению бдительности¹¹. Захват власти в Чили реакционной хунтой, свержение законного демократического правительства Сальвадора Альенде и установление военно-фашистского режима в этой стране, базирующегося на терроре нацистского образца, являются убедительным подтверждением этого положения.

Народы мира по собственному опыту хорошо знают, к чему ведет господство фашизма. Однако и в наше время нельзя недооценивать способности неофашизма овладевать сознанием широких масс населения, использовать те или иные кризисные ситуации для укрепления своих позиций и даже захвата власти. Фашизм способен еще отравлять сознание людей. Известно, что в прошлом в ряде стран, где фашистским партиям удалось прийти к власти, и прежде всего в Германии, они еще до того, как расправились с рабочим движением путем террора, сумели при помощи социальной демагогии и обмана закрепить свои идеологические позиции в стране. Поэтому так важен научный анализ «ранних» форм фашизма и его идеологии, который поможет своевременно распознавать и учитывать фашистскую опасность и эффективно противодействовать ей. Он служит интересам борьбы против фашизма в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

¹ Международное Сопещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 300.

² «Unsere Zeit» (Düsseldorf). Eigenbeilage vom 23.VI.1977.

³ «Presse- und Informationsamt der Bundesregierung». Bulletin, 22.X.1976, S. 1099.

⁴ Ibid., S. 1101.

⁵ «Horizont» (Berlin), 1977, N 39, S. 21.

⁶ «Unsere Zeit», 30.VI.1976.

⁷ «Unsere Zeit», 24.VI.1977.

⁸ «Frankfurter Rundschau», 9.VII.1977.

⁹ «Unsere Zeit», 16.VIII.1974.

¹⁰ «Unsere Zeit», 10.VIII.1976.

¹¹ «Deutsche Nachrichten» (Hannover), 2. November 1973, S. 3.

¹² См. «Unsere Zeit», 15.VIII.1977.

¹³ «Deutsche Nachrichten», 19. October 1973, S. 12.

¹⁴ Ibid., S. 4.

¹⁵ См. «Volksstimme» (Wien), 29.VI.1977.

¹⁶ См. «Unsere Zeit», 10.III; 2.VII.1977.

¹⁷ «Unsere Zeit», 10.III.1977.

¹⁸ «Unsere Zeit», 7.VI.1977.

¹⁹ «Volksstimme», 3.VII.1977.

²⁰ «Unsere Zeit», 22.VII.1977.

²¹ «Nation Europa» (Coburg), 1976, N. 9, S. 58—59.

²² См. «Horizont», 1977, N 31, S. 7.

²³ См. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, с. 28.

²⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 30.

²⁵ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. М., 1976, с. 39.

²⁶ Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975, с. 9.

²⁷ См. Г. Димитров. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 172.

ГЛАВА 2

¹ Г. Б. Сандомирский. Фашизм, ч. I—II. М.—Пг., 1923; его же. Закат фашизма. Л., 1925.

² С. Шаховская. Развал силы и силы развала буржуазной Германии. М., 1924.

³ С. Д. Мстиславский. Классовая война в Германии. М., 1924.

⁴ [С. М.] *Бронский*. Пути и зигзаги Германской революции. — «Коммунистическая революция», 1923, № 19—20 (58—59).

⁵ «Internationale Presse-Korrespondenz» (далее — «Inprekorr»), 1923, N 52, S. 406—424.

⁶ Цит. по: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 191.

⁷ См. Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года). Отчет. М., 1923, с. 207—231; Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, с. 381—383.

⁸ «Inprekorr», 1923, N 35, Bd. II, S. 835.

⁹ Мировой фашизм. Сборник под ред. Н. Мещерякова. М.—Пг., 1923.

¹⁰ *Л. Г. Полонская*. Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы в 1913—1923 гг. в фактах и цифрах. М.—Пг., 1924.

¹¹ *С. Слободский*. Социальная сущность фашизма. М.—Л., 1929.

¹² См. *А. С. Ерусалимский*. Германский империализм: история и современность (исследования, публицистика). М., 1964, с. 330—348.

¹³ Там же, с. 343.

¹⁴ Там же, с. 348.

¹⁵ Современное положение в Германии. Под ред. Л. Брук и др. М.—Л., 1931.

¹⁶ *А. Л. Лурье*. Красный Гамбург. М., 1931.

¹⁷ *Г. С. Минский*. Жизнь и борьба рабочего класса Германии. М.—Л., 1931.

¹⁸ *Н. Арбузов*. Гестапо. М., 1937.

¹⁹ *И. М. Файнгар*. Жизнь и борьба рабочего класса Германии. М.—Л., 1931.

²⁰ *Г. Смолянский*. Через год мирового кризиса. — «Коммунистическая революция», 1931, № 1.

²¹ Завтра будут баррикады. Очерки борьбы германского пролетариата с фашизмом. М., 1931.

²² «Историк-марксист», 1932, т. 1—2 (23—24).

²³ *И. Н. Дворкин*. Экономическая программа национал-социализма. М., 1933.

²⁴ *А. Панкратова*. О фашистской диктатуре в Германии. — «Борьба классов», 1933, № 5; *ее же*. Фашизм и рабочий класс Германии. — «Борьба классов», 1933, № 6.

²⁵ *Е. В. Ломтатидзе*. Пять писем из Рура. Ташкент, 1933; Письма из фашистской Германии. М., 1933; Рабочие-полиграфисты в фашистской Германии. М., 1933; *Г. И. Киш*. Жандармы у станка. М., 1934; *Б. Меллер*. Борьба продолжается. Рабочие в фашистской Германии. М., 1935; *Лев Варшавский*. «Вопреки всему!» Революционная борьба в германском подполье. Л., 1935.

²⁶ *Н. Корнев*. От Носке до Гитлера. М., 1934; *его же*. Третья империя в лицах. М., 1937.

²⁷ См. XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 589—591.

²⁸ См. «Пропаганда войны в фашистской исторической публицистике», «Начало перевооружения фашистской Германии и переговоры с западными державами», «Колониальные планы германского империализма», «Борьба фашистских держав за испанский плацдарм». — В кн.: *А. С. Ерусалимский*. Германский империализм: история и современность.

²⁹ Э. Генри. Гитлер над Европой. М., 1935; его же. Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М., 1937.

³⁰ И. М. Лемин. Фашистская Германия — очаг войны. М.—Л., 1936.

³¹ Я. Е. Сегал. Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939.

³² См., например, Против фашистского мракобесия и демагогии. Сборник статей. Под ред. И. Дворкина и др. М., 1936.

³³ Против фашистской фальсификации истории. Под ред. Ф. И. Нотовича. М.—Л., 1939.

³⁴ А. Сидоров. Фашизм и городские средние слои в Германии. М.—Л., 1936; его же. Ремесленники в фашистской Германии. М.—Л., 1936.

³⁵ Н. М. Сегаль. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938.

³⁶ И. Д. Эльвин. Союз креста и свастики (Фашизм и религия в Германии). М., 1934.

³⁷ Г. Леви. Германские монополии. М., 1936.

³⁸ Е. Бурче, А. Велижев, М. Владимиров. Воздушные вооружения Германии. М., 1935; Л. Н. Иванов. Морское соперничество империалистических держав. М., 1936; С. М. Вишневу. Как вооружаются фашистские поджигатели войны. М., 1939; Е. Е. Шведе. Военно-морской флот Германии. М.—Л., 1939.

³⁹ Н. Н. Любимов. Финансы фашистских государств. М., 1939.

⁴⁰ См., например, статьи «Гитлер над бездной» (1942), «Кайзер и фюрер» (1942). — В кн.: А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность; его же. Кровавые итоги 10-месячной немецкой оккупации в Погорельском и Кармановском районах. М., 1942; С. Устинкин. Германский стальной трест. М., 1941; Ал. Леонов. «Зеленая папка» Геринга. М., 1942; И. Трайнин. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942; М. Н. Никитин, П. И. Вагин. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. Л., 1943; В. М. Хвостов. Как развивался германский империализм (Исторический очерк). М., 1943; Гитлеровский разбойничий империализм. Сборник статей и материалов. М., 1943; Ф. И. Нотович. От первой ко второй мировой войне. Краткий очерк международных отношений в 1919—1942 гг. Ташкент, 1943; В. П. Потемкин. Политика умиротворения агрессоров и борьба Советского Союза за мир. М., 1943; Г. А. Козлов. Германский разбойничий империализм. М., 1944; Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. М., 1945, и др.

⁴¹ См. Е. С. Варга. Исторические корни особенностей германского империализма. М., 1946.

⁴² См. А. Петрушов. Аграрные отношения в Германии. М., 1945.

⁴³ История дипломатии, т. 3. М.—Л., 1945.

⁴⁴ См., например, лекции: Л. И. Зубок. Германия в 1918—1923 годах. М., 1940; его же. Германия в 1918—1940 годах. М., 1945; В. Д. Кульбакин. Германия в 1918—1939 годах. М., 1952; Л. А. Шверда. Рабочее движение в Германии в 1918—1939 гг. М., 1957.

⁴⁵ Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., 1961 (2-е изд. М., 1964); его же. Последние дни Гитлера (из истории крушения фашистской Германии). М., 1961 (2-е изд.: Крушение фашистской Германии. М., 1963).

⁴⁶ А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967; *его же*. Социология неофашизма. М., 1971.

⁴⁷ В. Д. Кульбакин. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.

⁴⁸ Германская история в новое и новейшее время (в 2-х томах), т. 2. М., 1970.

⁴⁹ В. Т. Фомин. Внутриполитическое положение фашистской Германии накануне нападения на СССР. — «Вопросы истории», 1969, № 1.

⁵⁰ А. С. Бланк. Германский фашизм и западногерманский неонацизм (1919—1969 гг.), ч. 1. Вологда, 1971; ч. 2. Вологда, 1973.

⁵¹ Л. А. Безыменский. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1961 (2-е изд. М., 1964).

⁵² В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг. М., 1963.

⁵³ М. Я. Домнич. Христианские профсоюзы и установление фашистской диктатуры в Германии. — «Вопросы истории», 1969, № 2.

⁵⁴ И. Я. Биск. Причины гибели Веймарской республики и прихода к власти гитлеровцев в немецкой мемуарной литературе. — «Труды Донецкого пединститута», т. 3, 1950.

⁵⁵ А. С. Бланк. Борьба Коммунистической партии Германии против фашистской опасности (1929—1932). — «Ученые записки Череповецкого педагогического института», № III, выпуск первый. Вологда, 1962.

⁵⁶ В. С. Дякин. Западногерманские буржуазные историки о падении Веймарской республики. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Сборник статей. М.—Л., 1961.

⁵⁷ А. Корсунский. Современная немецкая историческая литература о причинах возникновения третьей империи. — «Вопросы истории», 1948, № 10.

⁵⁸ В. И. Кривуля. Он ненавидел войну. М., 1966.

⁵⁹ Н. И. Кудрявцева. К вопросу об образовании в Германии единого рабочего антифашистского фронта накануне установления фашистской диктатуры. — «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. XIX. Воронеж, 1955; *ее же*. Из истории борьбы КПГ за создание антифашистского фронта накануне установления фашистской диктатуры. — «Историографический сборник». Воронеж, 1960.

⁶⁰ Б. Г. Тартаковский. Буржуазные партии Веймарской республики и приход фашизма к власти. — В кн.: Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958.

⁶¹ В. Д. Кульбакин. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М., 1954.

⁶² Л. И. Гинцберг. Германская социал-демократия в период фашизации Германии. — В кн.: Германское рабочее движение в новейшее время. Сборник статей и материалов. М., 1962; *его же*. В борьбе против наступления фашизма. — В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., 1966; *его же*. В преддверии гитлеровской диктатуры. — «Новая и новейшая история», 1966, № 1; *его же*. О предыстории установления гитлеровской диктатуры. — «Вопросы истории», 1966, № 4; *его же*. Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти. М., 1967; *его же*. Рывок Гитлера к власти. — «Новая и новейшая история», 1968, № 1; *его же*. Идеологическая подготовка прихода фашизма к власти. — «Ежегодник германской истории. 1969». М., 1970, и др.

⁶³ Л. И. Гинцберг. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972.

⁶⁴ См., например, Против фальсификации истории второй мировой войны (Сборник статей). М., 1959; Критика новейшей буржуазной историографии. Сборник статей. М.—Л., 1961; Уроки истории неопровержимы. М., 1964; Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971.

⁶⁵ В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968.

⁶⁶ А. И. Мерцалов. Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне. М., 1967.

⁶⁷ И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1971 (2-е изд.: М., 1975); И. Д. Остая-Овсяный. На пороге войны. — «Новая и новейшая история», 1971, № 1—2.

⁶⁸ Г. Н. Реутов. Правда и вымысел о второй мировой войне. М., 1970.

⁶⁹ А. С. Бланк. Нюрнбергский процесс и реакционная западногерманская историография. — «Новая и новейшая история», 1971, № 5; его же. Легенды и мифы реакционной буржуазной историографии о германском фашизме. М., 1972; его же. Против попыток реабилитации фашизма реакционной историографией. — В сб.: Проблемы германской истории, вып. II. Вологда, 1973; его же. Адвокаты фашизма. Легенды и мифы реакционной буржуазной историографии о германском фашизме. М., 1974.

⁷⁰ В. Т. Фомин. Антифашистская борьба в Германии и лживые измышления буржуазных фальсификаторов истории. — В сб.: Из истории новейшего времени. М., 1959; П. Ю. Рахшмир. Фальсификация западногерманскими буржуазными историками истории антифашистского движения Сопротивления в Германии. — В сб.: Из истории рабочего и коммунистического движения в зарубежных странах, ч. II. Свердловск, 1963.

⁷¹ П. Ю. Рахшмир. Современные тенденции буржуазной историографии фашизма. — «Новая и новейшая история», 1971, № 6.

⁷² Л. И. Гинцберг. Фашизм и история новейшего времени. — «Новая и новейшая история», 1971, № 4; В. И. Салов. Вторжение психоанализа в буржуазную историографию. — «Новая и новейшая история», 1972, № 4; А. А. Аникеев. Буржуазная историография аграрной политики германского фашизма. — «Новая и новейшая история», 1972, № 4; В. Д. Ежов. Неонацизм в ФРГ. — «Новая и новейшая история», 1973, № 1; П. А. Жилин. О проблемах истории второй мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1973, № 2; И. В. Григорьева. Исторический анализ фашизма в работах А. Грамши. — «Новая и новейшая история», 1973, № 5; Д. Е. Мельников, Л. Б. Черная. Некоторые проблемы истории германского фашизма. — «Новая и новейшая история», 1973, № 6.

⁷³ См. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, 5.

⁷⁴ А. Бернадинер. Философия Ницше и фашизм. М., 1934; Я. Е. Сегал. Авантюристическая политика и идеология германского фашизма; В. Ф. Асмус. Фашистская фальсификация классической немецкой философии. М., 1942; И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; А. С. Богомолов. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М., 1969; С. Н. Фрумкин. Западногерманский реваншизм и идеология неонацизма. — «Вопросы философии», 1967, № 11; его же. «Философия ис-

тории» неонацизма. — «Вопросы философии», 1970; № 11; его же. Освальд Шпенглер и неонацизм. — В сб.: Современная философия и социология в ФРГ (Некоторые направления и проблемы). М., 1971; С. Ф. Одуев. Тропами Заратустры (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию). М., 1971 (2-е изд. М., 1976); К. Зародов. Сущность неофашизма и некоторые вопросы тактики коммунистического движения. — В сб.: Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975.

⁷⁵ Г. Гейден. Критика немецкой геополитики. М., 1960; Т. Шварц. От Шопенгауэра к Хейдеггеру. М., 1964; В. Хайзе. В плену иллюзий. Критика буржуазной философии в Германии. М., 1968; G. Lukacs. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1955; K. Sontheimer. Antidemokratische Denken in der Weimarer Republik. München, 1969.

⁷⁶ Г. Филатов. Вопросы истории фашизма и современность. — «Коммунист», 1976, № 13.

⁷⁷ В. Д. Ежов. Происхождение и классовая сущность фашизма. — «Новая и новейшая история», 1976, № 5.

⁷⁸ Д. С. Давидович. Орудие германского империализма и милитаризма. К истории возникновения германского фашизма (1919—1923 гг.). — «Новая и новейшая история», 1976, № 3.

⁷⁹ Л. И. Гинцберг. Германский фашизм и монополии после мюнхенского путча (1924—1929 гг.). — «Новая и новейшая история», 1977, № 3.

⁸⁰ Geschichte der deutsche Arbeiterbewegung. Bd. 4, 5. Berlin, 1966.

⁸¹ J. Kuczynski. Das grosse Geschäft. Die Verbrechen des deutschen Imperialismus. Berlin, 1967; Г. Лоцек. О концепциях фашизма в буржуазной историографии ФРГ. — «Ежегодник германской истории. 1969». М., 1970; В. Руге. Германия в 1917—1933 гг. М., 1974; E. Lewerenz. Neue Bürgerliche Angriffe auf die Einschätzung des Faschismus durch die Kommunistische Internationale. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (Berlin), 1974, H. 4.

⁸² J. Banaszkiwicz. Postanje Partii Hitlerowskiej. Poznan, 1969; F. Ryszka. U zroded sukcesu i kleski. Szkica z dziejow hitlerizma. Warszawa, 1975.

⁸³ M. Weissbecker. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP) 1919—1945. — In: Die bürgerliche Parteien in Deutschland, Bd. II. Leipzig, 1970.

⁸⁴ А. С. Бланк. Из истории возникновения и развития германского фашизма (1919—1928 гг.). — «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», т. 518. Вологда, 1971.

⁸⁵ Г. Н. Горошкова. Ложная версия о создании «третьего рейха». — «Новая и новейшая история», 1972, № 3.

⁸⁶ См. примечание 78.

⁸⁷ См. примечание 79.

ГЛАВА 3

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 352, 353.

² К. Д. Bracher. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln—[W.] Berlin, 1969, S. 87.

³ R. von Sebottendorf. Bevor Hitler kam. München, 1933, S. 62.

⁴ Daten der Geschichte der NSDAP von Dr. H. Volz. Zehnte unveränderte Ausgabe. Berlin — Leipzig, 1939, S. 4.

- ⁵ E. Nolte. Der Faschismus in seiner Epoche. Die Action Française. Der italienische Faschismus. Der Nationalismus. München, 1963, S. 384; D. Orlow. The History of the Nazi Party 1919—1933. Pittsburg, 1973, p. 11; Daten der Geschichte der NSDAP, S. 4.
- ⁶ W. L. Schirer. Aufstieg und Fall des Dritten Reiches, Bd. I. München—Zürich, 1966, S. 52—53.
- ⁷ J. G. Fest. Hitler. Eine Biographie. 7. Aufl. Frankfurt a/M. — [W.] Berlin—Wien, 1974, S. 164.
- ⁸ E. Deuerlein. Hitlers Eintritt in die Politik. Eine Dokumentation. Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte, H. 2. München, 1952, S. 195—197.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ См. Д. С. Давидович. Указ. соч., с. 113.
- ¹¹ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 5. См. также: J. G. Fest. Op. cit., S. 171—172.
- ¹² F. Jetzinger. Hitlers Jugend. Phantasien, Lügen und Wahrheit. Wien, 1956, S. 109—110; W. L. Schirer. Op. cit., S. 26—31; J. G. Fest. Op. cit., S. 60—94.
- ¹³ A. Kubizek. Adolf Hitler — mein Schulfreund. Graz, 1963, S. 11—14.
- ¹⁴ К. Гейден. История германского фашизма. М.—Л., 1935, с. 10—11.
- ¹⁵ W. L. Schirer. Op. cit., S. 46; J. G. Fest. Op. cit., S. 173.
- ¹⁶ К. Гейден. Указ. соч., с. 13.
- ¹⁷ См. Л. А. Безыменский. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964, с. 8. См. также: E. Deuerlein. Op. cit., S. 195.
- ¹⁸ E. Deuerlein. Op. cit., S. 206—212.
- ¹⁹ См. К. Гейден. Указ. соч., с. 16—18.
- ²⁰ См. там же, с. 16.
- ²¹ D. Orlow. Op. cit., p. 20; W. L. Schirer. Op. cit., S. 67.
- ²² J. G. Fest. Op. cit., S. 184.
- ²³ H. Heiber. Adolf Hitler. Eine Biographie. [West] Berlin, 1960; F. Heuss. Hitlers Weg. Eine historisch-politische Studie über den Nationalsozialismus. Stuttgart, 1952, S. 19—20; J. G. Fest. Op. cit., S. 228; Mc. Randle. The Track of the Wolf. Evanstone, 1965, p. 4; K. G. Luedcke. I Knew Hitler. London, 1938, p. 56; E. Hanfstaengel. The missing Years. London, 1957.
- ²⁴ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 7. См. также: J. G. Fest. Op. cit., S. 195.
- ²⁵ См. Д. С. Давидович. Указ. соч., с. 115.
- ²⁶ D. Orlow. Op. cit., p. 15—16.
- ²⁷ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 5.
- ²⁸ См. К. Гейден. Указ. соч., с. 37.
- ²⁹ G. Franz-Willing. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung 1919—1922. Hamburg — [West] Berlin, 1962, S. 146.
- ³⁰ См. К. Гейден. Указ. соч., с. 33—34.
- ³¹ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 89.
- ³² G. Franz-Willing. Op. cit., S. 155.
- ³³ M. Weissbecker. Op. cit., S. 389.
- ³⁴ Ibidem. См. также: J. G. Fest. Op. cit., S. 205.
- ³⁵ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 9.
- ³⁶ См. К. Гейден. Указ. соч., с. 197.
- ³⁷ J. G. Fest. Op. cit., S. 208—209.
- ³⁸ Цит. по: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 170.

- ³⁹ См. *H. Picker*. Hitlers Tischgespräche in Führerhauptquartier 1941—1942. Bonn, 1962, S. 41.
- ⁴⁰ *E. Nolte*. Op. cit., S. 398.
- ⁴¹ *H. Grebing*. Der Nationalsozialismus. Ursprung und Wesen. München, 1957, S. 54.
- ⁴² «Journal of Modern History» (New York), vol. XXV, 1958, p. 360.
- ⁴³ *G. F. W. Hallgarten*. Hitler, Reichswehr und Industrie. Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt a/M., 1962, S. 16, 20, 75.
- ⁴⁴ *M. Weissbecker*. Op. cit., S. 390—391.
- ⁴⁵ См. *Л. А. Безыменский*. Указ. соч., с. 32.
- ⁴⁶ См. *Д. С. Давидович*. Указ. соч., с. 115.
- ⁴⁷ *W. Maser*. Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP. Stuttgart, 1973, S. 410j.
- ⁴⁸ Ibid., S. 217.
- ⁴⁹ *E. Deuerlein*. Der Hitler Putsch. Bayrische Dokumente zum 8./9. November 1923. Stuttgart, 1962, S. 159.
- ⁵⁰ *D. Orlow*. Op. cit., p. 41.
- ⁵¹ *J. G. Fest*. Op. cit., S. 53.
- ⁵² Ibid., S. 23; *W. Görnitz, H. Quint*. Adolf Hitler. Eine Biographie. Stuttgart, 1952, S. 185.
- ⁵³ См. *Д. С. Давидович*. Указ. соч., с. 111—112.
- ⁵⁴ См. там же, с. 120.
- ⁵⁵ См. там же, с. 120—121.
- ⁵⁶ *W. L. Schirer*. Op. cit., S. 87.
- ⁵⁷ См. *W. L. Schirer*. Op. cit., S. 88.
- ⁵⁸ *W. Maser*. Op. cit., S. 288ff.
- ⁵⁹ *W. L. Schirer*. Op. cit., S. 87—92.
- ⁶⁰ *H. Frank*. Im Angesicht des Galgens. Deutung Hitlers und seiner Zeit auf Grund eigener Erlebnisse und Erkenntnisse, 2. Aufl. Neuhaus, 1955, S. 57.
- ⁶¹ *W. Hoegner*. Die verratene Republik. Geschichte der deutschen Kontrevolution. München, 1958.
- ⁶² *R. Hanser*. Prelude to Terror. The Rise of Hitler 1919—1923. London, 1970, p. 311.
- ⁶³ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 13—14; *R. Hanser*. Op. cit., p. 331.
- ⁶⁴ *R. Hanser*. Op. cit., p. 310—311.

ГЛАВА 4

- ¹ См. *В. Эггерат*. Куда идешь, Германия? М., 1968, с. 156.
- ² *J. G. Fest*. Op. cit., S. 14.
- ³ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 14.
- ⁴ *J. G. Fest*. Op. cit., S. 323.
- ⁵ См. *W. Jochmann*. Nationalsozialismus und Revolution. Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922—1933. Dokumente. Frankfurt a/M., 1963, S. 96f.
- ⁶ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 20.
- ⁷ *K. G. Luedecke*. Op. cit., p. 217—218.
- ⁸ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 21.
- ⁹ *H. Grebing*. Op. cit., S. 58.
- ¹⁰ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 323.
- ¹¹ См. *Л. И. Гинцберг*. Германский фашизм и монополии... — «Новая и новейшая история», 1977, № 3, с. 125—126.

- ¹² *R. Kühnl*. Die nationalsozialistische Linke 1925—1930. Marburger Abhandlungen zur politischen Wissenschaft. Hrsg. von W. Abendroth, Bd. 6. Meisenheim am Glan, 1966, S. 286—294.
- ¹³ См. *Л. И. Гинцберг*. Германский фашизм и монополии... — «Новая и новейшая история», 1977, № 3, с. 131—132.
- ¹⁴ См. там же, с. 133.
- ¹⁵ *W. L. Schirer*. Op. cit., S. 142.
- ¹⁶ *G. D. Alquen*. Die SS-Geschichte. Aufgabe und Organisation der Schutzstaffeln der NSDAP. Berlin, 1939, S. 6—10; *H. Bennecke*. Hitler und die SA. München—Wien, 1962, S. 40, 140.
- ¹⁷ Daten der Geschichte der NSDAP, S. 17—21.
- ¹⁸ Ibid., S. 25.
- ¹⁹ См. *R. Kühnl*. Op. cit., S. 17.
- ²⁰ Das Tagebuch von Joseph Goebbels 1925/1926 mit weiteren Dokumenten hrsg. von H. Heiber. Stuttgart, [s. a.], S. 57.
- ²¹ См. *Л. И. Гинцберг*. Германский фашизм и монополии... — «Новая и новейшая история», 1977, № 3, с. 136.
- ²² *R. Kühnl*. Op. cit., S. 17.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Das Tagebuch von Joseph Goebbels., S. 60.
- ²⁵ *M. Weissbecker*. Op. cit., S. 399.
- ²⁶ *F. Thyssen*. I paid Hitler. New York—Toronto 1941, p. 89. См. также: *G. Hallgarten*. Op. cit., S. 35—36.
- ²⁷ Цит. по: *W. Ulbricht*. Der faschistische deutsche Imperialismus 1933—1945 (Die Legende vom «deutschen Sozialismus»). Berlin, 1952, S. 15—16.
- ²⁸ *W. L. Schirer*. Op. cit., S. 100.
- ²⁹ См. Мировой экономический кризис. М., 1930, с. 108—109; *И. М. Файнгар*. Проблемы германской промышленности. М., 1934, с. 144.
- ³⁰ *J. Kuczynski*. Op. cit., S. 112—115.
- ³¹ См. *В. Руге*. Германия в 1917—1933 гг. М., 1974, с. 188—189.
- ³² См. *В. Д. Кульбакин*. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, с. 255.
- ³³ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
- ³⁴ *F. Ryszka*. Op. cit., s. 17.
- ³⁵ *С. Ф. Одуев*. Тропами Заратустры, с. 181.

ГЛАВА 5

- ¹ *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, с. 23.
- ² См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, с. 286.
- ³ *T. Mann*. Собр. соч. (в 10-ти томах), т. 10. М., 1961, с. 380.
- ⁴ *G. Lukacs*. Op. cit., S. 329.
- ⁵ См. *С. Ф. Одуев*. Философия «тотальной мобилизации». — «Вопросы философии», 1971, № 3, с. 139. Взгляды идейных предшественников нацизма подвергнуты глубокому критическому анализу в книге *С. Ф. Одуева* «Тропами Заратустры».
- ⁶ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, с. 9.

ГЛАВА 6

- ¹ См. *К. Гейден*. Указ. соч., с. 121.
- ² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, с. 74.

- ³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 274.
- ⁴ См. А. А. Галкин. Германский фашизм, с. 346.
- ⁵ См. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7 томах, т. 1. М., 1957, с. 105.
- ⁶ См. там же, с. 570.
- ⁷ См. А. А. Галкин. Германский фашизм, с. 324—325.
- ⁸ См. The Mind and Face of Nazi Germany. London, 1942, p. 114.
- ⁹ Ibid., p. 58.
- ¹⁰ Ibid., p. XIII.
- ¹¹ F. Ryszka. Op. cit., s. 39—40.
- ¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 324.
- ¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 245.
- ¹⁴ См. СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1968, с. 211.
- ¹⁵ См. The Mind and Face of Nazi Germany, p. 61.
- ¹⁶ Ibid., p. 37.
- ¹⁷ П. Тольятти. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 16.
- ¹⁸ См. Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966, с. 123.
- ¹⁹ E. Ludendorf. Der Totalen Krieg. München, 1935, S. 9—10.
- ²⁰ См. Нюрнбергский процесс., т. 1, с. 631.
- ²¹ См. Палачи Европы. Портреты и памфлеты. М., 1945, с. 55.
- ²² См. там же, с. 59—60.
- ²³ Was wir von Nationalsozialismus erwarten. Zwanzig Antworten. Hrsg. A. E. Gübther. Berlin, 1932.
- ²⁴ Г. Димитров. Избранные статьи и речи, с. 116.
- ²⁵ См. E. Calic. Ohne Maske. Hitler—Breiting Geheimgespräche 1931. Frankfurt a/M., 1968, S. 19.
- ²⁶ См. O. Strasser. Hitler und ich. Zürich, 1946, S. 27.

ГЛАВА 7

- ¹ П. Тольятти. Лекции о фашизме, с. 17—18.
- ² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 498.
- ³ См. The Mind and Face of Nazi Germany, p. 117.
- ⁴ См. Нюрнбергский процесс., т. 1, с. 685.
- ⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 192; т. 22, с. 208; т. 44, с. 122—123.
- ⁶ Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966; *его же*. Общественная психология и формирование нового человека. — «Коммунист», 1963, № 8; А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории. — «Вопросы истории», 1964, № 10.
- ⁷ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1965; *его же*. Основы социально-психологической теории. М., 1971; *его же*. В. И. Ленин об общественных настроениях. — «Вестник ЛГУ» (серия: Философия и психология), 1959, № 17; *его же*. Общественное настроение, его природа и динамика. — В сб.: Проблемы общественной психологии. Под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева. М., 1965; *его же*. Общественное настроение. М., 1966; А. Г. Ковалев. О социальной психологии. — «Вестник ЛГУ» (серия: Философия и психология), 1959, № 11.
- ⁸ А. А. Галкин. Германский фашизм; Современное революционное движение и национализм. М., 1973; С. Ф. Одуев. Фашизм и ниц-

шеанство. — «Философские науки», 1970, № 3; его же. Тропами Заратустры; Б. А. Шабад. Империализм и буржуазная социально-политическая мысль, М., 1969; С. Н. Фрумкин. «Философия истории» неонацизма. — «Вопросы философии», 1970, № 11; Современное революционное движение и национализм. Под ред. В. В. Загладина и Ф. Д. Рыженко. М., 1973.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 119.

ГЛАВА 8

¹ См. Нюрнбергский процесс., т. 7. М., 1961, с. 414.

² См. там же, с. 428—429.

³ См., например, U. Walendy. Wahrheit für Deutschland. Vlotho, 1964; H. Sündermann. Deutsche Notizen 1945—1966. Leoni, 1966; J. F. Barnick. Deutschlands Schuld an Frieden. Stuttgart, 1966; H. Härthle. Freispruch für Deutschland. Unsere Soldaten von dem Nürnberger Tribunale. Göttingen, 1965; W. Glasebock. War Deutschland am zweiten Weltkrieg allein schuld? Köln, 1964; E. Kern. Verrat am Deutschland. Göttingen, 1963; H. Grabert. Sieger und Besiegte. Der deutsche Nationalismus nach 1945. Tübingen, 1968; H. Grimm. Warum, woher aber wofür? Vor, unter und nach der geschichtlichen Erscheinung Hitler. Lippoldsberg, 1954.

⁴ U. Walendy. Op. cit., S. 36.

⁵ H. Grabert. Op. cit., S. 121.

⁶ Ibidem.

⁷ J. Hess. Gefangener des Friedens. Neue Briefe aus Spandau. Leoni, 1955; A. von Ribbentrop. Verschwörung gegen den Frieden. Leoni, 1962; J. von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Aus dem Nachlass. Hrsg. von A. von Ribbentrop. Leoni, 1963; A. Speer. Erinnerungen. [W.] Berlin, 1969; B. von Schirach. Ich glaubte an Hitler. Gütersloh, 1967.

⁸ W. M. McGovern, G. L. Mosse. The Crisis of German Ideology. New York, 1966; W. Z. Laqueur, G. L. Mosse. Internationaler Faschismus 1920—1945; P. F. Drucker. Die Zukunft der Industriegesellschaft. Düsseldorf—Wien, 1967; B. Moore. Soziale Ursprünge von Diktatur und Demokratie. Die Rolle der Grundbesitzer und Bauern bei der Entstehung der modernen Welt. Frankfurt a/M., 1969; A. F. G. Organski. Fascism and Modernization. — In: The Nature of Fascism. Proceeding of a Conference held by the reading University Graduate School of Contemporary European Studies. Ed. by S. L. Woolf. London, 1968; G. Germani. Fascism and Classes. — In: The Nature of Fascism.

⁹ S. M. Lipset. Political Man. New York, 1966; idem. Soziologie der Demokratie. Neuwied a./Rh., 1963; Der Faschismus. Die Linke, die Rechte und die Mitte. Theorien über Faschismus. Köln—[West] Berlin, 1967.

¹⁰ G. L. Mosse. Ernst Nolte on Three Faces of Fascism. — «Journal of the History of Ideas», 1966, vol. 27, N: 6; idem. Nazi Culture, Intellektual, Cultural and Social Life in the Third Reich. New York, 1966; G. Schulz. Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik. [W.] Berlin, 1965; D. Orlow. Op. cit.; E. Weber. Varieties of Fascism. Princeton (N. Y.)—Toronto—New York—London, 1964; J. Weiss. The Fascist Tradition. New York—Evanstone—London, 1967.

¹¹ См., например, *T. Pirker*. Komintern und Faschismus 1920—1940. Stuttgart, 1965.

¹² *K. D. Erdmann*. Die Zeit der Weltkriege in Bruno Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 4. Stuttgart, 1959, S. 188.

¹³ *G. Franz-Willing*. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung 1919—1922. Hamburg—[W.] Berlin, 1962; *K. Zentner*. Illustrierte Geschichte des Dritten Reiches. München, 1965; Die ersten fünfzig Jahre des zwanzigsten Jahrhunderts. Offenburg, 1950; *W. Maser*. Adolf Hitler. Legende. Mythos. Wirklichkeit. München—Esslingen, 1973; *idem*. Die Frühgeschichte der NSDAP. Hitlers Weg bis 1924. Frankfurt a/M., 1964; *E. Deuerlein*. Deutsche Kanzler von Bismarck bis Hitler. München, 1968; *idem*. Der Hitler Putsch. Bayrische Dokumente zum 8./9. November 1923.

¹⁴ *E. Franzel*. Das Reich der braunen Jacobiner. Der Nationalsozialismus als geschichtliche Erscheinung. München, 1964.

¹⁵ *E. Nolte*. Op. cit., S. 34.

¹⁶ *H. Mau*, *H. Krausnick*. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933—1945. Stuttgart, 1956; *W. Conze*. Die deutsche Nation Ergebnis der Geschichte. Göttingen, 1963; *H. Roffels*. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Eine Würdigung. Frankfurt a/M. — Hamburg, 1958; *G. Buchheim*, *M. Broszat*, *H. A. Jacobsen*, *H. Krausnick*. Anatomie des SS-Staates, Bd. 2. Freiburg, 1963; *M. Broszat*. Der Nationalsozialismus. Weltanschauung. Programm und Wirklichkeit. Stuttgart, 1960; *Th. Vogelsang*. Deutsche Geschichte. Die nationalsozialistische Zeit. Frankfurt a/M., 1967.

¹⁷ *D. Schoenbaum*. Hitler's Social Revolution. Classes and States on Nazi Germany. New York, 1966.

¹⁸ *B. Granzow*. A. Mirror of Nazism. British Opinion and the Emergence of Hitler 1929—1933. London, 1964.

¹⁹ *H. J. Gordon*. Hitler and the Beer Hall Putsch. Princeton, 1972, p. 11—12, 389—390.

²⁰ «Nation Europa» (Coburg), 1969, N 45, S. 27.

²¹ *R. Kühnl*. Op. cit.

²² *Г. Димитров*. Избранные статьи и речи, с. 116—117.

²³ *L. K. Adler*, *T. G. Paterson*. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism. 1930—1950. — «American Historical Review», 1970, N 4, p. 1064.

²⁴ См. *Д. С. Давидович*. Указ. соч., с. 118—119.

²⁵ *G. von Rauch*. Stalin und Machtergreifung Hitlers. — «Das Parlament», 4. März 1964, Beilage; *H. Weber*. Der deutsche Kommunismus. Dokumente. Köln—[W.] Berlin, 1963; *G. Hilger*. Wir und Kreml. Deutschrussische Beziehungen 1918—1941. [W.] Berlin, 1953.

²⁶ См. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 169—171.

²⁷ *W. Reich*. Massenpsychologie des Faschismus. Berlin, [s. a.], S. 11.

²⁸ *W. Reich*. Geschlechtszeige. Enthaltbarkeit. Ehemoral. Kopenhagen, 1936; *idem*. Die Sexuelle. Revolution. Frankfurt a/M., 1966.

²⁹ The Place of Fascism in European History. Ed. by G. Allardice. New York, 1971, p. 42—46.

³⁰ *J. G. Fest*. Op. cit.

³¹ *H. Marcuse*. Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der Fortgeschrittenen. Industriegesellschaft. Neuwied und [W.] Berlin, 1970, S. 96.

³² M. Bardeche. Qu'est-ce que le fascisme? Paris, 1961; Theorien über den Faschismus. Köln—[W.] Berlin, 1967, S. 68.

³³ The Nature of Fascism, p. 209, 225.

³⁴ См., например, H. Grebing. Der Nationalsozialismus. Ursprünge und Wesen. München, 1959, S. 31—40.

³⁵ H. von Maltitz. The Evolution of Hitler's Germany. New York, 1973.

³⁶ B. Brown: Marx, Freud and the Critique of Everyday Life. Towards Permanent Cultural Revolution. New York, 1973.

³⁷ W. Maser. Adolf Hitler; E. Deuerlein. Deutsche Kanzler von Bismarck bis Hitler; F. Jetzinger. Hitlers Jugend. Phantasien, Lügen und Wahrheit. Wien, 1956.

³⁸ W. Maser. Hitlers Briefe und Notizen. Sein Weltbild in handschriftlichen Dokumenten. Düsseldorf—Wien, 1973.

³⁹ R. Binion. Hitlers Concept of Lebensraum: The Psychological Basis. — «The Journal of Psychohistory», 1973, N 2, p. 188—189.

⁴⁰ W. Theimer. Geschichte der politischen Ideen. München, 1959, S. 380.

⁴¹ F. Bauer. Die Wurzeln geschichtlichen und nationalsozialistischen Handels. Frankfurt a/M., 1965, S. 32.

⁴² W. G. Langer. Das Adolf-Hitler-Psychogramm. Eine Analyse seiner Person und seines Verhaltens, verfasst 1943 für die psychologische Kriegsführung des USA. Mit einem Vorwort von F. Hacker. Wien—München—Zürich, 1972; D. Toland. Adolf Hitler. Bergisch-Gladbach, 1977.

⁴³ D. Orlow. Op. cit., p. VII.

⁴⁴ R. Butler. The Roots of National-Socialism 1783—1933. New York, 1968, p. 274.

⁴⁵ The Nature of Fascism, p. 209.

⁴⁶ A. Hamilton. The Appeal of Fascism. A study of intellectuals and fascism 1919—1945. London, 1971, p. XIX.

⁴⁷ См. об этом, например, «Unsere Zeit», 11.XII.1974, S. 7.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ «Die Welt am Sonntag», 14.X.1973.

⁵⁰ См. «Horizont», 1977, N 31, S. 7.

⁵¹ Ibidem.

⁵² «Unsere Zeit», 30.VIII.1977.

⁵³ A. Kubizek. Op. cit.

⁵⁴ См. «Horizont», 1977, N 31, S. 7.

⁵⁵ W. Maser. Adolf Hitler.

⁵⁶ W. G. Langer. Op. cit., S. 37.

⁵⁷ N. Gun. Eva Brown. Hitlers Mistress. New York, 1968.

⁵⁸ Ibid., p. VII.

⁵⁹ «Die Zeit», 12.X.1973.

⁶⁰ «Die Welt» (Hamburg), 1.X.1973.

⁶¹ H. Stellrecht. Adolf Hitler—Heil oder Unheil. Tübingen, 1973.

⁶² См., например, W. Kempowski. Haben Sie Hitler gesehen? — «Die Zeit», 16.III.1973.

⁶³ См. «Unsere Zeit», 11.XII.1974, S. 7.

⁶⁴ The Place of Fascism in European History.

⁶⁵ Nazis and Fascists in Europa. 1918—1945. Ed. by J. Weiss. Chicago, 1969.

⁶⁶ The Nature of Fascism.

⁶⁷ The Totalitarianism in Perspective. New York, 1971.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 72.

ГЛАВА 9

¹ Цит. по: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 171.

² См. там же, с. 191.

³ См. *Эрнст Тельман*. Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения, т. 1. М., 1957, с. 76, 169—171.

⁴ См. там же, с. 358.

⁵ Там же, с. 370.

⁶ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, вып. VI. М.—Л., 1929, с. 18.

⁷ Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946. Berlin, 1954, S. 275—281. См. также: Programmklärung zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes. — In: Revolutionäre deutsche Parteiprogramme. Vom Kommunistischen Manifest zum Programm des Sozialismus. Hrsg. von L. Berthold und E. Diehl. Berlin, 1969, S. 119—122.

⁸ Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands, S. 296.

⁹ Ibid., S. 296—297.

¹⁰ *Л. И. Брежнев*. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, с. 128.

¹¹ См. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, с. 32.

СОДЕРЖАНИЕ

1	Не только история — 5
2	Марксистская литература о фашизме — 24
3	Детище генералов рейхсвера — 39
4	Реорганизация и перегруппировка сил — 76
5	Духовные предтечи фашизма — 99
6	С чем они апеллировали к массам — 118
7	Вербовка политической пехоты — 139
8	Алиби — ретроспективно? — 155
9	Фашизм не приходит в одну ночь — 184
	Примечания — 194

ИБ № 589

Бланк Александр Соломонович

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО ФАШИЗМА В ГЕРМАНИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЯ МЕТОДЫ

Заведующий редакцией *А. В. Варшавский*
Редактор *Л. В. Рогова*
Младший редактор *З. В. Макарова*
Оформление художника *В. В. Сурикова*
Художественный редактор *В. А. Захарченко*
Технический редактор *Ж. М. Голубева*
Корректор *Ч. А. Скруль*

Слано в набор 20.10.77. Подписано в печать 31.03.78. А05063. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типограф. № 1. Литерат. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 10,92. Учетно-издательских листов 11,76. Тираж 29 000 экз. Заказ № 3573. Цена 80 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.

80к.